

Интервью номера

- 3** Дмитрий Пристансков: «Юрист должен всегда совершенствоваться. В этом суть его конкурентоспособности». Интервью с государственным деятелем, российским юристом, кандидатом юридических наук, членом Президиума АЮР, статс-секретарем — вице-президентом компании «Норникель» Д.В. Пристансковым

Новости Ассоциации юристов России

- 6** В Москве прошла церемония вручения премии «Юрист года — 2019»
- 7** В Москве был дан запуск III Всероссийскому правовому (юридическому) диктанту
- 8** Делегация АЮР встретила с Президентом Республики Татарстан
- 9** В Казани состоялось выездное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства
- 11** В Казани состоялось вручение Всероссийской юридической премии имени Габриэля Шершеневича
- 12** Вручение Всероссийской правовой премии имени М.М. Сперанского состоялось во Владимире
- 13** Председатель АЮР Владимир Плигин выступил на торжественной церемонии награждения «Право.ru-300»
- 13** В 2020 году пройдет эксперимент по введению электронных трудовых книжек
- 14** В Совете Федерации провели круглый стол по вопросам защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом

Конституционное право, муниципальное право

- 15** Авакьян С.А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции

- 21** Братцева Е.А. Необходимость правового регулирования осуществления территориального общественного самоуправления на уровне субъектов Федерации

- 24** Гончаренко О.К. Законодательство Российской Федерации о защите прав женщин нуждается в совершенствовании

Гражданское право, предпринимательское право

- 28** Жильцов Н.А., Чердаков О.И. О правовых и неправовых регуляторах киберпространства
- 35** Латынин О.А. Гражданский оборот как цивилистический концепт
- 39** Павлов А.А. Фидуциарные обязанности как неотъемлемая часть предмета договора управления чужими делами

Административное право, уголовное право

- 43** Грохотова Е.А. Социальное предназначение примирения по уголовным делам
- 46** Мутасова М.А., Осокин Р.Б. Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона

Международное право

- 50** Кусаева А.Р. кызы Гражданско-правовая ответственность за нарушения сделок в электронной форме в Германии
- 54** Чесни Г., Мовшович М.Г., Лоу Ч. Принцип добросовестности в практике английских судов

Юридическая практика

- 60** Козлова М.Ю. Юридический язык публичных оферт, размещенных в сети Интернет
- 64** Аннотации и ключевые слова на английском языке

Interview of the issue

- 3** Dmitriy Pristanskov: “Lawyers should improve themselves all the time. This is the essence of their competitiveness”. Interview with a Statesman, a Russian lawyer, PhD (Law), Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, State Secretary, Vice-Secretary of Norilsk Nickel D.V. Pristanskov

News of the Association of Lawyers of Russia

- 6** 2019 Lawyer of the Year Awarding Ceremony took place in Moscow
- 7** The III All-Russian Legal Spelling Test was started in Moscow
- 8** The Association of Lawyers of Russia Delegation met the President of the Republic of Tatarstan
- 9** A visiting session of the Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation took place in Kazan
- 11** Granting the All-Russian Legal Award named after Gabriel Shershenevich took place in Kazan
- 12** Granting the All-Russian Law Award named after M.M. Speransky took place in Vladimir
- 13** Chairperson of the Association of Lawyers of Russia Vladimir Pligin addressed the Pravo.ru-300 Awarding Ceremony
- 13** Experiment in introduction of electronic employment books will be conducted in 2020
- 14** A round table on protection of rights and legal interests of Russian citizens abroad was held in the Council of Federation

Constitutional Law, Municipal Law

- 15** Avakyan S.A. Local Self-Government as a Form of Public Authority: Constitutional Expectations and Real Structures

- 21** Brattseva E.A. Need for Legal Regulation of Territorial Public Self-Government at the Level of Federal Constituent Entities

- 24** Goncharenko O.K. Legislation of the Russian Federation on Protection of Rights of Women Needs Improvement

Civil Law, Entrepreneurial Law

- 28** Zhiltsov N.A., Cherdakov O.I. On Legal and Non-Legal Regulators of Cyberspace

- 35** Latynin O.A. Civil Law Transactions as a Civilized Concept

- 39** Pavlov A.A. Fiduciary Duty as an Integral Part of the Subject of an Agreement of Management of Other People's Business

Administrative Law, Criminal Law

- 43** Grokhotova E.A. Social purpose of reconciliation on criminal cases

- 46** Mutasova M.A., Osokin R.B. Implementation of the Principle of Justice Taking into Account the Rule on Criminal Law Retroactivity

International Experience

- 50** Kusaeva A.R. kyzy. Civil Law Liability for Transaction Violation in Electronic Form in Germany

- 54** Chesney G., Movshovich M.G., Low Ch. The Principle of Good Faith in the Practice of English Courts

Юридическая практика

- 60** Козлова М.Ю. Юридический язык публичных оферт, размещенных в сети Интернет

- 64** Abstracts of articles and keywords in English

**Дмитрий Пристансков:
«Юрист должен всегда совершенствоваться.
В этом суть его конкурентоспособности»**

Интервью с государственным деятелем, российским юристом, кандидатом юридических наук, членом Президиума АЮР, статс-секретарем — вице-президентом компании «Норникель» Д.В. Пристансковым

— Дмитрий Владимирович, расскажите, пожалуйста, о своем детстве и о том, что повлияло на Ваш выбор профессии?

— Родился в городе Саратове, мое детство было интересным и увлекательным, в то время мы еще обходились без компьютеров и гаджетов и засыпали с книгой под подушкой, а по вечерам играли во дворе.

Честно сказать, юристом становиться я не планировал. Вряд ли кто-то в детстве мечтает стать юристом. Но на выбор профессии влияет множество факторов.

Во-первых, увлечения человека. Ведь явно есть что-то, что почти с рождения определяет интерес человека. У меня была идея поступать во ВГИК, на режиссерское отделение. Но мой папа всю жизнь проработал в органах прокуратуры и следствия. У мамы то-

же было юридическое образование — третье по счету, до этого она получила дипломы физика-математика и экономиста.

Так что не пойти на юрфак я не мог.

Свой самый первый опыт я получил еще в школе: проходил практику при органах прокуратуры и следствия. Тогда прокуратура была не только надзорным органом, но и обладала полномочиями по расследованию преступлений.

Помню себя в детстве, лет в пять-шесть: выходные, а я у папы в кабинете городской прокуратуры. Он работает, печатает на машинке обвинительные заключения, а я рядом. Наверное, эта атмосфера отцовского рабочего кабинета сильно на меня повлияла и предопределила желание стать юристом.

Профессиональную карьеру я начинал в районной Выборгской прокуратуре города Санкт-Петербурга помощником прокурора района, отвечал за надзор в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Конечно же, занимался и расследованием ряда уголовных дел в рамках поручений прокурора. Затем перешел в прокуратуру Ленинградской области, в аппарат, прокурором по надзору (также в гражданском судопроизводстве). Но прокурорский опыт у меня был недолгим — признаюсь честно, я сбежал работать в коммерческую структуру, на деревообрабатывающий завод. После этого трудился в адвокатском бюро, в 2005 г. ушел на государственную службу и провел в общей сложности на ней около 13 лет, за исключением яркого периода работы в «Норильском никеле». Недавно я снова вернулся в компанию.

— Вы окончили государственный университет в Санкт-Петербурге по специальности «юриспруденция». Одним из Ваших преподавателей был Дмитрий Медведев. Как Вы считаете, какие есть плюсы и минусы сейчас у правовой системы?

— Дмитрий Анатольевич преподавал римское право. Суть римского права — это основа всей правовой системы, источник юридического вдохновения, всех правил и норм. Право — очень статичная вещь, но как отрасль, как наука, оно постоянно развивается, совершенствуется. На мой взгляд, сейчас российская пра-

вовая система — одна из лучших в мире. Она впитала в себя самое лучшее из европейского права.

Мы пользуемся теми же юридическими институтами, которые были известны в Древнем Риме. Единственное, чего нужно избегать, — это постоянных попыток усовершенствовать законодательство. Потому что в итоге это превращается в клубок поправок, изменений, дополнений, в котором крайне сложно порой даже юристу разобраться, не говоря уже об обычном гражданине. А ведь разбираться в основах права нужно не только практикующему юристу, правоприменителю, но и любому здравомыслящему человеку. Вы же знаете правило — «Незнание закона не освобождает от ответственности», и оно касается любого человека в нашей стране и вообще в мире.

— Вы считаете, что такие частые изменения в законодательстве — это плохо?

— Порой они вызваны объективными причинами, правоприменительной практикой. Ведь на стадии разработки, подготовки, анализа поправок не всегда могут быть учтены те или иные обстоятельства и факторы, которые в последующем могут повлиять на применение этой нормы в реальной жизни.

— Дмитрий Владимирович, до прихода в «Норникель» Вы курировали вопросы управления имуществом в Минэкономразвития. Какая стезя Вам ближе — госслужба или же коммерция?

Считаю, что человек должен попробовать себя в разных сферах и отраслях. В 2005 г., когда я пришел на государственную службу, произошла административная реформа — на базе упраздненного Министерства государственного имущества было создано Федеральное агентство по

управлению федеральным имуществом. Я пришел тогда на должность помощника руководителя Агентства.

Незадолго до этого я перебрался в Москву из Санкт-Петербурга. Новый город, новый мир, абсолютно новый опыт, в то же время новые и совершенно потрясающие возможности. Я проработал в Агентстве на протяжении около десяти лет, прошел путь от помощника руководителя, начальника управления (тогда было создано новое управление по реформированию имущественного комплекса академий наук). Тогда же были поставлены амбициозные

задачи по инвентаризации имущества академий наук — его оценке и приведению в надлежащее состояние. Затем меня назначили заместителем руководителя Росимущества (произошло это 31 декабря 2010 г.), спектр вопросов расширился, это были вопросы военно-промышленного комплекса, строительства, социальной, культурной и научной сфер. Но в какой-то момент я решил, что надо что-то в жизни менять, пока позволяют силы, возраст, опыт. В «Норильский никель» я пришел в 2014 г.

Но весной 2016 г. вернулся на госслужбу (порой так случается) уже в должности заместителя

министра экономического развития — руководителя Росимущества. Задачи были еще более амбициозные: продажа акций Башнефти, большая приватизация (выход на биржу компании «Алроса»).

В 2016 г. надо было добиться результата от приватизации более чем в триллион рублей, провести масштабную инвентаризацию федерального имущества, осуществить реорганизацию органа власти, привести в порядок приватизационное законодательство. Я понимал крайнюю степень ответственности, осознавал, что это тяжелый труд, требующий высокого напряжения, чреватый моральным и физическим давлением, но взялся за эту работу. Есть такое слово — «надо».

Вообще госслужба — это некий отдельный и для многих непонятный мир. Это ситуация, когда ты живешь порой за рамками своей личной жизни. Но это мощная школа для любого юриста и менеджера. Люди, вышедшие из системы государственного управления, видны сразу. По манере общаться, по характеру написания деловых писем. Тем не менее в конце 2018 г. я принял решение уйти с госслужбы и вернулся в компанию «Норильский никель», уже в должности статс-секретаря — вице-президента.

Курирую то же направление, которым занимался несколько лет назад, — блок федеральных и региональных программ, взаимодействие с органами государственной власти, с профессиональными отраслевыми и общественными организациями. Спектр вопросов широкий. Я рад, что вернулся в компанию. Общаюсь и работаю с теми же коллегами, будто и не уходил отсюда.

— Исходя из каких прогнозов «Норникель» строит свои планы?

— Исходя из макроэкономических и мировых трендов. «Нор-

никель» — это мировой лидер в производстве никеля, палладия, мы также входим в число лидеров по производству платины и меди и имеем репутацию устойчивой компании, которая может преодолевать самую нестабильную макроэкономическую обстановку. Более того, компания — один из лидеров в российском экспорте, наша доля составляет около 2,6%, мы поставляем продукцию в 34 страны мира. Только по итогам прошлого года мы экспортировали продукции на сумму порядка 11 млрд долларов США. В ноябре мы представили новую стратегию компании на ближайшие десять лет. До 2030 г. мы планируем инвестировать в модернизацию производства и экологические проекты около 2,5 трлн рублей.

Мы активный участник федерального экологического проекта «Чистый воздух» в рамках национального проекта «Экология»: компания взяла на себя обязательство многократно снизить выбросы диоксида серы в Норильском промышленном районе и выбросы на Кольском полуострове. Это амбициозные задачи и беспрецедентный объем инвестиций. Мало кто может себе позволить взять на себя такой объем обязательств социального характера.

— А как мировые сложности влияют на положение «Норникеля»?

— Мы преодолеваем многочисленные нестабильные макроэкономические ситуации благодаря ряду факторов. Это и гибкая финансовая дивидендная политика, и взвешенный подход к инвестициям, и рациональное использование активов. Наша компания привлекательна для инвесторов всего мира.

— Вы также состоите в попечительском совете Фонда кино при Правительстве Рос-

сийской Федерации. Как Вам удается все успевать?

— Я Вас поправлю, состоял раньше в Попечительском совете. В прошлом году произошла реформа Фонда. К тому моменту я вышел из состава Попечительского совета. Но от кино далеко не ушел, возглавляю Совет директоров Киностудии имени М. Горького.

Как все успевать? Залог успеха — тайм-менеджмент, умение правильно распределять рабочий процесс и время. Хотя могу сказать, что мне в сутках не хватает еще нескольких часов.

— А можете ли Вы назвать три кита, на которых держится российская юриспруденция?

— Три кита, на которых должна держаться любая система современной юриспруденции, — это гарантия и защита прав человека и гражданина, гарантии частной собственности и справедливое правосудие, которое, конечно, обеспечивает первые два принципа.

— Что бы Вы могли пожелать начинающим молодым юристам?

— Верить в себя. Верить в право и в справедливость. Как говорили в древности, право — есть искусство добра и справедливости. Вот то, во что нужно верить и вкладывать свои силы. Глубоко и детально изучать правовые нормы, потому что юрист — это прежде всего глубокий системный аналитик. Без аналитического склада ума в юриспруденции работать сложно. Читать классиков традиционной российской до-reволюционной и советской юриспруденции — это вечный кладез знаний. Постоянно изучать что-то новое, интересоваться нововведениями, юрист должен всегда совершенствоваться. В этом суть его конкурентоспособности.

Беседу вела Екатерина Живова

В Москве прошла церемония вручения премии «Юрист года — 2019»

Торжественная церемония награждения лауреатов Высшей юридической премии «Юрист года»

3 декабря в концертном зале «Зарядье» состоялась церемония награждения лауреатов Высшей юридической премии «Юрист года», учрежденной Приказом Президента России от 8 октября 2009 г. № 1129.

В торжественных мероприятиях приняли участие председатель Ассоциации юристов России, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Виктор Блажеев**, сопредседатель Ассоциации **Сергей Степашин**, сопредседатель АЮР, председатель Комитета Госдумы РФ по государственному строительству и законодательству **Павел Крашенинников**, председатель Правления АЮР **Владимир Груздев**.

Почетными гостями церемонии стали первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ **Николай Федоров**, заместитель министра экономического развития Российской Федерации — руководитель Росреестра **Виктория Абрамченко**, уполномоченный при Президенте Российской Фе-

дерации по защите прав предпринимателей **Борис Титов**, генеральный директор «Российской газеты» **Павел Негоица**, директор Фонда «Росконгресс» **Александр Стуглев** и многие другие.

В номинации «За вклад в юридическую науку» премии «Юрист года — 2019» удостоен заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований,

главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **Юрий Тихомиров**.

Лауреатом премии в номинации «Юридическое образование и воспитание» стал заведующий кафедрой предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Евгений Губин**.

Премией в номинации «За правозащитную деятельность» отмечен первый заместитель премьер-министра Правительства Республики Башкортостан, член Президиума Ассоциации юристов России, председатель Совета Регионального отделения Ассоциации по Республике Башкортостан **Андрей Назаров**.

Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству, сопредседатель Ассоциации **Павел Крашенинников** стал лауреатом премии в номинации «Правовое просвещение».

С.В. Степашин и П.В. Крашенинников

В номинации «Развитие законодательства» премия присуждена председателю Комитета Государственной Думы Российской Федерации по бюджету и налогам **Андрею Макарову**.

Председатель Правления ПАО «Газпром» Алексей Миллер и профессор кафедры правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России **Любовь Шевченко** получили Всероссийскую юридическую премию имени В.А. Муси-

на за вклад в развитие энергетического права.

Медаль имени Олега Емельяновича Кутафина «За заслуги в юриспруденции» вручена Владимиру Груздеву — председателю Правления Ассоциации юристов России.

Помимо церемонии награждения лауреатов премии, программа вечера включала в себя яркие культурные мероприятия, а также площадку, где можно было приобрести сувениры Ассоциации.

Кроме того, в рамках мероприятия прошли презентации: собрания сочинений в четырех томах Павла Крашенинникова, книг председателя Центральной контрольно-ревизионной комиссии Ассоциации Сергея Шахрая, председателя Комиссии АЮР по энергетическому праву Виктории Романовой, директора Института государства и права РАН Александра Савенкова и заместителя председателя Следственного комитета Российской Федерации, члена Президиума АЮР Александра Федорова, а также журналов Издательской группы «Юрист».

Одним из ключевых событий дня стал запуск III Всероссийского правового (юридического) диктанта, который можно написать с 3 по 10 декабря на сайте юрдиктант.рф.

Праздничные мероприятия в концертном зале «Зарядье» в честь Дня юриста посетили свыше тысячи представителей профессионального сообщества. Насыщенная деловая часть программы и выступления талантливых артистов наряду с вручением наград на сцене сделали этот день по-настоящему ярким и запоминающимся.

Д.О. Кутафин, В.С. Груздев, В.В. Блажеев

В Москве был дан запуск III Всероссийскому правовому (юридическому) диктанту

В течение недели, с 3 по 10 декабря 2019 г., любой желающий в возрасте от 14 лет смог принять участие в написании III Всероссийского правового (юридического) диктанта и проверить свои познания в юриспруденции.

Основными задачами диктанта были повышение уровня правовой культуры и мотивации населения в изучении права.

3 декабря в 16:45 в рамках празднования Дня юриста состо-

ялась торжественная церемония запуска диктанта. Начиная с этого часа и по 10 декабря были открыты тестовые задания.

Протестировать свою правовую грамотность можно было на сайте <http://юрдиктант.рф/>. На нем была доступна общая информация, задания появились в момент старта акции. Участникам было предложено в формате теста ответить на 40 вопросов за 60 минут.

Кроме того, 6 декабря в 12.00 (по местному времени) во всех

регионах страны открылись площадки для очного написания диктанта. В Москве местом проведения очного этапа традиционно выступил Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Каждый участник диктанта получил сертификат с результатом прохождения теста. После завершения акции на сайте открылся доступ к информационным материалам по допущенным ошибкам.

Соорганизаторы юридического диктанта

Соорганизаторами диктанта являются Ассоциация юри-

стов России и «Деловая Россия», партнерами выступили Мини-

стерство иностранных дел Российской Федерации, ФГБУ «Редакция «Российской газеты»», Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Европейская юридическая служба.

К участию в диктанте были приглашены все желающие!

Справочно: В 2019 г. Ассоциация юристов России получила президентский грант на проведение социально значимого проекта — III Всероссийского правового (юридического) диктанта.

В 2017 г. диктант написали 55 тыс. человек, в 2018-м это число утроилось и составило 165 тыс. участников.

Делегация АЮР встретила с Президентом Республики Татарстан

6 декабря в Казанской ратуше состоялась встреча Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова с делегацией Ассоциации юристов России.

Во встрече принимали участие сопредседатель АЮР Павел Крашенинников, председатель Правления АЮР Владимир Груздев, заместитель председателя Правле-

ния АЮР Жунус Джакупов, ответственный секретарь АЮР Игорь Манылов и исполнительный директор — руководитель Аппарата АЮР Станислав Александров.

Р.Н. Минниханов с делегацией АЮР

Кроме того, на встрече присутствовали заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Олег Свириденко и полномочный представитель Правительства в Государственной Думе Александр Синенко.

Рустам Минниханов подчеркнул, что Татарстанское региональное отделение с 2007 г. успешно доказывает свою эффективность. Ассоциация юристов России — действенный инструмент гражданского общества, который объединяет юристов страны, считает глава республики.

«Одним из самых востребованных направлений работы Ассоциации остается правовое консультирование населения и развитие центров бесплатной юридической помощи. Такая деятельность особенно актуальна в сельских поселениях отдаленных районов республики, где ежемесячно работает мобильная группа регионального отделения Ассоциации. Такая форма помощи населению должна быть квалифицированной и системной», — сказал Президент Татарстана.

Стороны обсудили механизмы взаимодействия с государственной властью и местным самоуправлением, отметили важность проведения дней бесплатной юридической помощи.

Была также отмечена эффективность консультаций в прямом эфире радиостанции «Болгар радио».

В завершение встречи была достигнута договоренность и впредь развивать правовое сотрудничество на региональном уровне.

В Казани состоялось выездное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства

6 декабря в Казани состоялось заседание Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, которое провел председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, сопредседатель АЮР Павел Крашенинников.

В заседании также приняли участие председатель Правления АЮР Владимир Груздев и исполнительный директор — руководитель Аппарата, член Правления Станислав Александров.

На заседании были рассмотрены законопроекты о совершенствовании законодательства о вещных правах, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов) и о защите прав собственников помещений.

Согласно повестке заседания, пункт первый о деталях законопроекта озвучил член Совета по кодификации при Президенте Российской Федерации, руко-

В.С. Груздев и П.В. Крашенинников

водитель рабочей группы по совершенствованию законодательства о вещных правах Василий Витрянский.

Вещное право — абсолютное субъективное гражданское право, обеспечивающее возможность его обладателю своими непосредственными действиями извлекать полезные свойства из самой индивидуально-определенной вещи

для удовлетворения своего собственного интереса. Лицо, обладающее вещным правом, осуществляет его самостоятельно, не прибегая для этого к каким-либо определенным действиям, содействию других обязанных лиц. Собственник вещи владеет, пользуется и распоряжается ею по своему усмотрению в пределах, установленных законом. Вещные

права можно разделить на три группы: на право собственности, на ограниченные вещные права и на право земельного участка.

«Судебная практика показывает, что объекты, зарегистрированные в реестре как недвижимые вещи, зачастую признаются судами движимыми вещами или даже не вещами, а составными частями земельного участка. Например, суды признавали, что не являются недвижимыми вещами асфальтированные площадки, заборы, оросительные системы и прочее, — пояснил Витрянский. — С другой стороны, судебная практика иногда признает недвижимыми вещами объекты, государственная регистрация на которые в реестре недвижимости отсутствует (например, недвижимостью признавались подъемные краны, производственное оборудование и прочее)».

Согласно законопроекту, ключевым видом недвижимого имущества считается земельный участок, а любые постройки, возведенные на земельном участке, по общему правилу являются его составной частью (так называемый принцип единого объекта, характерный для большинства ключевых зарубежных юрисдикций). Постройки (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства) могут признаваться са-

мостоятельными вещами только в случаях, когда в соответствии с законом за лицом, не являющимся собственником участка, но возведшим постройку с согласия собственника, признается возможность приобретения права собственности на постройку, возведенную на чужой земле. К числу таких случаев будет относиться в первую очередь возведение построек арендатором земельного участка, который был предоставлен его собственником под строительство.

Говоря о законопроекте о совместном имуществе, докладчик, заместитель председателя совета ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации» Лидия Михеева сообщила, что принятие законопроекта избавит бывших супругов от многочисленных судебных тяжб. «Ведь по существующим правилам сначала супруги делят недвижимость, потом банковские счета, а затем и остальное имущество, приобретенное в процессе совместного проживания», — отметила она.

Обсуждая законопроект о защите прав собственников помещений, сопредседатель АЮР Павел Крашенинников напомнил, что введение предлагаемого регу-

лирования позволит предотвратить нарушение прав и законных интересов граждан, четко отделив процедуру образования земельного участка под многоквартирным домом (в ходе которой должны быть в том числе соблюдены права смежных землепользователей и разрешены споры о границах земельного участка) от процедуры изъятия жилого помещения для публичных нужд, что сделает указанные процедуры более прозрачными.

Справочно: Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства — консультативный орган при Президенте Российской Федерации, обеспечивающий взаимодействие между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием гражданского законодательства.

Образован Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 г. № 1338. Этим же Указом утверждено Положение о Совете и его состав.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

В Казани состоялось вручение Всероссийской юридической премии имени Габриэля Шершеневича

*Торжественная церемония вручения
Всероссийской юридической премии имени Г. Шершеневича*

6 декабря в Казани состоялось вручение Всероссийской юридической премии имени Габриэля Шершеневича.

В торжественной церемонии вручения премии приняли участие Президент Татарстана Рустам Минниханов, сопредседатель АЮР Павел Крашенинников, председатель Правления АЮР Владимир Груздев, заместитель Председателя Правления АЮР Жунус Джакупов, ответственный секретарь АЮР Игорь Манылов и исполнительный директор — руководитель Аппарата АЮР Станислав Александров. Кроме того, на вручении присутствовали заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Олег Свириденко и полномочный представитель Правительства в Государственной Думе Александр Синенко.

Глава Аппарата АЮР напомнил, что церемония вручения юридической премии не случайно проходит в Казани — поскольку этот город является кузницей кадров для многих поколений юристов.

«Габриэль Шершеневич был великим цивилистом, а еще и профессором Казанского и Московского университетов, и его значительный вклад в развитие гражданского права мы ценим до сих пор», — отметил он.

С приветственными словами выступили также сопредседатель Ассоциации юристов России

Павел Крашенинников, председатель Татарстанского регионального отделения Ассоциации юристов России Ильдар Халиков.

Обладателями премии имени Шершеневича стали доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой гражданского права Юридического факультета МГУ Евгений Суханов, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московской юридической академии Валерий Лазарев. Награду вручил сопредседатель Ассоциации юристов России Павел Крашенинников.

Кроме того, благодарность Председателя Совета Федерации России получил председатель Татарстанского отделения Ассоциации юристов России Ильдар Халиков.

В завершение Рустам Минниханов вручил государственные награды Республики Татарстан и Благодарность Президента РТ представителям юридического сообщества.

И.Ш. Халиков и П.В. Крашенинников

Вручение Всероссийской правовой премии имени М.М. Сперанского состоялось во Владимире

22 ноября во Владимире председатель Ассоциации юристов России Виктор Блажеев и сопредседатель Ассоциации юристов России Павел Крашенинников вручили выдающимся юристам Всероссийскую правовую премию имени М.М. Сперанского.

Местом проведения торжеств стал музейный центр «Палаты» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Премия была учреждена в 2011 г. Ассоциацией юристов России по инициативе владимирских правоведа в память о выдающемся государственном деятеле XIX в., уроженце Владимирской губернии Михаиле Михайловиче Сперанском.

В 2019 г. премия присуждена директору Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академику РАН, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юри-

В.В. Блажеев, П.В. Крашенинников и лауреат премии Т.Я. Хабриева

сту Российской Федерации, члену Президиума АЮР Талии Хабриевой и члену Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Новгородской области, доктору юридических наук, профессору кафедры управле-

ния и права Новгородского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации Сергею Фабричному.

«Для меня это чувство — глубоко личная история. Но это важное событие для меня, как и для директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, который уже в течение ста лет использует методологическую оптику исследования законотворческих отношений, предложенных Сперанским», — сказала Талия Хабриева

Напомним, что лауреатами премии прошлых лет становились Дмитрий Медведев, Сергей Степашин, Павел Крашенинников и другие известные государственные деятели и ученые.

В церемонии награждения приняли участие представители федеральных и региональных органов государственной власти и местного самоуправления, юридическая общественность, студенты вузов.

П.В. Крашенинников, В.В. Блажеев и лауреат премии С.Ю. Фабричный

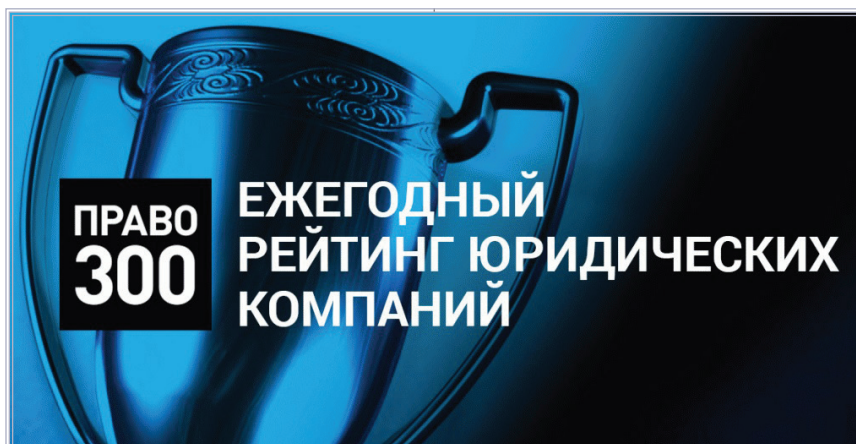
Председатель АЮР Владимир Плигин выступил на торжественной церемонии награждения «Право.ru-300»

5 декабря в Москве в отеле Ritz состоялась церемония награждения лидеров рейтинга юридических компаний России «Право.ru-300».

Специальным гостем мероприятия стал Председатель АЮР **Владимир Плигин**.

Он принял участие в данной церемонии и выступил с приветственным словом.

Владимир Плигин поблагодарил участников рейтинга и отметил, что их работа, безусловно, способствует повышению качества и культуры правового взаимодействия между обществом, государством и бизнесом. Кроме того, он добавил, что присутствие компании в рейтинге «Право.ru-300» свидетельствует о высоком профессионализме ее руководства и команды, умении выстраивать конструктивные, доверительные отношения с партнерами.

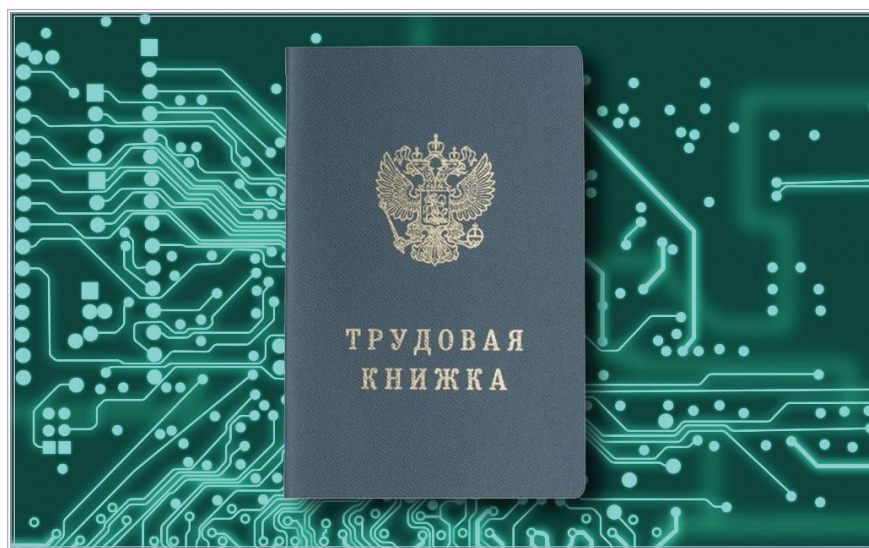

Среди гостей мероприятия были управляющие партнеры и партнеры российских и международных юридических фирм — участники рейтинга «Право.ru-300», главы юридических департаментов ведущих компаний, представители законодательных органов, регуляторов и судебной системы.

В завершение председатель АЮР пожелал победителям и участникам успехов в области права.

Справочно: Рейтинг «Право.ru-300» определяет лидеров российского юридического рынка и на протяжении многих лет представляет собой наиболее системное национальное исследование. Рейтинг складывается из двух категорий: лучшие компании по финансовым и статистическим показателям, лучшие компании по отраслям права.

В 2020 году пройдет эксперимент по введению электронных трудовых книжек

Правительственная комиссия по законопроектной деятельности рассмотрела законопроект

о проведении эксперимента по внедрению электронных трудовых книжек. Участие в проекте

для работников будет добровольным, а на создание специального сервиса планируется выделить в будущем году 124,6 млн рублей.

«Планируется, что в 2020 году вступит в силу закон, вводящий электронные трудовые книжки, — напомнил председатель Правления Ассоциации юристов России **Владимир Груздев**. — На первом этапе переход на электронные трудовые книжки будет добровольным. До 31 декабря 2020 г. каждый работающий гражданин должен будет сделать выбор и подать работодателю заявление о том, продолжать ли вести его трудовую книжку или перейти на хранение информа-

ции только в электронном виде. Если человек не подаст заявление, по умолчанию работодатели продолжат вести бумажную трудовую книжку. Но на молодых людей, которые впервые поступят на работу после 31 декабря 2020 г., будут открываться только электронные трудовые книжки».

По его словам, работодатели будут ежемесячно представлять в Пенсионный фонд сведения о

трудовой деятельности своих работников, на основе которых будут формироваться электронные трудовые книжки.

«Сейчас подготовлен законопроект о проведении эксперимента по внедрению электронных трудовых книжек, в ходе которого будут апробированы технологии и выявлены возможные проблемы, — рассказывает Владимир Груздев. — По итогам эксперимента будет

подготовлен доклад с предложениями о совершенствовании законодательства. Для создания и функционирования электронного сервиса “Работа в России” потребуется выделение в 2020 г. бюджетных средств в сумме 124,6 млн рублей. Проведение эксперимента планируется с 1 апреля по 31 декабря 2020 года. Для работников участие в эксперименте будет добровольным».

В Совете Федерации провели круглый стол по вопросам защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом

27 ноября в Совете Федерации состоялся круглый стол по вопросам защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом.

В мероприятии приняли участие заместитель Председателя Совета Федерации **Ильяс Умаханов**, председатель Комитета СФ по международным делам **Константин Косачев**, первый заместитель председателя Комитета СФ по международным делам **Владимир Джабаров**, члены того же комитета **Олег Морозов** и **Баир Жамсуев**, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам **Леонид Слуцкий**, представители МИД РФ, других профильных министерств и ведомств, неправительственных организаций, экспертного сообщества.

Исполнительный директор — руководитель Аппарата, член Правления Ассоциации юристов России **Станислав Александров** также принял участие в заседании и выступил с докладом по теме защиты прав соотечественников.

«Наша Ассоциация тесно сотрудничает с МИДом по вопросам защиты прав соотечественников за рубежом, и не толь-

ко», — подчеркнул он, напомнив, что в соответствии с утвержденным Министерством иностранных дел Комплексным планом основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, АЮР и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, являются соисполнителями ряда положений. Кроме того, Станислав Александров сообщил, что он входит в состав Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом и участвует в ее заседаниях на регулярной основе.

Далее глава Аппарата АЮР подробно рассказал о деятельности Ассоциации и ее ключевых направлениях, в том числе об оказании бесплатной юридической помощи гражданам, проведении Всероссийского правового (юридического) диктанта.

«В этом году диктант выходит на международный уровень, а это означает, что попробовать свои силы в правовой грамотности может любой желающий, проживающий за рубежом. Интерес к правовому просвещению

огромен, и это не может не радовать», — заметил Станислав Александров.

Председатель Комитета СФ по международным делам Константин Косачев обратил внимание на то, что нынешний круглый стол — не первое мероприятие, направленное на выработку мер по защите российских граждан и соотечественников за рубежом.

«Вновь обращаемся к этой теме, поскольку в последние годы количество нарушений прав граждан России и соотечественников имеет тенденцию к устойчивому росту, причем дискриминационные практики становятся все более разнообразными. Среди них: экстрадиция лиц, задержанных в третьих странах, высылка российских дипломатов, аресты и обыски журналистов, незаконное изъятие детей у родителей, преследования и тюремные заключения», — сказал сенатор.

Участники заседания также обсудили эффективность существующих механизмов защиты прав и законных интересов граждан РФ, попавших за рубежом в трудные жизненные ситуации, пути их совершенствования.

Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции

Авакьян Сурен Адibeкович,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
avakian@law.msu.ru

Avakyan Suren A.
Head of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
Honored Scientist of the Russian Federation
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor

1. Процессы, которые сегодня происходят в местном самоуправлении и обращенном к нему законодательстве, демонстрируют явный курс государственной бюрократии на уровне субъектов Российской Федерации и поддерживающих ее федеральных структур *на ликвидацию главного уровня муниципальной власти, приближенного к населению, — сельского, поселкового и небольших городов.*

Первый шаг на этом пути был предпринят изменениями Федерального закона от 3 апреля 2017 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Тогда п. 3.1 ст. 13 «Преобразование муниципальных образований» получил следующую редакцию:

«3.1. Объединение **поселения с городским округом** (здесь и далее все выделения в тексте сделаны мной. — С.А.) осуществляется с согласия населения поселения и городского округа, выраженного представительным органом соответствующих поселения и городского округа, а также с учетом мнения населения муниципального района, выраженного представительным органом соответствующего муниципального района. **Объединение всех поселений, входящих в состав муниципального района, с городским округом** осуществляется с согласия населения поселений, муниципального района и городского округа, выраженного представительным органом соответствующего поселения, муници-

пального района и городского округа. **Поселение, объединенное с городским округом, утрачивает статус муниципального образования. Муниципальный район, в котором все поселения, входившие в его состав, объединились с городским округом, утрачивает статус муниципального образования»¹.**

Как видим, налицо ошутимое движение по пути отказа от поселений как преимущественно сельских муниципальных образований, а также городских поселений небольших городов и поселков как поселенческого уровня местного самоуправления. Законодателя не смутила формулировка ч. 1 ст. 131 Конституции РФ: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях». Как раз и было отдано предпочтение этим самым «другим территориям». Процессы назвали «объединением» — хотя ведь ясно, что это даже не «слияние», а элементарное «вхождение» в состав городского округа с утратой статуса муниципального образования. Искусственным путем большие **сельские территории** утратили свою первозданность в географическом и социальном смыслах. При этом простое человеческое воображение еще могло вытерпеть, когда отдельные муниципальные районы в Московской области (на-

¹ СЗ РФ. 2017. № 15 (Часть I). Ст. 2137.

пример, Домодедовский) были преобразованы в городские округа — вроде видны перспективы активной застройки и промышленного освоения. Но когда по тому же пути пошла Магаданская область, ее громадные по территории и в основном пустынные по охвату населением муниципальные районы преобразовали в городские округа, оторопели и практики местного самоуправления, и ученые. Но главное ощутило на себе население преобразованных территорий — фактически без его желания ему была уготована смена психологии «сельский житель» на не для всех комфортную категорию «городской житель». Кроме психологического фактора, а также сознания хозяина своей территории его сделали частью бюрократической системы управления, поскольку на сельском уровне самоуправленческие начала были автоматически ликвидированы — нет ни представительного выборного (депутатского) совета, ни выборного главы муниципального образования, в лучшем случае лишь права сельского схода и введенной в 2018 г. категории «сельский староста». Помимо прочего, также существенно изменился расклад полагающихся населению прав и материальных льгот, которые не одинаковы у городских и сельских жителей.

Причины преобразований для автора этих строк просты своим, позволю резкое слово, цинизмом: каждый уровень местного самоуправления должен обладать своей муниципальной собственностью, и делиться ею с сельскими властями вышестоящей бюрократии не хотелось; население порой всерьез помышляло о том, что оно есть «местная власть» (не перевелись еще на Руси наивные люди!), а это очень раздражало районных-городских чиновников-правителей; на низовом уровне возможно использование институтов муниципальной демократии, в том числе и обсуждать/оценивать решения вышестоящих властей, и кому же это понравится.

И все юридически ликвидировали одним махом — преобразованием муниципальных районов в городские округа. А разница в простом: в муниципальном районе должны существовать низовые — сельские и городские поселения, а в городском округе один уровень, при этом входящие в состав округа населенные пункты (деревни, поселки и т.д.) есть лишь административные единицы, для них — причем чаще не отдельных, а объединенных в группы — учреждаются административные главы, назначаемые главой округа.

Далее законодатель как будто бы понял **искусственность превращения сельских территорий в городские округа**. Казалось бы, ему тогда вернуться к поселениям?! Нет, в 2019 г. проведена не менее кардинальная реформа, выразившаяся в создании категории **муниципальных округов**. Федеральным законом от 1 мая 2019 г. введен в ст. 13 п. 3.1-1 следующего содержания:

«3.1-1. **Объединение всех поселений, входящих в состав муниципального района**, осуществляется с согласия населения, выраженного представительными органами соответствующих поселений и муниципального района, и влечет наделение вновь образованного муниципального образования **статусом муниципального округа**. При этом, если население двух и более поселений не выразило в установленной форме своего согласия на объединение всех поселений, входящих в состав муниципального района, такое объединение не осуществляется. Муниципальный район, в котором все поселения, входившие в его состав, объединились, а также указанные поселения утрачивают статус муниципального образования»².

Как видим, здесь оставлена и продолжена линия на то, чтобы лишить сельское население организационных средств выражения **своего уровня** власти.

Понимая искусственность категории «городской округ» для сельских территорий, законодатель в новеллах от 1 мая 2019 г. ввел ч. 3.3 ст. 13, она гласит:

«Объединение городских округов, объединение городского округа с муниципальным округом осуществляется с согласия населения, выраженного представительными органами каждого из объединяемых муниципальных образований. **Каждый из объединившихся городских округов, объединившиеся городской округ и муниципальный округ утрачивают статус муниципального образования**»³.

Также новеллой от 1 мая 2019 г. в ст. 13 введена ч. 7.3, она гласит: «Изменение статуса муниципального округа в связи с наделением его статусом городского округа, **изменение статуса городского округа в связи с наделением его статусом муниципального округа** осуществляются законом субъекта Российской Федерации с учетом мнения населения соответствующего муниципального или городского округа, выраженного представительным органом указанного муниципального или городского округа».

Таким образом, здесь, хотя и в завуалированной форме, указан шаг к тому, чтобы отказаться от категории «городской округ» для сельских территорий, путем преобразования городского округа в муниципальный округ.

Но в целом приходится констатировать, что миллионы сельских жителей страны лишены права на местное самоуправление⁴. Более того, они отданы

² СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2211.

³ Там же.

⁴ Ряд интересных аргументов в этом плане высказан в статье: Баженова О.И. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала (по ре-

во власть государственной бюрократии. Ее цепочка выстроена: 1) избираемый на свой пост населением, но рекомендованный Президентом Российской Федерации глава субъекта Российской Федерации; 2) избираемый на свой пост депутатским собранием муниципального округа глава муниципального образования; 3) назначаемый этим главой административный глава территории — скорее всего сельской администрации.

Возникает вопрос: может, важную миссию будут выполнять сельские старосты? Напомним, что новеллой от 18 апреля 2018 г. в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» включена ст. 27.1 «**Староста сельского населенного пункта**»⁵. Ее положения гласят, в частности, следующее:

«1. Для организации взаимодействия органов местного самоуправления и жителей сельского населенного пункта при решении вопросов местного значения в сельском населенном пункте, расположенном в поселении, муниципальном округе, городском округе или на межселенной территории, может назначаться староста сельского населенного пункта (в ред. Федерального закона от 01.05.2019 № 87-ФЗ).

2. Староста сельского населенного пункта **назначается представительным органом муниципального образования**, в состав которого входит данный сельский населенный пункт, по представлению схода граждан сельского населенного пункта из числа лиц, проживающих на территории данного сельского населенного пункта и обладающих активным избирательным правом.

3. Староста сельского населенного пункта не является лицом, замещающим государственную должность, должность государственной гражданской службы, муниципальную должность или должность муниципальной службы, не может состоять в трудовых отношениях и иных непосредственно связанных с ними отношениях с органами местного самоуправления.

<...>

6. Староста сельского населенного пункта для решения возложенных на него задач:

1) взаимодействует с органами местного самоуправления, муниципальными предприятиями и учреждениями и иными организациями по вопросам решения вопросов местного значения в сельском населенном пункте;

2) взаимодействует с населением, в том числе посредством участия в сходах, собраниях, конференциях граждан, направляет по результатам таких ме-

зультатам анализа практики «преобразования» муниципальных районов в городские округа) // Местное право. 2019. № 4.

⁵ СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2432.

роприятий обращения и предложения, в том числе оформленные в виде проектов муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению органами местного самоуправления;

3) информирует жителей сельского населенного пункта по вопросам организации и осуществления местного самоуправления, а также содействует в доведении до их сведения иной информации, полученной от органов местного самоуправления;

4) содействует органам местного самоуправления в организации и проведении публичных слушаний и общественных обсуждений, обнародовании их результатов в сельском населенном пункте;

5) осуществляет иные полномочия и права, предусмотренные уставом муниципального образования и (или) нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

7. Гарантии деятельности и иные вопросы статуса старосты сельского населенного пункта могут устанавливаться уставом муниципального образования и (или) нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации».

Может ли обнадеживать то, что старосту назначает депутатское собрание всего муниципального округа? Вряд ли! Общественник с указанными полномочиями не сможет заменить или обеспечивать «махину» муниципальной демократии! Не будет он и силен в обеспечении муниципальных (на уровне муниципального округа) и государственных (руководством субъекта РФ) решений. Не говоря уж о том, насколько он будет к этому пригоден, в какой мере ему это нужно и что в реальности ему разрешат. И «чей человек» он будет — муниципального округа или населения?

2. Перейдем теперь от констатации фактов к мыслям о том, что ожидает местное самоуправление в перспективе и что желательно было бы сделать. Для этого придется немного глянуть в прошлое. В чем смысл появления категории «местное самоуправление» в истории многих стран, включая и Россию? Полагаем, что, говоря сжато, причины таковы:

— во-первых, наличие главного объекта административно-политического управления — *местного населения*, причем *занятого трудовой деятельностью* именно в поселениях (селах), и необходимость многие вопросы решать с учетом его пожеланий, настроения, потребностей, местных условий;

— во-вторых, достаточно широкий круг *объектов хозяйственного управления* на местах, и прежде всего земли и необходимости ее обработки;

— в-третьих, местное самоуправление участвовало, посылно, в *решении вопросов более высокого уровня*, особенно податей, выделения людей, как бы сейчас сказали, на общественные трудовые нужды, отправки «служилых» людей и т.п. задач;

— в-четвертых, появлялась некая *автономность* от государственной власти, она повышала ответственность местного уровня и более вдумчивый подход к решению местных проблем и выбору путей.

Это и вело к возникновению идей местного самоуправления как уровня публичной власти, *отделенного* от государственной власти, особенно в ее административном варианте. Причем такой власти, которая отличается самостоятельностью дел, но деньги для их ведения лишь частично, в малой доле получает от населения (самообложение), а в основном — от государства и его бюджета. Исходя из этого предполагается, что местное самоуправление опирается на народный энтузиазм, а профессиональные вопросы доверяет небольшому кругу назначаемых лиц.

Что же можно видеть в истории развития местного самоуправления в России? Прежде всего, вначале так и хотели строить местное самоуправление как земское самоуправление. Это была **община**: есть свое население; занято оно на сельской земле, ее обрабатывает и с этого кормится; в основном законопослушно, государственные подати выполняет, рекрутов в армию поставляет; особых забот по обслуживанию такого самоуправления у властей не было, землю делили спокойно, для обучения детей и врачевания приглашали городских людей (детей еще учил и сельский священник), жили без дорог, связи, а торговцы и сами приходили к сельскому жителю. С управлением всей этой, как правило, отлаженной системой справлялись дворянские выборные лица с долей участия самих крестьян, да еще и назначенные лица из системы министерства внутренних дел.

Какие изменения произошли с установлением советской власти? Прежде всего, существенно изменилась материальная основа жизни. Сельский житель, как уже отмечено, жил на земле, ее обрабатывал, с этого и кормился, и подати платил, и что-то мог прикупить себе. Советская власть вроде объявила землю достоянием тех, кто ее обрабатывает, но официально земля получила все же статус государственной собственности. Довольно скоро для управления сельскохозяйственным производством была создана своя организационная форма — колхозы, немного и совхозы. Причем их юридически **отделили от сельской общины и ее нового олицетворения — сельских советов** как органов единой власти. Таким образом, непосредственный труд на земле был для крестьянина заменен наемным трудом в

колхозе с получением не результатов труда в виде урожая, а оплаты за труд в виде трудодней, с задержкой их материального отоваривания и тем более с отсутствием денежной оплаты.

Власть сельских советов включили в единую *государственную власть* страны. Это было громкое, лозунговое решение. Но потеряв главный объект управления — сельскую жизнь в целом и особенно трудовую жизнь, советы стали маловлиятельными. Так продолжалось долгие десятилетия, один из советских лидеров (Н.С. Хрущев) даже склонялся в 60-е годы XX в. к тому, чтобы ликвидировать сельские советы как низовые органы власти и их дела перепоручить правлениям колхозов. Правда, ему отсоветовали это делать.

Индустриализация страны и суровая дисциплина сельской жизни повели к тому, что миллионы крестьян потянулись в города, стали рабочим классом. Таким образом, этот «объект» самоуправления стал существенно меньше по численности. К тому же им управляли правление колхоза, дирекция совхоза.

Характерно, что в те же времена создавалось много важных территориальных объектов — дороги, электроосвещение, школы, больницы. Естественно, что сельская власть, а то и районная власть могли этим заниматься в небольших объемах, а требовались общетерриториальные, зачастую и общегосударственные усилия.

Все это хорошо понимала коммунистическая партия, взявшая ответственность за управление страной. Идею именно местного самоуправления оставили в прошлом. В лозунговом формате компартия поддерживала местную власть как часть единой общегосударственной власти. Не исключалось использование демократических институтов, включая сельские сходы, собрания, выборы и т.д. Но как видно из сказанного выше, многие задачи (промышленность, наука, образование, медицина, дороги и т.д.) надо было решать на государственном уровне. И это делалось.

Конечно, для этого призывами не обойдешься, требовались громадные государственные усилия. Зачастую это была власть команды сверху, приказа, директивы. Все чаще и чаще раздавались призывы к демократизации государственного руководства, к участию в процессах народа страны, на местах — населения территорий. Сейчас редко вспоминают, но девяностые годы прошлого века были временем лозунгов внедрения самоуправления не только в общественных, но и государственных делах, т.е. увеличения круга вопросов, в обсуждение, а частично и в решение которых вовлекалось бы население.

В какой-то мере в развитие этих тезисов, а также с учетом пользы земского самоуправления в дореволюционной России в конце XX в. получили популяр-

ность призывы к возврату к идеям местного самоуправления в России — сначала как части советской организации власти, а когда от нее решили отказаться — то и вместо советской власти на местах.

Идеи нашли отражение сначала в текущем законодательном регулировании, а в конечном счете и в Конституции РФ 1993 г. Она отразила местное самоуправление как элемент конституционного строя страны, ведь одна из первых статей о местном самоуправлении (ст. 12) находится в первой главе — об основах конституционного строя. В Конституции есть и специальная глава 7 «Местное самоуправление».

Но местное самоуправление в целом буксует. Почему? Еще когда оно получало конституционно-законодательное отражение, ряд ученых, в числе которых был и автор этих строк, исходили из того, что: а) дела местного самоуправления — это часть государственных дел, их разделение искусственно; б) специфика местного самоуправления в том, что на местах в гораздо большей мере возможно участие непосредственно населения демократическими путями в обсуждении и решении вопросов жизнедеятельности.

Таким образом, есть несколько реальностей, которые довольно радикально влияют на судьбы власти на местах (мы специально используем это понятие, а не «судьбы местного самоуправления»).

Во-первых, существенно изменились объекты местного управления. *Первая цель*, которой служила земля, — ее обрабатывали и «с этого жили» еще остается, но в очень скромной степени, для многих приусадебный участок только место проживания, лишь небольшая часть жителей работает на земле, занимается сельскохозяйственным производством. К этому добавилась *вторая цель*: земля — зона промышленного освоения, затем и *третья цель*: земля — место масштабной организации отдыха и спорта, наконец, *четвертая цель*: земля — место дачных поселков, т.е. собственности и при проживании наездами, сезонами все же большой интерес к местным делам и проблемам. Естественно, такие задачи не под силу местному самоуправлению отдельных населенных пунктов и даже их групп. Местное самоуправление не в состоянии все это организовать, даже контролировать, здесь больше подходит специфически звучащее слово «со-участие». То есть более эффективной является кооперация следующих структур: государство; гражданское общество, особенно общественные объединения, религиозные организации, инициативные (в том числе и спонтанно возникающие) группы граждан; личности в реализации их индивидуальных возможностей и усилий не только в части самообеспечения, но и помощи другим, обществу и государству; бизнес-сообщество; местное (территориальное) самоуправление.

Во-вторых, названные тенденции заставляют думать о возможности *использования различных организационных форм самоуправления: традиционно территориальные* (какими они было давно и остаются) — деревни, села; *поселенческо-оздоровительные* — объединения владельцев участков и домов в товариществах, где большинство имеют квартиры в городах, но связаны собственностью и общими интересами; *территориально-промышленные (в том числе и научные) и территориально-спортивные комплексы*, где к целевым объектам примыкают и дома для персонала).

О возможной пользе этих организационных форм немного писал в прошлом профессор А.А. Сергеев⁶, но сегодня стоило бы об этом подумать больше. В частности, упоминавшиеся названным автором городские и сельские микрорайонные застройки привели к созданию кооперативов владельцев домов и участков, которые неплохо справлялись/справляются с хозяйственными заботами, охраной и т.п. Им не очень нужна существующая территориальная система, хотя у них все основано на самоуправлении, только оно не именуется местным самоуправлением в сложившемся понимании.

Если вспомнить терминологию прежних времен, это не что иное, как *общины* — сельские, городские. Если перечисленное организовать как многоцветность территориальной организации, все это *будет нормально сочетаться с муниципальным округом как единой районной муниципальной властью*, и он возьмет на себя *межтерриториальные нужды*. Как минимум это будут: а) общиe заботы хозяйственного характера — дороги, электричество, водоснабжение, связь, пожарная и иная безопасность (создавать свои организации или заключать договоры со специализированными субъектами — будет видно на местах); б) просветительские и здравоохранительные дела (школы, больницы, социальные учреждения и т.п.); в) то, о чем часто забывают, — развитие не только информационного прогресса, но и форм непосредственной демократии в управлении территориями.

Как быть с небольшими городами, а также поселками? Думается, по желанию населения они также могут быть определены как соответственно *городская община, поселковая община*.

Естественно, все такие *общины станут первичным звеном самоуправления населения*. То есть там придется *избрать совет* как орган самоуправления общины. И как раз такой совет из своей среды изберет *главу общины* (пусть он даже называется старостой, но будет избран не муниципальными депутатами, а выборным органом самоуправления населения

⁶ См.: Сергеев А.А. Конституционно-правовые аспекты организации и осуществления местного самоуправления в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

общины). Для всех таких единиц в организационном и хозяйственно-экономическом плане очень подойдет категория *юридические лица публичного права*.

Предлагаемая реформа будет логично сочетаться с муниципальной собственностью. Прежде всего для городских и сельских общин владельцев (собственников) жилых домов и земельных участков в ней не будет необходимости, а если что-то понадобится — это можно взять в аренду по договору. Для сельской общины села, поселка, городка часть объектов может быть передана муниципальным округом по договору безвозмездного пользования. Выстроенные на территории школы, медицинские учреждения будут в обычном порядке обслуживать население, находясь на балансе муниципального округа или иных уровней власти.

Мы не излагаем детали подобной организации местного самоуправления, можно организовать их обсуждение. Напомним лишь, что в 90-е годы прошлого века в некоторых субъектах Российской Федерации (например, Якутия) самоуправление было «спущено» на уровень сел и поселков, счи-

талось в большей мере общественным. У него были местные дела и не было передачи ему дел государственных.

В предлагаемой нами перспективе тоже не идет речи о возложении на общинное самоуправление государственных дел, хотя Конституция РФ и позволяет это. Такой передачи достаточно будет для уровня муниципального округа. Обратим внимание на следующие плюсы предлагаемых нововведений: во-первых, рационально разрешаются экономические проблемы местного самоуправления; во-вторых, расширится использование всех институтов муниципальной демократии; в-третьих, очень немаловажно то, что ощутимо участниками местного самоуправления станут как постоянные сельские жители, так и «наезжающие» городские жители из других территорий, ставшие собственниками — владельцами домов (дач) и участков, особенно в сельской местности; в-четвертых, в решение территориальных проблем будут вовлечены хозяйственные организации, располагаемые в населенных пунктах, и их работники.

Литература

1. Агибалов Ю.В. Участие населения в местном самоуправлении: правовое регулирование, практика и проблемы / Ю.В. Агибалов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2 (33). С. 32–40.
2. Вавилов Н.С. Правовое регулирование деятельности институтов гражданского общества на муниципальном уровне : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.С. Вавилов. Казань, 2017. 22 с.
3. Васильев В.И. Развитие демократических принципов и институтов на муниципальном уровне: правовые основы : монография / В.И. Васильев, А.Е. Постников, А.Е. Помазанский. Москва : Норма: Инфра-М, 2017. 285 с.
4. Велиев Э.Э.О. Конституционно-правовой статус муниципальных общественных объединений и их роль в развитии местного самоуправления в Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Э.Э.О. Велиев. Белгород, 2019. 22 с.
5. Курячая М.М. Гражданин, общество, государство, инновации: современные механизмы взаимодействия : монография / М.М. Курячая ; ответственный редактор С.А. Авакьян. Краснодар : Просвещение-Юг, 2017. 167 с.
6. Пешин Н.А. Проблемы и перспективы экономического и социального развития местного самоуправления / Н.А. Пешин // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 58–62.

Внимание! Акция марта!

Только с 1 по 31 марта 2020 года скидка на годовую подписку на журнал «Адвокатская практика» составит 30% ! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно) или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

Необходимость правового регулирования осуществления территориального общественного самоуправления на уровне субъектов Федерации

Братцева Екатерина Алексеевна,
советник при ректорате Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
katrina_login@mail.ru

Brattseva Ekaterina A.
Adviser at the Rector's Office
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Институт территориального общественно-го самоуправления (далее — ТОС) имеет тесную взаимосвязь с местным самоуправлением, ввиду чего правовые основы деятельности ТОС в нашем государстве в большей степени схожи с такого рода основами, присущими местному самоуправлению.

Так, местное самоуправление, как один из уровней публичной власти, было закреплено в конституционных нормах, которые относят данный институт к основам конституционного строя Российского государства (ст. 12 Конституции РФ¹).

Анализ конституционных норм позволяет говорить о том, что в Российском государстве признается и гарантируется право граждан на осуществление местного самоуправления, тем самым указывая на то, что данное право выступает одним из важнейших принципов демократического государства, к коему и относится наше государство.

Помимо отнесения местного самоуправления к основам конституционного строя Российского государства, в Конституции РФ целая глава посвящена местному самоуправлению. В данной главе закрепляются основополагающие начала организации местного самоуправления, а также его функционирования на территории страны.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

Важным здесь представляется принцип федерализма, присущий нашему государству. Так, ст. 71 Конституции РФ закрепляет вопросы исключительной компетенции Федерации, ст. 73 Конституции РФ содержит нормы, посвященные вопросам, относящимся к государственной власти субъектов Федерации. В свою очередь, ст. 72 Конституции РФ определяет закрепление общих начал организации системы органов публичной власти, в том числе и системы органов местного самоуправления, относя их к предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Основу правового регулирования организации и деятельности местного самоуправления в Российской Федерации составляет Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее — Закон «Об общих принципах...»). Положения данного закона по большей части направлены на конкретизацию конституционных норм, посвященных институту местного самоуправления. В то же время следует отметить, что нормы данного закона закрепляют ТОС как одну из форм непосредственной демократии, а также участия населения в осуществлении местного самоуправления (ст. 27 Закона «Об общих принципах...»).

В свою очередь, следует отметить, что, согласно ч. 11 ст. 27, правовое регулирование организации и реализации ТОС на территории муниципального

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

образования определяется данным муниципальным образованием самостоятельно на основании устава либо иных нормативных правовых актов представительного органа местного самоуправления.

Здесь справедливым видится высказывание, согласно которому ввиду федеративного устройства Российского государства правовое регулирование местного самоуправления осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном³.

Проблематика вопросов совместного ведения, а также разграничения полномочий в области правового регулирования местного самоуправления между вышеуказанными уровнями публичной власти остается актуальной до настоящего времени⁴. Ряд авторов, рассматривая данные вопросы, приходят к выводу о необходимости принятия на федеральном уровне отдельного закона, посвященного ТОС, данные авторы обосновывают свою позицию, ссылаясь на ст. 71 Конституции РФ, которая относится исключительно к ведению Российской Федерации, регулированию и защите прав и свобод человека и гражданина в стране⁵.

В то же время о безусловности такого предложения говорить преждевременно. Так, сам по себе ТОС относится к одному из институтов местного самоуправления, посредством которого население муниципального образования реализует свое право на местное самоуправление.

В научной среде также существуют высказывания, согласно которым право на местное самоуправление не относится к числу прав и свобод человека и гражданина, которые нашли свое отражение в главе 2 Конституции РФ⁶. Однако следует отметить, что все же данное право имеет конституционный характер, что находит свое отражение и в практике Конституционного Суда РФ. Так, суд указывает на то, что ограничение права на местное самоуправление не представляется возможным ввиду того, что местное самоуправление само по себе составляет основу конституционного строя и тесно переплетается с правами и свободами человека и гражданина⁷.

³ Правотворческая деятельность в субъектах Российской Федерации. Вопросы методики. Саратов, 2000. С. 4–6.

⁴ Платонов В.М. Некоторые практические предложения по совершенствованию правового регулирования вопросов совместного ведения // Общество, государство, политика. 2010. № 2. С. 29–36.

⁵ Федоров А.Г. Организационно-правовое обеспечение территориального общественного самоуправления в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000 ; Холодная Е.В. Территориальное общественное самоуправление в Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

⁶ Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. С. 152–156.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» // СПС «Консультант-Плюс».

Таким образом, конституционные положения дают нам четкое представление о том, что в рамках предметов совместного ведения могут приниматься как федеральные, так и региональные законы. Однако с течением времени федеральное законодательство все больше напоминает своего рода инструкции по осуществлению деятельности⁸.

В данном случае разграничение предметов ведения, а также разделение полномочий в вопросах совместного ведения усложняется тем, что здесь наблюдается столкновение интересов двух законодателей. Так, подробное федеральное законодательство не оставляет места для правотворчества региональных властей, что делает актуальной проблему детализации федерального законодательства. Автор считает, что федеральное законодательство не во всех случаях должно содержать подробные и детальные нормы ввиду того, что само наличие вопросов совместного ведения вызвано необходимостью учета региональной специфики.

Однако, анализируя федеральное законодательство в области местного самоуправления, мы можем прийти к выводу о том, что правовое регулирование в данной области имеет централизованный характер, тем самым объем полномочий органов государственной власти субъектов в данной области имеет урезанный характер.

Автор считает необходимым указать и на то, что, согласно конституционным положениям, закрепление общих принципов организации системы органов публичной власти отнесено к вопросам совместного ведения Федерации и ее субъектов, однако ни в законодательстве, ни в научной среде нет однозначного понимания понятия «общие принципы»⁹. Как справедливо отмечает А.Н. Романова¹⁰, многозначность толкования данного понятия, невозможность определения его границ давно признаются в научной среде.

Таким образом, наиболее верным представляется то, что нормы федеральной конституции должны быть конкретизированы в конституциях и уставах ее субъектов, но в то же время данные нормативные правовые акты не должны противоречить ей. Дальнейшее развитие трех уровней публичной власти логично требует и более четкого разграничения полномочий в области регулирования местного самоуправления.

Так, мы можем наблюдать наличие множества существующих пробелов в области регулирования местного самоуправления, которые не могут быть урегулированы на региональном уровне ввиду отсутствия права на восполнение пробелов. Таким об-

⁸ Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития : монография. М. : Городец, Формула права, 2004. С. 258.

⁹ Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства. С. 299.

¹⁰ Романов А.Н. Местное самоуправление в Российской Федерации как предмет законодательного регулирования // Российский юридический журнал. 2001. № 3. С. 32–36.

разом, такого рода пробелы могут быть восполнены лишь федеральным законодательством или указанием на возможность такого восполнения региональной властью. На данный момент региональные власти лишены возможности правового регулирования организации ТОС на территории муниципальных образований, что делает возможным выделить два уровня правового регулирования ТОС — федеральный и муниципальный.

Предшествующую практику наиболее точно описал Н.С. Бондарь¹¹. Так, автор указывает, что нормативное регулирование в данной области, до принятия Закона «Об общих принципах...», имело достаточно объемный характер. Все региональные законы в данной области со временем были отменены ввиду наличия в ст. 27 Закона «Об общих принципах...» пункта «н». Данный пункт имеет четкое указание на урегулирование организации и деятельности ТОС на территории муниципального образования уставом данного муниципального образования либо иным нормативным правовым актом, принятым представительным органом муниципального образования. В свою очередь автор отмечает, что положения данного пункта вовсе не исключают возможности закрепления на региональном уровне дополнительных гарантий деятельности ТОС либо регулирование вопросов в данной области при имеющихся в уставе муниципального образования отсылках на региональное законодательство.

Урегулирование организации и деятельности ТОС на уровне муниципальных образований, по мнению автора, весьма позитивный момент, однако следует констатировать факт невысокого профессионализма муниципальных служащих и местных депутатов, что зачастую является следствием принятия на региональном и федеральном уровне шаблонных уставов муниципальных образований или нормативных правовых актов в различной области,

¹¹ Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М. : Норма, 2008. С. 235.

которые и берутся за основу при принятии подобного рода актов.

Таким образом, можно сделать вывод, что, исходя из сущностного содержания конституционных норм, а именно ст. 72 Конституции РФ, закрепление в основополагающем законе государства положения о том, что организация местного самоуправления относится к вопросам совместного ведения, предполагает необходимость урегулирования всех вопросов в данной области как на федеральном, так и на региональном уровне. Более того, отнесение этих вопросов к вопросам совместного ведения предполагает необходимость отнесения большей части полномочий к органам региональной власти ввиду возможности учета специфики региона, знания его традиций и истории. В свою очередь, на уровне федеральном могут быть закреплены лишь общие начала, которые будут конкретизированы на уровне субъектов.

Автор считает необходимым отнести к региональным властям полномочия по принятию законов в области организации ТОС на территории соответствующего субъекта. Так, при разработке и принятии такого рода закона могут быть учтены опыт и специфика наиболее крупных административно-территориальных единиц. Также принятие подобного рода закона на региональном уровне позволит привести к единообразию порядок создания и финансирования ТОС в пределах субъекта. Региональное законодательство в данной области может стать своего рода основой более эффективного развития ТОС на территории страны.

Региональные законы в области ТОС имели бы специфический предмет регулирования, а именно общественные отношения в области реализации населением муниципального образования своего права на общественные объединения, а также права на местное самоуправление посредством ТОС.

Однако здесь видится необходимым избегать прямого и косвенного федерального вмешательства в данный вопрос посредством принятия различного рода шаблонных законов либо издания инструкций и комментариев для реализации подобных полномочий.

Литература

1. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н.С. Бондарь. Москва : Норма, 2008. 592 с.
2. Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства / Е.В. Гриценко. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. 448 с.
3. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития : монография / И.А. Конюхова. Москва : Городец, Формула права, 2004. 541 с.
4. Манохин В.М. Правотворческая деятельность в субъектах Российской Федерации. Вопросы методологии / В.М. Манохин. Саратов : Изд-во СТАП, 2000. 84 с.
5. Платонов В.М. Некоторые практические предложения по совершенствованию правового регулирования вопросов совместного ведения / В.М. Платонов // Общество, государство, политика. 2010. № 2. С. 29–36.
6. Романов А.Н. Местное самоуправление в Российской Федерации как предмет законодательного регулирования / А.Н. Романов // Российский юридический журнал. 2001. № 3. С. 32–36.
7. Федоров А.Г. Организационно-правовое обеспечение территориального общественного самоуправления в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / А.Г. Федоров. Санкт-Петербург, 2000. 207 с.
8. Холодная Е.В. Территориальное общественное самоуправление в Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности : диссертация кандидата юридических наук / Е.В. Холодная. Саратов, 2003. 205 с.

Законодательство Российской Федерации о защите прав женщин нуждается в совершенствовании

Гончаренко Ольга Константиновна,
главный советник отдела международных отношений
Управления информации и международного сотрудничества
Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации,
соискатель кафедры международного права
Московского государственного института международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)
Goncharenko_OK@bk.ru

Goncharenko Olga K.
Chief Counsel of the Department of International Relations
of the Directorate of Information and International Cooperation
of the Executive Office of the Commissioner
for Human Rights in the Russian Federation
Degree-Seeking Student of the Department of International Law
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

В настоящее время в Российской Федерации и в других государствах мы наблюдаем существенное повышение роли женщин во всех областях общественной жизни. Несмотря на это, в повседневной жизни женщины продолжают сталкиваться с целым рядом вопросов, связанных с реализацией и защитой их прав. Это и наличествующие в обществе стереотипы о социальной роли женщины, конкуренция между традиционными семейными ценностями и возможностями реализации женщиной всей полноты предоставленных ей прав и свобод, дискриминация по признаку пола.

На сегодняшний день мало кто подробно рассматривает вопросы российского законодательства в области защиты прав женщин. Тем не менее Е.А. Петрушина¹ провела аналитическую работу относительно соотношения международно-правового и внутригосударственного регулирования института прав женщин. Исследователей привлекает ситуация с правами женщин в трудовой сфере. Так, Т.Л. Адриановская² обратила внимание на современные проблемы в данной области, а А.В. Миронова³ отразила

вопросы международно-правового регулирования труда женщин и соотнесла его с российским. Кадем Азхар Сабер⁴ провел крайне нестандартную сравнительную характеристику реализации прав женщин в Российской Федерации и Ираке в конституционном контексте, отметив в том числе и существующие проблемы.

Актуальность данного вопроса подтверждают и международные организации, которые из года в год проводят систематизированную аналитическую работу по оценке ситуации в сфере защиты прав женщин.

Так, в 2019 г. Всемирный банк представил результаты исследования «Женщины, бизнес и закон»⁵, которое в том числе анализирует, как дискриминация на законодательном уровне по признаку пола влияет на выбор профессии и вида предпринимательства, которым посвящает себя женщина.

На основе проведенного анализа в период с 2008 по 2017 г. Всемирный банк составил рейтинг гендерного неравенства, основываясь на восьми критериях: успех, начало карьеры, заработная плата, замужество, материнство, управление бизнесом, управление активами, выход на пенсию.

¹ Петрушина Е.А. Институт прав женщин: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002. 20 с.

² Адриановская Т.Л. Современные проблемы правовой защиты женщин в сфере трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005 186 с.

³ Миронова А.В. Международно-правовое регулирование труда женщин : дис. ... канд. юрид. наук. / Рос. ун-т дружбы народов. 2008. 220 с.

⁴ Кадем Азхар Сабер. Сравнительная характеристика реализации прав женщин в Российской Федерации и Ираке: конституционно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гуманит. ун-т. 176 с.

⁵ Women, business and the law 2019: a decade of reform // Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31327/WBL2019.pdf>

Россия набрала 73,13 балла из 100 возможных, заняв 73-е место. Среди основных причин неравенства женщин и мужчин обозначаются следующие: разрыв между зарплатами на 30%, одновременное принятие закона о декриминализации побоев и отсутствие закона о домашнем насилии, многомиллиардные долги по алиментам, слабая представленность женщин в органах власти и списках самых богатых россиян, а также наличие фактов репродуктивного насилия (вывод абортов из ОМС). Отдельно отмечено, что в Российской Федерации для женщин существуют ограничения доступа к определенным профессиям⁶. На национальном уровне данный факт подтвержден также и Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, который в докладе о своей деятельности за 2018 г. назвал вышеуказанную проблему⁷.

Помимо проведения исследований, которые носят больше информативный характер, принимаются и новые международные документы, направленные на защиту прав женщин в определенных сферах общественной жизни.

21 июня 2019 г. Международная организация труда в ходе 108-й сессии приняла Международную конвенцию о борьбе с насилием и домогательствами в сфере труда, цель которой — сокращение масштабов неравенства и дискриминации между мужчинами и женщинами, обеспечение всех достойной работой на равных основаниях.

Говоря об истории вопроса борьбы за женские права, еще в XX в. Венская декларация и программа действий (принята в г. Вене 25 июня 1993 г. на 2-й Всемирной конференции по правам человека) обозначила права человека, женщин и девочек в качестве неотъемлемой, составной и неделимой части всеобщих прав человека. Поэтому безотлагательной целью всего международного сообщества стало обеспечение полного и равного участия женщин в гражданской, экономической, политической, общественной и культурной жизни на всех (национальном, региональном и международном) уровнях. Ликвидация всех форм дискриминации по признаку пола также была обозначена в качестве первоочередной задачи.

Решения 4-й Всемирной конференции по положению женщин, прошедшей в Пекине в 1995 г., и 23-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины в 2000 году: равенство между женщинами и мужчинами в XXI веке», состоявшейся в

г. Нью-Йорке в 2000 г., явили собой некий план действий по реализации намеченных планов.

Несмотря на наличие универсальных международных документов, регламентирующих необходимость искоренения насилия в отношении женщин, установления равенства между мужчинами и женщинами и ликвидации феномена домашнего насилия, наиболее подробно этот вопрос проработан на региональном уровне.

По итогам прошедшего 17 мая 2005 г. Третьего саммита государств и правительств государств — членов Совета Европы был принят план действий СМ(2005)80⁸, который явился отправной точкой кампании, развернутой по борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, для поддержания которой была создана специальная рабочая группа. В своем итоговом отчетном докладе в 2008 г.⁹ она рекомендовала, чтобы Совет Европы принял всеобъемлющий, юридически обязывающий правозащитный документ о предупреждении и борьбе со всеми формами насилия в отношении женщин, коим явилась принятая 7 апреля 2011 г. Комитетом министров Совета Европы Конвенция «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием»¹⁰ или так называемая Стамбульская конвенция, вступившая в силу 1 августа 2014 г.

Она явила собой первый юридически обязательный международно-правовой акт, в котором предусмотрен достаточно полный набор мер борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием.

В ней содержится и само определение «домашнего насилия», которое включает в себя все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими или нынешними супругами, или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва.

Конвенция является региональным документом Совета Европы, который объединяет 47 государств, из которых 28 ратифицировали данную Конвенцию и привели свое законодательство и политику в соответствие ее требованиям; еще 17 государств и Европейский союз подписали. Присоединению к Конвенции способствует возможность сделать оговорки и заявления к ней. Россия находится в числе 2 стран, которые не присоединились к данному документу.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1130.

⁷ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doclad_2018.pdf

⁸ URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_plan_action_ru.asp#TopOfPage

⁹ URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/Final_Activity_Report.pdf

¹⁰ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (CETS № 210) (заключена в г. Стамбуле 11.05.2011) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687>

Несмотря на то что в Российской Федерации равенство между мужчинами и женщинами закреплено ст. 19 Конституции, которая наделяет их равными правами и свободами и регламентирует равные возможности их реализации, Россия неоднократно подвергалась критике со стороны международных организаций по вопросам недостаточного уровня защиты прав женщин.

В своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации от 21 декабря 2015 г.¹¹ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — КЛДЖ) положительно оценил прогресс, достигнутый после рассмотрения объединенных шестого и седьмого периодических докладов России (CEDAW/C/USR/7), но в то же время выразил ряд замечаний и рекомендаций, акцентируя внимание на необходимости их выполнения в течение следующих пяти лет.

В частности, КЛДЖ рекомендовал обеспечить эффективную координацию и разработать стратегию актуализации гендерной проблематики в России; принять закон о гендерном равенстве; внедрить комплексную стратегию, предусматривающую последовательное принятие дальновидных мер, направленных на женщин и мужчин на всех уровнях общества; принять меры по расширению участия женщин в политической и общественной жизни на всех уровнях и проч.

Следуя указанным замечаниям, за последние годы Российская Федерация достигла определенного прогресса в области защиты прав и законных интересов женщин, ликвидируя возможные препятствия на пути их реализации.

Так, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р¹² утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы (далее — Стратегия), которая впервые закрепила основные направления государственной политики в отношении женщин по реализации принципа равенства по признаку пола.

Данная стратегия провозглашает права женщин в качестве неотъемлемой части общих прав человека, а создание условий для полного и равноправного участия женщин во всех сферах жизни общества названо приоритетным направлением государственной политики России.

В результате реализации данной Стратегии к 2022 г. должна быть сформирована система мер, которая бы обеспечила равные возможности для реализации женщинами своих прав и возможностей во

¹¹ Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по восьмому периодическому докладу Российской Федерации. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fRUS%2fCO%2f8&Lang=ru

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» // СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1618.

всех сферах жизни, повысила их экономическую независимость, политическую активность, расширила возможности самореализации, а также позволила преодолеть стереотипные представления о социальных ролях мужчины и женщины.

Однако такие феномены, как насилие в отношении женщин и домашнее насилие, по-прежнему остаются чрезвычайно болезненными проблемами, чему КЛДЖ посвятил отдельную главу в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации. В частности, КЛДЖ рекомендовал Правительству Российской Федерации принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая бытовое насилие, и предусмотреть преследование *ex officio* за бытовое и сексуальное насилие.

О необходимости принятия подобной нормативной правовой базы свидетельствует и имеющаяся статистика. В 2018 г. потерпевшими от преступных посягательств в России стали 610,8 тыс. женщин. Из них в результате преступных посягательств погибли 8,3 тыс., получили тяжкий вред здоровью 11,4 тыс. женщин. Согласно статистике ООН, среди жертв всех убийств, совершаемых интимным партнером или членом семьи, а также гендерно мотивированных насильственных смертей 80% являются женщинами¹³.

По результатам опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2018 г.¹⁴, 73% россиян обозначили важность проблемы насилия в отношении женщин. Угрозу стать жертвой насилия в семье видят 38% респондентов, при этом среди женщин эта доля достигает 49%. Треть респондентов (32%) утверждают, что женщины в нашей стране нередко сталкиваются с физическим насилием. Женщины (79%) и молодые люди от 18 до 24 лет (83%) чаще остальных говорят о значимости этого вопроса.

Согласно официальным показателям Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, зарегистрированное число изнасилований и покушений на изнасилование снизилось с 9,2 тыс. случаев в 2015 г. до 3,4 тыс. случаев в 2018 г. По данным МВД России, количество преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в 2017 г. (38 311) по сравнению с 2016 г. (63 535) сократилось на 40%, а количество преступлений в отношении супруги за 2017 г. (13 637) по сравнению с 2016 г. (27 090) сократилось на 50%. Тем не менее указанные цифры содержат в себе лишь те заявления от женщин, по которым были возбуждены уголовные дела и начато расследование. Существует практика, когда женщинам отказывают в возбуждении уголовного дела по

¹³ URL: <http://www.unrussia.ru/ru/un-in-russia/news/2018-11-27>

¹⁴ Исследование ВЦИОМ 11 декабря 2018 г. // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9478>

факту насилия, в связи с чем статистика количества преступлений в отношении супруги оказывается заниженной.

Помимо прочего, в 2018 г. на различных площадках в ходе дискуссий по вопросам ликвидации насилия в отношении женщин и домашнего насилия обозначалась проблема, когда в порядке ст. 319 УПК РФ судами возвращаются заявления потерпевших о привлечении виновника к уголовной ответственности в порядке частного обвинения для устранения недостатков. Таким образом, многие лица, совершившие преступления, остаются безнаказанными ввиду слишком жестких требований к заявлению, подаваемому потерпевшим в суд для возбуждения уголовного дела частного обвинения.

Несмотря на масштаб заявленной проблемы, в России не существует отдельного закона, который обеспечивал бы профилактику и преследование за преступления, которые совершаются в семье. С начала 1990-х годов было разработано более 40 законопроектов о насилии в семье, но ни один из тех проектов в итоге так и не стал законом. Несмотря на то что эта проблема частично отражена в ч. 3 ст. 19 и ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, а также в ст. 111, 112, 115–117, 119, 129 и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, она так и не снята с российской повестки.

Важно отметить, что в феврале 2017 г. были внесены изменения в ст. 116 Уголовного кодекса РФ, декриминализовавшие семейные побои, что также стало предметом критики со стороны международных правозащитных органов. Так, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в своих Заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Российской Федерации от 16 октября 2017 г.¹⁵ рекомендовал отменить данную поправку к закону, а также активизировать свои усилия по борьбе с домашним насилием.

¹⁵ Заключительные замечания Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам по шестому периодическому докладу Российской Федерации. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fRUS%2fCO%2f6&Lang=ru

В декабре 2017 г. глава МВД России В. Колокольцев также выступил с критикой декриминализации, заявив о том, что «более чем в 70 процентах случаев по административным делам о побоях судами принимаются решения о назначении штрафа, что не в полной мере отвечает целям наказания. Зачастую данная мера не является серьезным сдерживающим фактором».

По мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Москальковой, закон о декриминализации насилия в семье является ошибкой, и необходимо принятие закона о противодействии насилию в семье.

Сегодня во многих странах с целью снижения уровня правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений приняты и действуют специальные законы, которые определяют правовые, организационные и иные основы деятельности государственных органов по профилактике домашнего насилия. Передовыми государствами в этом вопросе являются скандинавские страны. Так, еще в 1998 г. в Швеции был принят Закон «О грубом нарушении неприкосновенности женщины», а один из принципов работы шведского правосудия заключается в том, что домашнее насилие является публичным, а не частным делом. В Республике Казахстан принят Закон от 4 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия», в Болгарии — Закон «О защите от домашнего насилия», который стал первым законом в стране, предложенным и разработанным гражданским обществом. Его основные особенности заключаются в гендерной нейтральности, а также в наличии положений о видах охранных приказов (ордеров), которые являются мерой эффективной защиты женщин, пострадавших от домашнего насилия.

Разработка и принятие подобного закона в России могли бы лечь в основу становления идеи «женского права», изменить роль женщин в современном мире, помочь множеству из них восстановить свои нарушенные права, избавиться от существующих дискриминационных барьеров и обрести возможность использования своего внутреннего потенциала.

Литература

1. Адриановская Т.А. Современные проблемы правовой защиты женщин в сфере трудовых отношений : диссертация кандидата юридических наук / Т.А. Адриановская. Санкт-Петербург, 2005. 186 с.
2. Кадем А.С. Сравнительная характеристика реализации прав женщин в Российской Федерации и Ираке: конституционно-правовой анализ : диссертация кандидата юридических наук / А.С. Кадем. Москва, 2014. 176 с.
3. Миронова А.В. Международно-правовое регулирование труда женщин : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Миронова. Москва, 2008. 220 с.
4. Петрушина Е.А. Институт прав женщин: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования женщин : диссертация кандидата юридических наук / Е.А. Петрушина. Екатеринбург, 2002. 211 с.

О правовых и неправовых регуляторах киберпространства

Жильцов Николай Александрович,
ректор Международного юридического института,
кандидат юридических наук, профессор
main@lawinst.ru

Zhiltsov Nikolay A.
Rector of the International Law Institute
PhD (Law), Professor

Чердаков Олег Иванович,
проректор по научной и инновационной работе
Международного юридического института,
доктор юридических наук, профессор
olegmui@mail.ru

Cherdakov Oleg I.
Vice-Rector for Research and Innovations
of the International Law Institute
LL.D., Professor

Мировой тренд третьего тысячелетия — цифровизация — способствовал развитию процессов перехода человечества на новый технологический уровень жизни. Киберреволюция произошла настолько быстро, что социально-правовые регуляторы не успели к ней адаптироваться. Долгое время цифровое общество жило по правилам, установленным киберпанками и интернет-анархистами. В последние десятилетия концепция изменилась, и возникла потребность правовой регламентации цифрового общества.

В период зарождения интернет-пространство представлялось зоной виртуальной свободы, суть которой выражалась в полной анонимности пользователя, возможности распространения любого контента без цензуры государства и общества. Среди представителей сетевого сообщества был популярным тезис о невозможности правового регулирования Интернета, поскольку он не имеет географической привязки, ввиду чего национальные законы не могут применяться на глобальном уровне. Одна-

ко по мере популяризации киберпространства стали появляться концепты, определяющие условия вмешательства в распространение контента в виртуальном мире.

В теории существует четыре инструмента, которыми можно регулировать Интернет: законы, архитектура, нормы и рынки. Этот подход был описан в статье «Закон об интернете — руководство по праву киберпространства»¹.

Правовые инструменты, к которым относится закон, — это устоявшаяся форма, посредством которой государство определяет запреты и дозволения в Интернете. Чаще всего это авторские права, кибербезопасность, защита интеллектуальной собственности и другие. Но законы, как правило, ограничены территорией государства, из-за чего их применение в интернет-сети проблематично.

Архитектура определяет программное обеспечение, брандмауэры, программы шифрования, базо-

¹ Internet Law — Guide to Cyberspace Law. URL: <https://www.hg.org/internet-law.html> (дата обращения: 02.06.2019).

вую структуру протоколов передачи данных, таких как TCP/IP и др. По мнению специалистов, это наиболее важная форма регулирования Интернета, служащая его основой².

Посредством сетевых норм пользователи сети устанавливают контроль сетевого общения и позволяют представителям сетевого сообщества на интернет-форумах модерировать комментарии, не пропуская в сеть деструктивные тексты.

Рыночное регулирование определяет модели поведения в Интернете с помощью традиционных экономических законов спроса и предложения, которые, предотвращая обман, стимулируют добросовестную конкуренцию. Все перечисленные способы дополняют друг друга.

Несмотря на сложившуюся в Интернете систему саморегулирования, которая, по мнению чиновников, недостаточно эффективна в начале XXI в., наметились тенденции ограничения «виртуальной анархии» посредством создания международных правовых норм. Под лозунгом обеспечения устойчивости глобального информационного общества, развития демократических ценностей, таких как свободный обмен информацией и знаниями, толерантность и уважение особенностей других людей, началось международное движение за ограничение анонимности пользователей сети.

На первом этапе в 1985 г. появились Рекомендации о правовой ценности компьютерных записей³. Затем в 1987 г. вышло Правовое руководство по электронному переводу средств⁴. Чуть позже были разработаны Типовой закон об электронной коммерции 1996 г.⁵, обеспечивший урегулирование правил электронной коммерции, и Окинавская хартия глобального информационного общества⁶, опубликованная 22 июля 2000 г., которая подвела идеологическую платформу всеобщего интернет-равенства.

После разработки мировым сообществом Окинавской хартии появились международные правовые регуляторы киберсети: сначала Типовой закон об электронных подписях 2001 г.⁷, далее План действий по построению глобального информационного общества⁸, принятый в Женеве в 2003 г., который

конкретизировал направления деятельности по построению информационного общества в рамках Целей развития тысячелетия. Приоритетным направлением объявлялось архивирование информации в цифровой форме, это касалось библиотек, архивов, музеев, учреждений культуры, образования, науки и культуры.

Оценивая результаты Женевского саммита, Питер Лейпрехт писал: «...тексты, принятые на Женевском саммите, вполне могли быть озаглавлены: «Добро пожаловать в цифровую страну чудес!» Они многословны, полны радикальных заявлений, много клише, стереотипов и желаний. Они проектируют идиллическую банальность, наивную веру в технологии и в дивный новый цифровой мир, в котором ИКТ решит все проблемы. Однако не стоит обманываться. Текст скрывает фундаментальные разногласия и диаметрально противоположные мировоззрения, которые были выражены на Саммите»⁹.

Можно согласиться с мнением автора, что Женевский саммит не решил, а обозначил противоречия, возникшие в мировом сообществе в связи с неодинаковыми возможностями стран в доступе к IT-технологиям, информационным ресурсам и знаниям в этой области.

В следующем документе были учтены противоречия национальных стандартов, регламентировавших сферу электронной торговли, поэтому Конвенция об использовании электронных сообщений в международных договорах¹⁰ отражала интересы большинства подписантов. Несмотря на то что названный документ вышел в 2005 г., его реализация началась спустя восемь лет 1 марта 2013 г. только после подписания всеми участниками. Конвенция определила правовой статус электронной подписи и возможность заключения коммерческих сделок посредством обмена электронными сообщениями.

Кир Джайлс в 2012 г. утверждал, что российские взгляды на природу, потенциал и использование киберпространства существенно отличаются от западного консенсуса. Автор акцентировал внимание на озабоченности российских властей вопросами неконтролируемого обмена информацией в киберпространстве и невозможности установления национальных границ виртуального мира, так как неконтролируемое распространение информации представляет угрозу российскому обществу и государству. Он уверен, что в России генерируется идея «национального интернета», которая подрывает воз-

² Там же.

³ Recommendation on the Legal Value of Computer Records (1985). URL: <https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/electcom/computerrecords-e.pdf> (дата обращения: 07.05.2019).

⁴ Legalguide on electronic fundstransfers/ URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/payments/transfers/LG_E-fundstransfer-e.pdf (дата обращения: 07.05.2019).

⁵ Model Law on Electronic Commerce Guide to Enactment. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/electcom/05-89450_Ebook.pdf (дата обращения: 07.05.2019).

⁶ Okinawa Charter on Global Information Societ. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html> (дата обращения 07.05.2019).

⁷ Model Law on Electronic Signatures with Guide to Enactment. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/electcom/ml-elecsig-e.pdf> (дата обращения: 07.05.2019).

⁸ World summit on information society concludes first phase by adopting declaration of principles and plan of action. PI/1550

12 december 2003. URL: <https://www.un.org/press/en/2003/pi1550.doc.htm> (дата обращения: 04.05.2019).

⁹ By Peter Leuprecht. Brave new digital world? Reflections on The first part of the World Summit on the Information Society. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/16.1_-_08_leuprecht.pdf (дата обращения: 04.05.2019).

¹⁰ United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/electcom/06-57452_Ebook.pdf (дата обращения: 04.05.2019).

возможность согласования с международным сообществом общих принципов и правил поведения в киберпространстве¹¹.

Автор фактически обвинил российское правительство в нежелании участвовать в создании международно-правовых норм регулирования Интернета. Полагаем, что данное суждение излишне тенденциозно. История показывает, что не только Россия, но и множество других государств, включая США и Великобританию, пытаются ограничить свободу интернет-пользователей. Так, например, 27 сентября 2019 г. власти США и Великобритании заявили о намерении подписать соглашение, по которому социальные сети и медиаплатформы, включая Facebook и WhatsApp, будут вынуждены делиться зашифрованными сообщениями пользователей с британской полицией, а ранее Конгресс США потребовал от Amazon, Apple, Facebook и Google раскрыть переписку своих топ-менеджеров¹².

Несмотря на диаметрально противоположные подходы в отношении международного правового урегулирования Интернета, движение в этом направлении не останавливается. Так, на форуме в Санкт-Петербурге в 2015 г. было заявлено, что национальное регулирование в Интернете не обеспечивает исполнимость правил и запретов в среде, где не существует границ, поэтому в мире появилась необходимость формирования специальных транснациональных институтов по регулированию Интернета¹³.

Существует и иная точка зрения о том, что в случае необходимости глобального регулирования Интернета наиболее эффективным вариантом является гармонизация национального законодательства, в результате чего устанавливается единый свод эквивалентных правил на глобальном уровне. При наличии одинаковых правил вопрос о применимой международной юрисдикции должен стать менее актуальным. Гармонизация национальных законов может быть достигнута в тех областях, где уже существует высокий уровень глобального консенсуса¹⁴.

В поддержку международного регулирования глобальной сети высказываются и представители кибербизнеса. В 2019 г. в редакционной статье, опубликованной в «Вашингтон пост» и продублированной на странице в Facebook, Марк Цукерберг поддержал идею законодательного регулирования Интернета, он, в частности, отметил, что «необходимы новые

правила в четырех областях — вредоносное содержание, честность выборов, конфиденциальность и переносимость данных. Я считаю, что нам нужна более активная роль правительства и регулирующих органов»¹⁵.

Исследование перспектив правительственной регламентации Интернета привело Пэн Хва Анга к констатации факта, что на сегодняшний день в мире не существует единой универсальной юридической модели регулирования интернет-контента. Регламентация Интернета каждой страной определяется не технологиями или законами, а культурой в самом широком смысле этого слова. У каждого государства есть свои специфические вопросы, и именно их множество увеличивает разнообразие проблем Интернета. Регулирование в этой области является новым, и поэтому те, кто стремится это делать, должны изучить последствия даже незначительных изменений в законодательстве¹⁶.

Хелен Робертс, консультант по праву и государственному управлению из Австралии, считает, что развитие Интернета затрудняет контроль правительств за распространением информации, поэтому ни один национальный орган не может иметь эффективного контроля над контентом и регулированием доступных услуг, поскольку большая часть размещается в Интернете за пределами Австралии. При удалении одного из узлов сети информация может проходить мимо, так как существует много альтернативных маршрутов, поэтому Интернет почти бессмертный¹⁷.

Данную позицию подтвердил пионер СМС Telecom Джон Гилмор, он констатировал: «...сеть интерпретирует цензуру как ущерб и обходит его»¹⁸.

В официально опубликованном обзоре Федералистского общества в рубрике «Как регулировать интернет» отмечалось, что по мере развития Интернета компании разрабатывали бизнес-модели, зависящие от свободного доступа к интернет-инфраструктуре. Смартфоны и планшеты заменили традиционные автономные компьютеры, а общественность приняла изменяющие жизнь приложения широкополосной связи. Исходя из этого, государственные структуры, некоторые общественные организации и корпорации решили, что интернет-

¹¹ Keir Giles. Russia's public stance on cyberspace issues. URL: https://www.researchgate.net/publication/261044707_Russia's_public_stance_on_cyberspace_issues (дата обращения: 24.07.2019).

¹² Управление Интернетом — последние события и публикации на 29 сентября 2019 года. URL: <http://d-russia.ru/upravlenie-internetom-poslednie-sobytiya-i-publikatsii-na-29-sentyabrya-2019-goda.html>

¹³ Трафик ломать не стоит // Российская бизнес-газета. 2015. № 24 (1003). URL: <https://rg.ru/2015/06/23/internet-pravila.html> (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁴ Jovan Kurbalija. Internet Governance and International law. URL: https://www.wgig.org/docs/book/Jovan_Kurbalija.pdf (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁵ Mark Zuckerberg calls for stronger regulation of internet. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/mar/30/mark-zuckerberg-calls-for-stronger-regulation-of-internet> (дата обращения: 28.06.2019).

¹⁶ Peng Hwa Ang. How Countries Are Regulating Internet Content. URL: https://web.archive.org/web/20160103124414/https://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/B1_3.HTM (дата обращения: 04.05.2019).

¹⁷ Helen Roberts. Can the Internet be regulated? URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/RP9596/96rp35 (дата обращения: 07.05.2019).

¹⁸ Rheingold, Howard The virtual community: Homesteading on the electronic frontier New York, HarperCollins, 1994, 7.

рынок требует прямого государственного контроля и должен всесторонне регулироваться¹⁹.

В апреле 2019 г. в Великобритании было объявлено о введении первых в мире жестких стандартов обеспечения безопасного Интернета. Министр культуры Джереми Райт тогда заявил: «...эра саморегулирования для онлайн-компаний закончилась»²⁰.

Чиновники провозгласили, что Великобритания станет самым безопасным местом в мире для выхода в Интернет, а также лучшим местом для начала и развития цифрового бизнеса. Сообщалось, что в рамках «Белой книги онлайн-вреда» для обеспечения выполнения компаниями своих обязанностей по предупреждению угроз, включая подстрекательство к насилию, поощрению самоубийств, дезинформацию, киберзапугивание и доступ детей к неподобающим материалам, Министерство цифровых технологий, культуры, средств массовой информации и спорта и Министерство внутренних дел создадут новый независимый регулятор²¹.

По мнению министра внутренних дел Англии, у технических гигантов и компаний социальных сетей есть моральная обязанность защищать молодых людей, от которых они получают прибыль²².

Противники государственного контроля Интернета в Англии, критикуя планы правительства, считают, что они пахнут оруэлловским авторитаризмом. Это беспрецедентная атака на свободу слова, которая приведет к тому, что интернет-гиганты будут следить за сообщениями и подвергать цензуре законную переписку²³.

Цифровизация отражает инновационные тенденции продвижения общества, которым следуют государства, нацеленные на развитие конкурентоспособной экономики. Россия не является исключением, именно поэтому в Российской Федерации за последние годы вышло более 60 законов и подзаконных актов, стратегий и доктрин, в той или иной мере регулирующих цифровую экономику и интернет-коммуникационную среду²⁴.

По свидетельству К. Лимонье, в 2014 г. около 50 млн россиян были подключены к Интернету, из этого числа более 70% имели доступ в виртуальный мир в крупных городах. В качественном отношении российская сеть является одной из самых быстрых в мире из-за оптоволоконных кабельных линий, которых в России в 2014 г. насчитывалось более 40%, что дает возможность сетевым пользователям быть активными в Интернете. Россияне являются ведущими производителями цифровых продуктов в Европе, а их технические знания выше, чем в других развитых странах. Российские разработчики легальных продуктов особенно заметны в индустрии видеоигр и безопасности данных. В целом страна имеет прочную цифровую экономику, способную противостоять конкуренции со стороны иностранных гигантов. Российская поисковая система «Яндекс» используется шире, чем Google, а пользователи Интернета предпочитают национальную социальную сеть «ВКонтакте» (VK), а не ее западный эквивалент Facebook²⁵.

Дискуссия о целесообразности контроля Интернета по-прежнему актуальна, и в социальных сетях существуют постоянно поддерживающие ее группы. Как правило, противники государственного вмешательства в киберпространство апеллируют избытком аргументом, таким как «интернет создавался как свободная зона», однако ситуация, складывающаяся в киберпространстве, свидетельствует о том, что безудержная анархия в виртуальном мире может привести к серьезным потрясениям в мире реальном, поэтому правовое регулирование киберпространства целесообразно в разумных пределах. Именно поэтому в 2019 г. вышел Закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»²⁶, который определил актуальные поправки в действующее за-

¹⁹ How to Regulate the Internet. Federalist Society Review, Volume 18. URL: <https://fedsoc.org/commentary/publications/how-to-regulate-the-internet> (дата обращения: 07.05.2019).

²⁰ By Billy Perrigo. The UK May Change the Rules That Turned Facebook Into an Empire. Will Other Countries Follow? <https://time.com/5566501/facebook-regulation-zuckerberg/> (дата обращения: 12.05.2019).

²¹ UK to introduce world first online safety laws. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-introduce-world-first-online-safety-laws> (дата обращения: 14.05.2019).

²² Там же.

²³ By Billy Perrigo. The UK May Change the Rules That Turned Facebook Into an Empire. Will Other Countries Follow? <https://time.com/5566501/facebook-regulation-zuckerberg/> (дата обращения: 12.05.2019).

²⁴ Среди множества нормативных правовых актов стратегий и программ можно выделить наиболее знаковые: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448; Федеральный за-

кон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. 2008. 16 февраля; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444; Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2; Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Российская газета. 2019. 7 мая.

²⁵ Kevin Limonier. Russia in Cyberspace: Issues and Representations // Hérodote 2014/1 No 152–153. URL: https://www.cairn-int.info/article.php?ID_ARTICLE=E_HER_152_0140 (дата обращения: 12.08.2019).

²⁶ Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».

конодательство, направленные на обеспечение «безопасного и устойчивого функционирования в России сети интернет. Закон установил требования к системам управления сетями связи при возникновении угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России интернета и сети связи общего пользования»²⁷.

Отношение к данному закону среди сетевого сообщества неоднозначное. По мнению одного из экспертов, самый большой риск от реализации закона — «потеря открытости блокировок и контроля над тем, что блокируется»²⁸.

Другой эксперт считает, что вышеназванный закон дает чиновникам широчайшие, ничем не ограниченные и никак не описанные полномочия, которые позволят принимать любые решения в отношении Интернета²⁹.

В отличие от английского законодательства у российского закона иное идеологическое содержание. Если англичане свои намерения оправдывали стремлением создания самого безопасного места в мире для развития цифрового бизнеса, то российский законодатель в концепцию закона вложил идею защиты от внешних угроз и поддержание устойчивости национального сегмента Интернета.

По мере погружения в тему мы пришли к выводу, что сегодня появились возможности использования глобальных IT-систем в интересах одной страны или группы стран, что прежде считалось областью фантастики. Поэтому возник вопрос о возможной альтернативе государственного регулирования киберпространства.

Очевидно, что одним из основных направлений современной политики любого государства является управление Интернетом. В то же время сетевые пользователи считают, что монополия государственного регулирования Интернета незаконна, и должна существовать альтернативная форма контроля киберпространства. Джон Барлоу в книге «Декларация независимости киберпространства» показал отсутствие легитимности власти правительства в виртуальном мире, подчеркнув: «...истинную силу правительствам дает согласие тех, кем они правят. Нашего согласия вы не спрашивали и не получали. Мы не приглашали вас. Вы не знаете ни нас, ни нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как если бы оно было объектом государственного строительства. Вы не способны на это. Киберпространство является де-

²⁷ Там же.

²⁸ «Они не очень понимают, что собираются делать». Читаем законопроект об автономном интернете вместе с IT-специалистом. URL: <https://zona.media/article/2019/04/11/avtopom> (дата обращения: 12.09.2019).

²⁹ Лурье В. Что изменится с принятием закона об автономном интернете? URL: <https://orpravo.org/news/zakon-internet/> (дата обращения: 04.05.2019).

лом естества и растет само посредством наших совокупных действий»³⁰.

Отвечая на вопрос, почему правительство не должно вмешиваться в социальные сети в США, Джон Сэмплз написал: «...социальные сети состоят из четырех групп людей: пользователей, которые генерируют контент, пользователей, которые потребляют контент, пользователей, которые генерируют коммерческую речь (рекламу), и менеджеров социальных сетей, которые размещают речь. Каждый элемент включает в себя речь, которая защищена в Соединенных Штатах от государственного регулирования Конституцией»³¹.

Еще один аргумент в пользу свободы сети автор закрепил ссылкой на то, что социальные сети являются частными форумами для выступления. Первая поправка Конституции США защищает свободу слова от действий государства. Социальные сети не являются государственными и, следовательно, защищены Конституцией США³².

Сетевое сообщество часто обсуждает вопрос об альтернативном инструментарии урегулирования Интернета. В частности, бытует мнение о том, что порядок в киберпространстве может существовать и без закона. Закон не нужен для порядка, поскольку затраты на процедуры урегулирования в Интернете настолько высоки, что легче вернуться к нормам здравого смысла.

В 1999 г. Фонд Бертельсманна опубликовал работу «Саморегулирование интернет-контента». В ней авторы предложили принять «кодексы поведения» для повышения социальной ответственности у поставщиков интернет-контента и услуг, что позволило бы обеспечить высокий уровень доверия и качества. Были предложены механизм саморегулирования, а также задачи для возможной правоохранительной системы Интернета, определен статус провайдеров³³.

В 2000 г. Монро Прай подготовил концепцию саморегулирования Интернета, в которой сделал акцент на эксплуатационных аспектах и дизайне контента в Интернете. В концепции автор предложил свое понимание саморегулирования и назвал отличия от дерегулирования или нерегулирования. Дерегулирование напрямую нацелено на устранение любого регулирования, воспринимаемого как чрезмерное и препятствующее рыночным отношениям. Саморегулирование — не альтернатива или заме-

³⁰ John Perry Barlow. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 10.09.2019).

³¹ By John Samples / Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/why-government-should-not-regulate-content-moderation-social-media/> (дата обращения: 23.06.2019).

³² Там же.

³³ Self-regulation of Internet Content. Bertelsmann Foundation Gütersloh. 1999. URL: <https://www.cdt.org/files/speech/BertelsmannProposal.pdf> (дата обращения: 12.09.2019).

на элементов прямого регулирования, ее нельзя рассматривать как антитезу правового регулирования. Чтобы решить эту дилемму, требуется инновация нормативного дизайна в Интернете³⁴.

Пол А. Пирлот предложил канадский взгляд на проблему саморегулирования интернет-контента. В официальной публикации автор сделал обзор текущей канадской ситуации, сложившихся механизмов и систем саморегулирования, используемых для работы с интернет-контентом. Свою основную задачу автор сформулировал как стимулирование диалога и оказание помощи другим странам в продвижении их собственных режимов саморегулирования³⁵.

Проблема саморегулирования Интернета, а точнее — ее многоаспектность, описывалась Яном Брауном в работе «Саморегулирование интернета и основные права»³⁶, Евой Хапкс в статье «Саморегулирование, сорегулирование, государственное регулирование»³⁷. Оба автора концентрировали внимание на специфике интернет-пространства и возможности его саморегулирования посредством использования различных технологий.

В отчете Оксфордского университета, проведенного в рамках программы по сравнительному праву и политике в области средств массовой информации, финансируемого Европейской комиссией в рамках Плана действий в области Интернета, были проанализированы кодексы саморегулирования поведения на национальном, европейском и международном уровнях. В выводах авторы проекта отметили, что существуют значительные проблемы с некоторыми моделями саморегулирования, в том числе недостаточная прозрачность и подотчетность в производстве кода процесса, отсутствие ясности и прозрачности в отношении ключевых процессов, например рейтинга материалов, процедуры обновления и пересмотра кодекса. Есть проблема недостаточной устойчивости финансирования саморегулируемых организаций. Существует снижение доверия к интернет-контенту в целом³⁸.

Возникает вопрос: что подразумевается под саморегулированием Интернета? Авторы исследования, посвященного проблеме саморегулирования киберпространства, считают, что целью саморегу-

лирования является установление поведенческих норм. Саморегулирование включает кодексы поведения, типовые контракты, кодексы этики, меморандум о взаимопонимании, технические или административные стандарты, системы сертификации или маркировки³⁹.

В российской литературе можно встретить высказывание о том, что «саморегулирование в интернете возможно только при определенной общественной и законодательной поддержке»⁴⁰. В какой-то степени данное суждение соответствует истине. Подтверждением служит деятельность виртуальных площадок «Яндекс», Mail.ru, Rambler, «Кинопоиск» в российском сегменте Интернета, подписавших с медиахолдингами-правообладателями меморандум, согласно которому площадки будут самостоятельно в досудебном порядке блокировать пиратские ресурсы в течение шести часов после появления ссылки в реестре Роскомнадзора⁴¹. По мнению одного из чиновников Роскомнадзора, данное соглашение позволит сделать Рунет свободным от пиратства пространством⁴².

Следующим этапом саморегулирования в российских социальных сетях должны стать меры самоцензуры, которая широко применяется в зарубежных сегментах Интернета.

Главный вопрос об однополярном или многополярном управлении киберсетью остается открытым. По мнению А. Аненкова, ныне действующая мультстейкхолдерная модель управления Интернетом неэффективна⁴³. Она не гарантирует правительствам возможность защиты интересов своих обществ. До тех пор, пока одна сторона обвиняет другую в киберпреступлениях и пытается осуществить международную изоляцию, не может быть и речи о правовом консенсусе по вопросу управления Интернетом. В качестве примера можно привести решение Европарламента от 10 октября 2019 г., который призвал соцсети и интернет-компании сотрудничать со структурами ЕС, в частности с оперативной группой по стратегическим коммуникациям (East StratCom

³⁴ Monroe Price, Stefaan Verhulst. The Concept of Self-Regulation and the Internet URL: <https://zona.media/article/2019/04/11/av-tonom> (дата обращения: 12.09. 2019).

³⁵ Paul A. Pierlot. Self-Regulation of Internet Content: A Canadian Perspective. URL: https://web.archive.org/web/20160103042124/http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/8k/8k_2.htm (дата обращения: 12.09. 2019).

³⁶ Ian Brown. Internet Self-Regulation and Fundamental Rights. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1539942 (дата обращения: 12.09. 2019).

³⁷ Eva Napks. Regulation, Self-regulation or Co-regulation. URL: https://www.researchgate.net/publication/322266821_Regulation_Self-regulation_or_Co-regulation (дата обращения: 12.09. 2019).

³⁸ Internet Self-Regulation: An Overview. URL: <http://www.law.uniso-fia.bg/Kat/T/IP/T/PM/DocLib/Internet%20SelfRegulation%20An%20Overview.htm> (дата обращения: 14.09.2019).

³⁹ How to regulate internet: new paradigms for internet governance-self — regulation: value and limits. URL: <http://www.crid.be/pdf/public/4656.pdf> (дата обращения: 14.09. 2019).

⁴⁰ Методы и средства регулирования интернет-отношений. URL: <https://bookcheba.com/intellektualnoy-sobstvennosti-pravo/metodyi-sredstva-regulirovaniya-internet-4840.html> (дата обращения: 14.09.2019).

⁴¹ «Яндекс» и правообладатели подписали антипиратский меморандум. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bdaf5329a79475d77c8a003> (дата обращения: 14.09. 2019).

⁴² Саморегулирование интернета работает лучше запретительных мер: эксперт об антипиратском соглашении поисковиков и правообладателей. URL: <http://teletap.org/novosti-rossii/samoregulirovanie-interneta-rabotaet-luchshe-zapretitelnykh-mer-ekspert-ob-antipiratskom-soglashenii-poiskovikov-i-pravoobladatelej.html> (дата обращения: 18.09.2019).

⁴³ Анненков А. Международное право и Интернет: движение навстречу или противостояние. URL: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnoe-pravo-i-internet-dvizhenie-navstrechu-ili-protivostoyanie.html> (дата обращения: 22.11.2019).

Task Force) для противодействия «крайне опасной российской интернет-пропаганде»⁴⁴.

Месяцем раньше в докладе британского аналитического центра в области международных отношений Chatham House указывалось, что помимо России предпринимаются попытки влияния на западное общественное мнение Ираном, Китаем и КНДР, но главная угроза исходит из Москвы. В этой связи предлагалось Еврокомиссии и Совету ЕС разработать эффективную и подробную стратегию быстрого и решительного противодействия российским стратегиям дезинформации⁴⁵.

⁴⁴ Управление Интернетом — последние события и публикации на 13 октября 2019 года. URL: <http://d-russia.ru/upravlenie-internetom-poslednie-sobytiya-i-publikatsii-na-13-oktyabrya-2019-goda.html> (дата обращения: 22.11.2019).

⁴⁵ Там же.

Подводя итог, можно констатировать: первое, саморегулирование Интернета — это сочетание общезаконодательного регулирования с ответственностью провайдеров за содержание распространяемого контента. Саморегулирование — это один из способов контроля виртуального пространства с использованием принятой в реальном мире шкалы правовых, моральных и этических ценностей. Второе, регламентация киберпространства возможна посредством сочетания национального законодательства и саморегулирования, основанного на этике сетевого общения, генерируемой сообществом пользователей социальных сетей. Универсальные международные регуляторы или регламенты Интернета в нынешних условиях не могут быть созданы и отвечать интересам всех стран в силу разности политических подходов в решении задач управления Интернетом.

Литература

1. Анненков А. Международное право и Интернет: движение навстречу или противостояние / А. Анненков. URL: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnoe-pravo-i-internet-dvizhenie-navstrechu-ili-protivostoyanie.html>
2. Литаврин М. Они не очень понимают, что собираются делать. Читаем законопроект об автономном интернете вместе с IT-специалистом / М. Литаврин. URL: <https://zona.media/article/2019/04/11/avtonom>
3. Лурье В. Что изменится с принятием закона об автономном интернете? / В. Лурье. URL: <https://orpravo.org/news/zakon-internet/>

References

4. Abernathy K.Q. How to Regulate the Internet / K.Q. Abernathy // *Federalist Society Review*. 2017. Vol. 18. P. 98–102.
5. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / J.P. Barlow. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>
6. Bennett N. Lemoine. What VUCA Really Means for You / N. Bennett, G. James. URL: <https://hbr.org/2014/01/what-vuca-really-means-for-you>
7. Brown I. Internet Self-Regulation and Fundamental Rights / I. Brown. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1539942
8. Giles K. Russia's public stance on cyberspace issues / K. Giles // 4th International Conference on Cyber Conflict / C. Czosseck, R. Ottis, K. Ziolkowski (Eds.). Tallinn : NATO CCD COE Publications, 2012. P. 63–75.
9. Hapks E. Regulation, Self-regulation or Co-regulation / E. Hapks. URL: https://www.researchgate.net/publication/322266821_Regulation_Self-regulation_or_Co-regulation.
10. Kurbalija J. Internet Governance and International law / J. Kurbalija. URL: https://www.wgig.org/docs/book/Jovan_Kurbalija.pdf
11. Leuprecht P. Brave new digital world? Reflections on The first part of the World Summit on the Information Society / P. Leuprecht. URL: https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/16.1_-_08_leuprecht.pdf
12. Limonier K. Russia in Cyberspace: Issues and Representations / K. Limonier // *Hérodote*. 2014/1. No 152-153. URL: https://www.cairn-int.info/abstract-E_HER_152_0140--russia-in-cyberspace-issues.htm
13. Min Xu. The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges / Min Xu, Jeanne M. David, Suk Hi Kim // *International Journal of Financial Research*. 2018. Vol. 9. № 2. P. 90–95.
14. Pierlot P.A. Self-Regulation of Internet Content: A Canadian Perspective / P.A. Pierlot. URL: https://web.archive.org/web/20160103042124/http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/8k/8k_2.htm
15. Peng Hwa Ang. How Countries Are Regulating Internet Content / Peng Hwa Ang. URL: https://web.archive.org/web/20160103124414/https://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/B1_3.HTM
16. Perrigo B. The UK May Change the Rules That Turned Facebook Into an Empire. Will Other Countries Follow? / B. Perrigo. URL: <https://time.com/5566501/facebook-regulation-zuckerberg/>
17. Poulet Y. How to regulate internet: new paradigms for internet governance self — regulation: value and limits / Y. Poulet. URL: <http://www.crid.be/pdf/public/4656.pdf>
18. Price M.E. The Concept of Self-Regulation and the Internet / M.E. Price, S. Verhulst // *Protecting Our Children on the Internet: Towards a New Culture of Responsibility*. 2000. P. 133–198.
19. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier / H. Rheingold. New York : HarperCollins, 1994. 447 p.
20. Roberts H. Can the Internet be regulated? / H. Roberts. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/RP9596/96rp35
21. Samples J. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media / J. Samples. URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/why-government-should-not-regulate-content-moderation-social-media/>
22. Schwab. K. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. World Economic Forum, 2016. 172 p.

Гражданский оборот как цивилистический концепт

Латынин Олег Анатольевич,
председатель Арбитражного суда Республики Крым,
доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства
Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук
mail@crb.rsuj.ru

Latynin Oleg A.
Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Crimea
Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Proceedings
of the Crimea branch of the Russian State University of Justice (RSUJ)
PhD (Law)

Концептуальное осмысление хорошо известных цивилистических понятий — таких, например, как гражданский оборот или собственность, — имеет непосредственное практическое значение для методологии цивилистики в части разработки, построения, понимания и усвоения алгоритмов принятия решений в ходе гражданского судопроизводства, задачами которого являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Разновидности таких алгоритмов, а также последовательность их применения в самом общем виде обозначены Г.А. Гаджиевым. На первом этапе речь идет о постижении логики метода частного права, основанного на разумной презумпции договороспособности участников имущественных отношений согласно взаимоприемлемой формуле «Договор — закон для двоих». Далее усваиваются различные приемы юридической силлогистики, которые, как правило, достаточны для разрешения простых (ординарных) юридических дел. «Золотыми» же, по выражению Г.А. Гаджиева, правилами правоприменения, востребованными в сложных юридических делах, являются методы постклассической юридической методологии, когда одной лишь дедукции или аналогии недостаточно, а требуются суждения аксиологического характера, в частности проверка на пропорциональность огра-

ничивающих мер, а также оценка легитимности их целей. «Всегда существуют альтернативы, можно использовать и менее ограничительные меры, которые приведут к искомой легальной цели. Правовые средства, содержащие большие меры вмешательства, являются избыточными обременениями без очевидной необходимости. По сути, необходима оптимизация ограничительных мер, то есть выбор наименьшей из ограничительных мер, достигающих того же результата»¹.

В этой связи вспомним также общие принципы прецедентов Европейского Суда по правам человека. Вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности ставится здесь всякий раз постольку, поскольку верховенство права, одна из основ демократического общества, воплощается во всех статьях Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). Вместе с тем вопрос о том, было ли достигнуто справедливое равновесие между требованиями общего интереса и защиты фундаментальных прав лица, имеет значение для дела лишь при условии, что спорное вмешательство отвечало требованию законности и не являлось произвольным².

¹ См.: Гаджиев Г.А. Е.В. Васильковский и современная цивилистическая методология // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 57–64; Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 июня 2005 г. «Дело “Бакланов (Baklanov) против Российской Федерации”» (жалоба № 68443/01); Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 марта 2005 г. «Де-

Как видим, в данном случае также применяются суждения аксиологического характера, что является наиболее сложной частью методологии правоприменения. Соответственно, необходимы и абстракции более высокого уровня, которые, на наш взгляд, могут быть обеспечены лишь посредством концептуального осмысления цивилистической материи.

Во избежание терминологических недоразумений сразу оговоримся, что понятие «концепт», заимствованное из когнитивных наук, а в частности — из когнитивной лингвистики, где оно получило всестороннюю разработку, в целях настоящей статьи трактуется нами в качестве единицы профессионального юридического мышления (в первую очередь подразумеваем мышление судьи как носителя судебной власти) — абстрактной, обобщенной идеи, которая может быть построена как на эмпирической, так и на чисто умозрительной основе и формирует собой некий образ, отражающий цивилистическую действительность и способствующий ее объяснению и толкованию.

Еще одно терминологическое уточнение касается самого термина «оборот», этимологический анализ которого указывает на связь с такими смыслами, как превращение во что-либо, т.е. изменение вида, наружности; циркуляция; употребление, применение, использование. Отметим, что из 82 фрагментов действующего Гражданского кодекса РФ, содержащих термин «оборот», к данному толкованию наиболее близки формулировки ст. 129, определяющей оборотоспособность объектов гражданских прав.

Понятие гражданского оборота имеет многоуровневую содержательно-смысловую структуру, сформировавшуюся как результат абстрагирующей деятельности юридического мышления. Окружающий внешний мир предоставляет человеку неиссякаемые ресурсы для создания того, что имеет потребительскую и меновую ценность и в силу этого становится предметом сделок между частными лицами, составляющих в своей совокупности экономический оборот. И.А. Покровский называл его основной материей гражданского права и сравнивал с мифологическим царем Мидасом, способным превращать в золото все то, к чему он прикасается³.

Действительно, весь ход экономической истории показывает, что хозяйственная жизнь может успешно развиваться лишь в условиях признания свободы обмена, частной инициативы и предприимчивости, а это, в свою очередь, не только дает импульс к

расширению сфер производства и росту благосостояния общества, но и благотворно воздействует на самого человека. По мере того как расширяется сфера его свободы и самоопределения, регулируемая гражданским правом, формируются представления о достоинстве отдельной человеческой личности, самосознание правосубъектности как юридической самостоятельности человека. «Раз за человеком признано то или другое субъективное право, он уже занимает определенную позицию по отношению к государству и его властям, он уже чего-то может требовать от них, он уже известная волевая единица, а не безгласная особь кем-то пасомого стада. Пусть те объективные нормы, на которых покоятся субъективные права отдельной личности, могут быть изменены или даже отменены государством, но пока этого нет, личность имеет определенное прочное положение в жизни целого социального организма, положение, пользуясь которым, она может развивать свои силы для удовлетворения своих интересов, в пределах которого она может жить для себя»⁴.

Иными словами, с развитием экономического оборота совершенствуется и гражданская жизнь, в интенсивном имущественном общении создаются необходимые для его осуществления юридические формы, и все это, в свою очередь, способствует прогрессу как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Учитывая приведенные выше соображения, в целях исследования концептов цивилистической действительности считаем допустимой взаимозаменяемость понятий экономического, имущественного и гражданского оборота. Отметим, что данная точка зрения единственной не является, в учебной и научной литературе указанные понятия нередко разграничиваются⁵.

Так, например, А.В. Захаркина считает имущественный оборот более широким по своему объему, чем понятие гражданского оборота, и отмечает их логическое соотношение: гражданский оборот — это часть имущественного оборота. Правда, здесь же указанный автор отмечает, что такая трактовка предполагает, в свою очередь, предельно широкую интерпретацию термина «имущественный оборот», применяемого по отношению ко всем вообще имущественным отношениям, не только частного правового, но также и публичного характера, когда речь идет о всяком перемещении материальных благ в сферах, регулируемых бюджетным, налоговым, административным и т.д. правом.

ло «Фризен (Frizen) против Российской Федерации» (жалоба № 58254/00) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1917. URL: <http://allpravo.ru/library/doc99p0/instrum5175/item5187.html> (дата обращения: 16.11.2019).

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1917.

⁵ См.: Виниченко Ю.В. Учение о гражданском обороте: смена парадигмы // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2018. Т. 1. № 1. С. 158–183.

На таком фоне специфика гражданского оборота усматривается А.В. Захаркиной в том, что он подчинен фундаментальным для функционирования гражданских правоотношений принципам, таким как диспозитивность, равноправие, автономия воли, неприкосновенность собственности и иные частноправовые начала⁶.

Именно на основании перечисленных характеристик мы утверждаем, что экономический оборот потому и может быть назван гражданским, что циркуляция соответствующих благ предполагает рост человеческой личности, развитие ее индивидуального самосознания. Личность «желает иметь свое определенное и прочное место, желает жить на своем праве, а не на милости или немилости государства»⁷.

Близкую к нашей позицию находим у И.А. Полуяхтова, определившего гражданский оборот как юридическую форму экономического оборота и справедливо отметившего, что «вся история гражданского права: сотни имен, тысячи юридических конструкций, десятки тысяч идей — все это работало и работает на решение одной из основных проблем гражданского права — проблемы обеспечения эффективного функционирования экономического оборота»⁸.

Приведем также мнение Е.А. Суханова, который считает, что понятие гражданского оборота хотя и не находит прямого законодательного воплощения, но приобретает важное теоретико-познавательное и вместе с тем практическое значение. По Е.А. Суханову, «гражданский или имущественный оборот — совокупность сделок всех его участников и возникающих на этой основе их обязательственных отношений, юридически оформляющих экономические отношения товарообмена»⁹.

Как основная материя гражданского права, гражданский оборот может быть представлен в нескольких аспектах, обозначенных в интересном диссертационном исследовании И.А. Полуяхтова¹⁰.

Так, государственно-политический аспект гражданского оборота связан с тем, что эффективное управление имущественными отношениями посредством гибкой системы юридических средств, соответствующих потребностям оборота и его динамике,

является необходимым условием жизнедеятельности государства.

В собственно экономическом аспекте эффективность правового регулирования гражданского оборота, незыблемые юридические гарантии его предсказуемости и стабильности многократно повышают инвестиционную привлекательность национальной экономики, в том числе и на международной арене.

Правотворческий аспект заключается в высоком потенциале юридического прогнозирования на основе доктринального анализа действующего гражданского законодательства с последующей проработкой *de lege ferenda*¹¹ новелл, соответствующих динамике экономического оборота, непосредственным образом влияющей на правоотношения.

Далее следует правоприменительный аспект, содержанием которого выступают практические трудности судебного толкования и применения норм гражданского законодательства.

Наконец, доктринальный аспект, обусловленный повышенным интересом юридической науки к тем или иным проблемам неоднозначной правоприменительной практики, а также необходимостью технико-юридического совершенствования правового регулирования экономического оборота.

Представляется, что данные тезисы в свернутом виде содержат различные пути возможного осмысления гражданского оборота в качестве цивилистического концепта. Отличительной особенностью такого осмысления, на наш взгляд, является следующее.

В фокус внимания попадает не какая-либо базовая дефиниция данного понятия, будь то законодательное либо доктринальное его определение, а целостно организованная совокупность смысловых компонентов, каждый из которых несет информацию о гражданском обороте как объекте восприятия на основе осознанного профессионального юридического опыта. Концепт «гражданский оборот» имеет сложную многоуровневую структуру, поскольку состоит из множества компонентов, включая не только экономические и правовые, но также и социальные, и этические. В итоге получается, что концепт объемнее одноименного юридического понятия, поскольку может быть структурирован.

В заключение подчеркнем, что подобное осмысление не является привнесением в научный анализ неких произвольно приписываемых объекту качеств. По существу, речь идет о новой постклассической методологии, а ее возникновение и развитие, в свою очередь, веление времени, насущное его требование вследствие стремительно меняющихся соци-

⁶ Захаркина А.В. Гражданский оборот как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3 (37). С. 325.

⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1917.

⁸ Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 5, 39.

⁹ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др. ; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. С. 46.

¹⁰ См.: Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав.

¹¹ С точки зрения желательного (необходимого) закона (лат.).

ально-экономических условий жизни современного общества. Так, «в самом ближайшем будущем личность во всех своих проявлениях будет окончательно встроена в цифровое пространство», и мы полностью согласны с С.В. Сарбашем в том, что «это не может не отразиться и на ландшафте гражданского

оборота»¹². Новое же содержательное наполнение гражданских правоотношений обуславливает поиск адекватных доктринальных инструментов их познания.

¹² Сарбаш С. Гражданский оборот в цифровую эпоху. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskiy_oborot_v_cifrovuyu_epohu (дата обращения: 16.11.2019).

Литература

1. Виниченко Ю.В. Учение о гражданском обороте: смена парадигмы / Ю.В. Виниченко // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2018. Т. 1. № 1. С. 158–183.
2. Гаджиев Г.А. Е.В. Васьковский и современная цивилистическая методология / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 57–64.
3. Захаркина А.В. Гражданский оборот как фундаментальная цивилистическая категория / А.В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3 (37). С. 323–333.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. Петроград : Юридический книжный склад «Право», 1917. 328 с.
5. Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав : диссертация кандидата юридических наук / И.А. Полуяхтов. Екатеринбург, 2002. 183 с.
6. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 2. Обязательственное право : учебник / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2011. 1208 с.
7. Сарбаш С. Гражданский оборот в цифровую эпоху / С. Сарбаш. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskiy_oborot_v_cifrovuyu_epohu (дата обращения: 16.09.2019).

Правила оформления статей и иных материалов, направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14; сноски сквозные, в конце статьи, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в несколько изданий в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- а) название статьи на русском и английском языках;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание на русском и английском языках;
- в) аннотацию к статье на русском и английском языках;
- г) ключевые слова из текста статьи на русском и английском языках;
- д) служебный адрес либо адрес электронной почты для опубликования в журнале.

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем/консультантом.

6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

7. После проверки подписанный автором электронный вариант статьи и сопроводительные документы представляются в редакцию по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

Фидуциарные обязанности как неотъемлемая часть предмета договора управления чужими делами

Павлов Андрей Алексеевич,
начальник управления правового сопровождения
ликвидационных процедур Госкорпорации
«Агентство по страхованию вкладов»
rakat51@mail.ru

Pavlov Andrey A.
Head of the Department of Legal Support of Liquidation Procedures
of the State Corporation Deposit Insurance Agency

Усложнение общественных отношений, сопутствующее современной экономике услуг, задает новый вектор в формах удовлетворения социально-экономических потребностей — через привлечение профессиональных услугодателей. Так, управление корпорацией, юридическим лицом, находящимся в стадии банкротства, унаследованной долей в хозяйственном обществе нуждается в компетентном сопровождении лицом, владеющим необходимыми знаниями, умениями и навыками. Подобные правоотношения объективно требуют специального гражданско-правового договорного регулирования, однако очевидно, что современный отечественный договорный инструментариум заметно отстает от реального имущественного оборота и не учитывает всех его потребностей. В этой связи актуализируется вопрос о создании такой договорной конструкции, опосредующей управленческие правоотношения. Автором настоящего исследования предложена такая конструкция — договор управления чужими делами.

Установление самостоятельного места договора управления чужими делами в системе гражданско-правовых договоров требует учета как пандектной системы отечественного законодательства, так и типологии договорных конструкций. Полагаем, что договор управления чужими делами относится к типу договоров, направленных на оказание услуг, и ввиду обозначенных обстоятельств требует позитивации в нормах главы 39.1 ГК РФ. Интересно при этом отметить, что весьма схожая договорная конструкция — «возмездное ведение дела» — со-

держится в § 675 Германского гражданского уложения¹.

По договору управления чужими делами одна сторона (**управляющий делами**) управляет чужими делами в рамках предоставленных полномочий по своему усмотрению по поручению другой стороны (**принципала**) в интересах третьего лица (**бенефициара**), а принципал обязуется оплачивать эти услуги.

Существенным условием договора управления чужими делами следует признать его предмет, который представлен управленческими услугами. В свою очередь, обозначенные услуги есть комплекс взаимосвязанных юридических, фактических и иных действий, составляющих управленческую деятельность. Разрабатываемая нами концепция договора управления чужими делами предполагает, что предмет этого договора включает так называемые фидуциарные обязанности управляющего делами, имманентно присущие фидуциарному характеру обязательно-правовой связи, возникающей в рамках исследуемого договора. Именно этим обязанностям и посвящено настоящее исследование.

Как известно, термин «фидуциарные обязанности» имеет англо-американские корни и предполагает две основные обязанности — должной лояльности (*duty of loyalty*) и должной заботы (*duty of care*)². Современные зарубежные исследователи фидуциар-

¹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

² См. об этом: Routledge Handbook of Corporate Law. Edited by Roman Tomasic. 2017. P. 99–100.

ных обязанностей связывают их в большинстве своем с корпоративным управлением³, что обусловлено объективными обстоятельствами: фидуциарные обязанности директоров компаний урегулированы в английском Companies Act⁴ и американском Model Business Corporation Act⁵.

Однако, на наш взгляд, фидуциарные обязанности связаны не только с корпоративным управлением, но и с управлением в несостоятельности (банкротстве), в управлении наследственным имуществом и в иных сферах, требующих частного управления, опосредованного договором управления чужими делами. Сделанный нами вывод подтверждается и судебной арбитражной практикой, которая весьма часто оперирует таким термином, как «фидуциарные обязанности». К примеру, «участники сельскохозяйственных кооперативов... не могут быть поставлены в худшее положение при нарушении органами управления своих фидуциарных обязанностей»⁶; «полномочия менеджера (главы) осуществляются с соблюдением им фидуциарной обязанности, т.е. обязанности действовать от имени юридического лица, исключительно добросовестно, с соблюдением должной осмотрительности, в интересах работодателя»⁷; «отношения, связанные с выдачей доверенности, являются фидуциарными (лично-доверительными)»⁸; «действия контролирующего лица выходят за рамки исполнения «фидуциарных обязанностей (в частности: разумность и добросовестность)»⁹.

Среди отечественных нормативных актов термин «фидуциарные обязанности» нам удалось встретить только в одном акте — Приказе Росимущества от 21 ноября 2013 г. № 357 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе». В данном документе фидуциарные обязанности тра-

диционно определены через призму принципов добросовестности и разумности, а также правила действия в интересах акционеров¹⁰.

Исследование фидуциарных обязанностей в увязке с корпоративным управлением получило популярность и в отечественной цивилистике¹¹. Так, Д.В. Ломакин объясняет это тем, что фидуциарные обязанности неразрывно связаны с фидуциарными правоотношениями¹², которые и существуют в рамках хозяйственных обществ, на что нередко обращает внимание и правоприменитель¹³. Фидуциарные обязанности директоров корпораций детально описаны в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»¹⁴. В указанном постановлении сконцентрировано внимание главным образом на двух центральных понятиях — «недобросовестность» и «неразумность» применительно к деятельности директора компании. Так, недобросовестность раскрыта через такие «маркеры», как конфликт интересов, сокрытие информации о сделках, действия в обход необходимого порядка одобрения сделки, удержание документации, совершение иных действий не в интересах юрлица. Что касается второго термина — «неразумность», то под ним предложено понимать такие действия директора, которые совершены им без получения необходимой информации или без соблюдения необходимых процедур.

³ См., например: Krtousova L.N. The Duty of Loyalty Imposed on a Company Director: A Comparison between Czech and English Law // Review of Central and East European Law. 2019. Vol. 44. Issue 1. P. 1–30; Koh Pearlie. A Director's Duty of Loyalty and the Relevance of the Company's Scope of Business: Cheng Wai Tao v Poon Ka Man Jason // Modern Law Review. 2017. Vol. 80. Issue 5. P. 941–954; Shill Gregory H. The Golden Leash and the Fiduciary Duty of Loyalty // Ucla Law Review. 2017. Vol. 64. Issue 5. P. 1246–1300.

⁴ См.: Companies Act 2006. § 171–177. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/part/10/chapter/2/crossheading/the-general-duties>

⁵ См.: § 8.30, 8.31, 8.42, 14.34 Model Business Corporation Act. URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbca.authcheckdam.pdf

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 декабря 2015 г. № 09АП-34340/2015-ГК по делу № А40-26792/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение ВАС РФ от 14 декабря 2011 г. № ВАС-12434/11 по делу № А59-4783/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение ВАС РФ от 22 июля 2013 г. № ВАС-9900/13 по делу № А14-5252/2009 «О возвращении заявления (представления) о пересмотре судебного акта в порядке надзора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ URL: http://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a9852e63-66cc-440e-b606-d38226c26f42/5bfd20be-e80d-4df6-bc20-df5ff75cd5b1/A50-25819-2016_20190923.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.10.2019).

¹⁰ Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе: приказ Росимущества от 21 ноября 2013 г. № 357 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8; Он же. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 3–26; Будылин С.А. Обязанности фидуциариев в фундаментальных сделках: американский опыт // Закон. 2019. № 1. С. 65–79; Шикин С.А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44–46; Луценко С.И. Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя // Современное право. 2017. № 9. С. 56–63; Ключарева Е.М. Доктринальные и исторические особенности определения обязанностей и ответственности членов органов управления юридического лица в разных юрисдикциях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 145–176; Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.; Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019. 255 с. и др.

¹² Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 4.

¹³ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2016 г. по делу № А33-6081/2016; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 сентября 2014 г. № 15АП-2830/2014 по делу № А53-22193/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2019).

¹⁴ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

Кроме того, нарушение фидуциарных обязанностей директора компании имеет место в случае совершения действий, выходящих за пределы обычного предпринимательского риска¹⁵. Итак, высшая судебная инстанция при оценке нарушения фидуциарных обязанностей директора компании предлагает руководствоваться такими устоявшимися понятиями, как «конфликт интересов», «в противоречие с интересами юридического лица», «деловая практика», «предпринимательский риск» и т.д. Аналогичный подход к характеристике фидуциарных обязанностей директора отражен и в п. 2.6 Кодекса корпоративного управления¹⁶.

Таким образом, в российском праве фидуциарные обязанности принято раскрывать через призму принципов гражданского права — добросовестности и разумности, а также через иные оценочные категории. Кроме того, очевидно, что фидуциарные обязанности так или иначе связаны с правилами о личном исполнении обязательства, о соблюдении режима конфиденциальности в отношении информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну и др.

Принцип добросовестности, который может быть признан аналогом англо-американской *duty of loyalty*, долгое время не имевший надлежащего регулирования, получил в 2012 г. необходимую позитивацию, став «нормой-принципом» российского гражданского законодательства. При этом вопрос о понятии и содержании этого принципа относится к числу дискуссионных в современной цивилистике. К примеру, Е.Е. Богданова вкладывает в это понятие «представления о нравственности»¹⁷, Е.В. Вавилин — представления об «универсальных требованиях морали и права»¹⁸, М.Ф. Лукьяненко — представления о «заботливости в отношении чужих прав и интересов»¹⁹. В свою очередь Д.Н. Кархалев придает принципу добросовестности статус «особой черты гражданских отношений»²⁰.

Принцип разумности характеризуется не только как нравственное начало, но и как оценочная категория. В контексте рассмотрения принципов,

составляющих содержание фидуциарных обязанностей управляющего делами, отметим ценность научных разработок Ф.И. Хамидуллиной, а именно ее этической концепции гражданского права²¹. Признавая масштабность задачи комплексного изучения таких принципов гражданского права, как добросовестность и разумность, позволим себе резюмировать вышесказанное цитатой О.А. Кузнецовой: «...проблему перечня принципов гражданского права необходимо заменить проблемой их систематизации»²².

В контексте изучения фидуциарных обязанностей особое исследовательское внимание следует уделить категории «интерес». Известно, что такие категории, как «законный интерес участника» и «интерес юридического лица», являются не просто доктринальными понятиями, не имеющими прикладного значения, а «критерием-основанием» при оценке степени вреда, причиненного корпорации действиями его директора²³. Не умаляя значения обозначенных понятий, согласимся с утверждением Д.И. Степанова о том, что обращение правоприменителя к «интересам юридического лица» зачастую носит избыточный характер²⁴. Представляется, что интересы бенефициара и степень соответствия деятельности управляющего делами этим интересам — основной критерий при оценке соблюдения фидуциарных обязанностей управляющего делами в договоре управления чужими делами.

Присутствие фидуциарных обязанностей в предмете договора управления чужими делами во многом связано с профессиональной составляющей управленческой деятельности, опосредуемой исследуемым договором. Презюмируется, что профессиональные управленческие знания, умения и деловые навыки ведения чужого дела предупреждают неэффективную управленческую деятельность управляющего делами. Так, А.В. Егоров, анализируя немецкий договор о возмездном ведении дел, отмечает, что лицо, которому поручено вести чужие дела, оказывает управленческое воздействие на имущество собственника, «проявляя свои профессиональные знания и умения»²⁵.

Наличие в договоре управления чужими делами особых фидуциарных обязанностей управляющего делами выполняет главным образом три основные функции: (1) дисциплинирует контрагентов; (2) фик-

¹⁵ См. об этом: Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 т. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др. ; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М. : ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. 384 с.

¹⁶ О Кодексе корпоративного управления : письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // Вестник Банка России. 2014. № 40.

¹⁷ Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 11.

¹⁸ Вавилин Е.В. Осуществление и защита прав потребителей: принцип добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 10.

¹⁹ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2010. 423 с.

²⁰ Кархалев Д.Н. Принцип добросовестности в гражданском праве // Гражданское право. 2013. № 5. С. 31.

²¹ Хамидулина Ф.И. Этическая концепция гражданского права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4. С. 184–188.

²² Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. С. 62.

²³ Шикин С.А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 45.

²⁴ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29.

²⁵ Егоров А.В. Понятие посредничества в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 151–152.

сирует принятые стандарты управленческой деятельности; (3) используется при оценке степени вреда, причиненного в случае нарушения фидуциарных обязанностей управляющего делами²⁶.

²⁶ См. об этом: Чеховская С.А. Современные проблемы применения концепции фидуциарных обязанностей в американском корпоративном праве // Предпринимательское право: вызовы времени. Научные труды кафедры предпринимательского права. Вып. 1 / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф.

Подводя итог настоящему исследованию, предлагаем под фидуциарными обязанностями понимать основанные на доверии этико-правовые требования, возникающие в связи с управлением чужими делами.

О.М. Олейник, д-ра юрид. наук Ю.Б. Фогельсона. М. : ГУ-ВШЭ, 2009. С. 132.

Литература

1. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : диссертация доктора юридических наук / Е.Е. Богданова. Москва, 2010. 421 с.
2. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании / Т.С. Бойко. Москва : Статут, 2019. 255 с.
3. Будылин С.Л. Обязанности фидуциариев в фундаментальных сделках: американский опыт / С.Л. Будылин // Закон. 2019. № 1. С. 65–79.
4. Вавилин Е.В. Осуществление и защита прав потребителей: принцип добросовестности / Е.В. Вавилин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 7–11.
5. Егоров А.В. Понятие посредничества в гражданском праве : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Егоров. Москва, 2002. 220 с.
6. Кархалев Д.Н. Принцип добросовестности в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Гражданское право. 2013. № 5. С. 30–32.
7. Ключарева Е.М. Доктринальные и исторические особенности определения обязанностей и ответственности членов органов управления юридического лица в разных юрисдикциях / Е.М. Ключарева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 145–176.
8. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права / О.А. Кузнецова. Москва : Статут, 2006. 269 с.
9. Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве / Д.В. Ломакин // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 3–26.
10. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против / Д.В. Ломакин // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8.
11. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. Москва : Статут, 2010. 423 с.
12. Луценко С.И. Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя / С.И. Луценко // Современное право. 2017. № 9. С. 56–63.
13. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.
14. Степанов Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. Москва : Статут, 2018. 207 с.
15. Хамидулина Ф.И. Этическая концепция гражданского права / Ф.И. Хамидулина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4. С. 184–188.
16. Чеховская С.А. Современные проблемы применения концепции фидуциарных обязанностей в американском корпоративном праве / С.А. Чеховская // Предпринимательское право: вызовы времени : научные труды кафедры предпринимательского права. Вып. 1 / под общей редакцией О.М. Олейник, Ю.Б. Фогельсона. Москва : ГУ-ВШЭ, 2009. 367 с.
17. Шикин С.А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве / С.А. Шикин // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44–46.
18. Юридические лица в российском гражданском праве. В 3 томах. Т. 1: Общие положения о юридических лицах : монография / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина [и др.] ; ответственный редактор А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Синицын. Москва : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 384 с.

References

19. Koh Pearlie. A Director's Duty of Loyalty and the Relevance of the Company's Scope of Business: Cheng Wai Tao v Poon Ka Man Jason / Pearlie Koh // Modern Law Review. 2017. Vol. 80. Iss. 5. P. 941–954.
20. Krtousova L.N. The Duty of Loyalty Imposed on a Company Director: A Comparison between Czech and English Law / L.N. Krtousova // Review of Central and East European Law. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 1–30.
21. Routledge Handbook of Corporate Law / Edited by R. Tomasic. 2017. 285 p.
22. Shill Gregory H. The Golden Leash and the Fiduciary Duty of Loyalty / Gregory H. Shill // Ucla Law Review. 2017. Vol. 64. Iss. 5. P. 1246–1300.

Социальное предназначение примирения по уголовным делам

Грохотова Елена Александровна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

jusprofi@mail.ru

Grokhotova Elena A.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Trial and Criminalistics
of the Southwestern State University

В любой сфере человеческой деятельности складываются взаимоотношения ее субъектов, т.е. социальное начало предопределено для любых связей. Отношения, возникающие между потерпевшим и обвиняемым в сфере уголовного процесса, обусловлены наличием конфликтной ситуации. Разрешение конфликта между этими участниками мирным путем имеет превалирующее значение перед назначением наказания. Практически любой уголовно-правовой спор может быть разрешен с использованием примирительных процедур. Важно отметить, что примирение имеет особое социальное значение не только для конфликтующих сторон, но и для всего общества.

Перспективы развития института примирения в области совершенствования современного уголовно-процессуального законодательства на основе отношений государства и личности выражаются не только в упорядочении юридических связей, но и в оптимизации экономических, политических и иных социальных отношений. Поэтому проблемы примирения должны изучаться не только в правовой сфере, а в различных отраслевых аспектах, нуждающихся во всестороннем теоретическом осмыслении. Содержание примирения как особого социального явления сложно и многоаспектно. Его проявление в юридической действительности не исчерпывает феномена примирения как такового¹. Несомненно особое значение института примирения для уголовного процесса, модернизация которого свидетельствует о стремлении к мирному разрешению уголовно-правовых конфликтов.

¹ Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Право и примирение // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 91–92.

Примирительная форма разрешения проблем, возникших в результате совершения преступления, предусматривает отказ от противопоставления интересов сторон и предполагает снижение напряженности в межличностных отношениях, разрешение конфликта посредством удовлетворения законных интересов потерпевшего в возмещении ущерба².

Изучение института примирения по уголовным делам и его совершенствование являются предметом многих исследований и интересуют теоретиков и практиков с давних времен. В современный период в свете стремления к построению правового государства развитие института примирения и примирительных идей стало одним из самых перспективных направлений совершенствования уголовного процесса.

В соответствии с назначением уголовного процесса государство обязано защищать права и законные интересы граждан, пострадавших от преступления, и обеспечивать предупреждение необоснованного обвинения лица. Защита прав обеспечивается не только через привлечение к ответственности виновного, а в первую очередь зависит от восстановления социальной справедливости, которая может быть достигнута и примирением между сторонами. Примирение обеспечивает разрешение разногласий и означает прекращение уголовно-правовых отношений, которые себя исчерпали, в связи с чем институт примирения по уголовным делам является важнейшим гарантом обеспечения и защиты прав участников уголовного процесса.

² Перекрестов В.Н. Значение признания обвиняемым своей вины для примирения сторон // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 45.

Как подчеркивают отдельные авторы, в случае примирения уголовно-правовое отношение искусственно прерывается субъективно-волевым решением компетентного правоохранительного органа³. Социальное предназначение института примирения определяется необходимостью скорейшего и полного возмещения со стороны виновного вреда, причиненного потерпевшему. В данном случае усматривается стремление государства предоставить лицу, совершившему преступление, возможность доказать свое исправление⁴.

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением широко применяется на практике, однако требует дальнейшего совершенствования в соответствии с изменениями в обществе и законодательстве.

Социальное значение института примирения по уголовным делам зависит в том числе и от надлежущей правовой регламентации его в рамках уголовно-процессуального закона. Правовая сущность прекращения уголовного дела заключается в разрешении уголовного дела по существу, обусловленном прекращением уголовно-процессуальных отношений, и носит окончательный характер⁵. Развитие института примирения является перспективным и важным направлением модернизации современного уголовного процесса. Основу для его совершенствования следует черпать из норм о прекращении уголовных дел частного обвинения.

Для достижения примирения между участниками уголовно-правового конфликта необходимо установить баланс их интересов, чтобы суд в конечном счете смог вынести справедливое решение о прекращении уголовного дела на основании примирения сторон, при этом учесть все условия такого примирения и не усмотреть незаконных действий со стороны участников уголовного конфликта. Установление баланса между частными и публичными интересами в институте примирения сторон является непростым процессом, требующим повышенного внимания органов предварительного расследования и суда при производстве по уголовному делу.

Примирение по уголовным делам выполняет общие задачи, стоящие перед государственными орга-

нами в сфере уголовного процесса, такие как охрана прав участников конфликта, а также защиты интересов общества и государства. Кроме того, имеет ряд специфических задач, характеризующих социальную сущность института примирения.

Поэтому среди основных задач института примирения сторон по уголовным делам следует особо выделять также предупреждение совершения новых преступлений. Важно не просто достичь примирения, но и предотвратить возможность повторения конфликта между этими субъектами. Как отмечал А. Мазалов, оно должно проводиться таким образом, чтобы имело определенный воспитательный характер⁶. Ведь не только прекращение уголовного дела в результате примирения, но и предупреждение совершения новых преступлений является целью мирного разрешения возникшего спора.

Справедливо отмечено, что поскольку государство не применяет к преступникам меры уголовно-правового воздействия, то вправе ожидать от них правомерного постпреступного поведения, прекращения противоправной деятельности, иначе функционирование института примирения сторон становится просто бессмысленным⁷. Принято полагать, что только от обвиняемого можно ожидать нечестных действий и негативного отношения. Однако и потерпевший, движимый не только обидой, но и корыстью, способен на вымогательство в отношении обвиняемого для достижения примирения. Справедливость принятого решения о примирении будет зависеть от действительных причин его достижения. Государственному органу следует выяснить у сторон, не применялись ли незаконные способы по склонению к примирению, а именно угрозы, насилие, обман. Ведь только обоюдное решение потерпевшего и обвиняемого будет способствовать истинной цели примирения — разрешению уголовно-правового конфликта.

Нравственная составляющая примирения по уголовным делам также имеет важное значение, обеспечивающее законность достигнутого решения для разрешения конфликта. Если примирение будет достигнуто принуждением и давлением на любую из сторон, теряет смысл его социальное предназначение как для общества в целом, так и для самих участников конфликта. Примирение должно представлять собой для обвиняемого осознание и признание своей вины, раскаяние в совершенном преступлении. Для потерпевшего примирение представляет собой прощение обиды, нанесенной обвиняемым.

⁶ Мазалов А. Особенности производства по делам частного обвинения // Социалистическая законность. 1971. № 10. С. 54.

⁷ Комбарова Е.А. Примирительное производство как структурный элемент системы уголовного судопроизводства в мировых судах // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 58.

³ Назарова Н.А. Инновационный подход к регулированию уголовно-правовых отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 155.

⁴ Парфенова М.В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Законы России. 2012. № 11. С. 62.

⁵ Савченко А.Н. Право на примирение сторон уголовного судопроизводства — составная часть прав человека // Российский судья. 2007. № 3. С. 13; Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: вопросы теории и права // Новый юридический журнал. 2013. № 4. С. 50; Стерлева И.А. Защита прав потерпевшего при применении норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 233.

Наиболее социально значимым вариантом разрешения уголовно-процессуального конфликта является примирение сторон. Стоит учитывать, что стороны, движимые своими эмоциями, не всегда способны самостоятельно искать пути раз-

решения конфликта. Поэтому государство в лице своих органов должно играть направляющую, ориентирующую роль в отношении сторон, при этом не нарушая их прав и принципа диспозитивности.

Литература

1. Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: вопросы теории и права / О.Б. Виноградова // Новый юридический журнал. 2013. № 4. С. 46–53.
2. Власенко Н.А. Право и примирение / Н.А. Власенко, Т.В. Чернышова // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 91–106.
3. Комбарова Е.Л. Примирительное производство как структурный элемент системы уголовного судопроизводства в мировых судах / Е.Л. Комбарова // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 57–62.
4. Мазалов А. Особенности производства по делам частного обвинения / А. Мазалов // Социалистическая законность. 1971. № 10. С. 52–56.
5. Назарова Н.Л. Инновационный подход к регулированию уголовно-правовых отношений / Н.Л. Назарова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 155–157.
6. Парфенова М.В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон / М.В. Парфенова // Законы России. 2012. № 11. С. 60–66.
7. Перекрестов В.Н. Значение признания обвиняемым своей вины для примирения сторон / В.Н. Перекрестов // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 45–47.
8. Савченко А.Н. Право на примирение сторон уголовного судопроизводства — составная часть прав человека / А.Н. Савченко // Российский судья. 2007. № 3. С. 13–17.
9. Стерлегова И.Л. Защита прав потерпевшего при применении норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон / И.Л. Стерлегова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 233–237.

Общероссийский студенческий диспут «Трансформация исторических событий как технология ведения информационной войны»

24 апреля 2020 г. в Общественной палате Российской Федерации пройдет Общероссийский студенческий диспут «Трансформация исторических событий как технология ведения информационной войны», посвященный 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Основная цель обсуждения — определение последствий исторических трансформаций событий Великой Отечественной войны, раскрытие современных технологий искажения информации, при помощи которых оказывается воздействие на общество и, в частности, студенческую молодежь.

В рамках мероприятия будут работать следующие дискуссионные площадки:

- мультимедийные технологии в средствах массовой информации как инструмент ведения информационной войны;
- киберпространство в контексте распространения фейковой информации, место факт-чекинга в современной журналистике;
- роль интернет-каналов, телевидения, театра и кино в формировании искаженного мировоззрения;
- информационно-психологическая война и манипуляции общественным сознанием.

**По результатам студенческого диспута
в Издательской группе «Юрист» будет подготовлен сборник статей.
За более подробной информацией рекомендуем обращаться по тел.:**
8 (495)610-20-00 доб. 270, + 7(925)641-23-83,

e-mail: zikeeva@lawinst.ru

Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона

Мутасова Марина Алексеевна,

старший преподаватель кафедры
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
адвокат Тамбовской городской коллегии адвокатов
marinamutasova@gmail.com

Mutasova Marina A.

Senior Lecturer of the Department of the Institute of Law
and National Security of the Derzhavin Tambov State University
Attorney of the Tambov City Bar Association

Осокин Роман Борисович,

начальник факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
osokinr@mail.ru

Osokin Roman B.

Head of the Faculty of Training of Academic and Research Personnel
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Professor

Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством предопределяется правотворческий процесс не только по принятию уголовно-правовых запретов, определения мер ответственности за их нарушение, но и имеющих обратную силу норм, устраняющих преступность и наказуемость деяний или смягчающих наказание, а равно иным образом улучшающих положение виновного лица.

Именно принцип справедливости позволяет раскрыть социально-правовую природу института обратной силы уголовного закона. Издание уголовного закона, имеющего обратную силу вследствие улучшения любым образом положений осужденных, отражает современную политику государства, ее приоритеты и направления. Эффективность достижения целей уголовной политики зависит от того, каким

образом принятые законодателем новеллы будут реализовываться правоприменительными органами. Интерес вызывает судебная практика. В свете постоянно меняющегося законодательства при пересмотре приговоров в порядке ст. 10 УК РФ при издании уголовного закона, устраняющего или смягчающего ответственность за преступление, суды должны соблюдать принцип справедливости. Игнорирование данного принципа уголовного права может привести к нарушению прав и интересов заинтересованных лиц в каждом конкретном случае. Только строгое соблюдение принципа справедливости может обеспечить достижение целей и задач, которые стоят перед уголовным законом.

В соответствии со ст. 10 УК РФ если уголовный закон устраняет преступность деяния, смягчает наказание или иным образом улучшает положение ли-

ца, совершившего преступление, то он имеет обратную силу, а именно: распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих или отбывших наказание, но имеющих судимость. Обратной силы не имеет уголовный закон, который устанавливает преступность деяния или усиливает наказание, или иным образом ухудшает положение лиц.

Причем, если лицо за содеянное уже отбывает наказание, которое смягчает новый уголовный закон, то оно подлежит сокращению в новых пределах (ч. 2 ст. 10 УК РФ)¹.

Данная норма имеет конституционное основание. В соответствии со ст. 54 Конституции РФ обратная сила не может быть придана новому закону, который устанавливает или отягчает ответственность; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; но если же после его совершения новый закон исключил или смягчил ответственность за него, то он подлежит применению².

Статья 54 Конституции РФ согласуется с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод³ (п. 1 ст. 7) и Международным пактом о гражданских и политических правах⁴ (п. 1 ст. 15), которыми также предусмотрено, что никто не может быть осужден за какое-либо уголовное преступление на основании совершения действия или бездействия, которое не являлось уголовным преступлением согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву; не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения преступления.

В уголовно-правовой литературе есть интересные мнения по поводу рассматриваемого нами вопроса.

И.И. Карпец считал справедливым наказание, которое является законным, гуманным и индивидуализированным⁵. Н.А. Неклюдов считал, что исправление погрешности закона — это официальное признание его прежней несправедливости или недостаточности, которая поэтому не может практиковаться⁶.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 9. Ст. 1292.

² Конституция Российской Федерации 1993 г. : принята на всенародном голосовании 12 декабря // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁴ Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁵ Карпец И.И. Уголовное право и этика. М. : Юрид. лит., 1985. С. 200–210.

⁶ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб. : Рус. кн. торговля, 1875. С. 173.

Нельзя не согласиться с С.В. Калинин в том, что применять к правонарушителю наказание, которое не существовало (вид или размер) на дату совершения преступления, или привлекать к ответственности за деяние, которое на момент его совершения не признавалось законом противоправным, невозможно, так как это привело бы к нарушению принципов гуманизма, справедливости и законности уголовного права⁷.

А.Н. Барканов полагает, что обратная сила есть принцип уголовного права, который основывается на гуманизме как философско-правовом явлении, и представляет собой совокупность требований общества к государству при реализации им правотворческой и правоприменительной деятельности, направленных на обеспечение естественных прав и свобод человека и гражданина⁸.

Мы не можем разделить данную точку зрения, так как принципы уголовного права перечислены в Уголовном кодексе РФ, среди которых нет обратной силы закона.

Как указывал Конституционный Суд РФ, «характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний». Необходимость приведения уголовного законодательства в соответствие с современными социальными реалиями возникает, когда уголовно-правовые меры не соответствуют постоянно развивающимся общественным отношениям, следствием чего является либо ослабление защиты охраняемых Конституцией РФ ценностей, либо чрезмерность мер государственного принуждения.

Также Конституционный Суд РФ отметил, что основное, неотчуждаемое, конституционное право человека на судебную защиту как гарантия реализации других прав и свобод включает в себя не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством такого правосудия, которое должно отвечать требованиям справедливости.

В этих целях суды наделены полномочиями для приведения приговоров в соответствие с новым уголовным законом, который устраняет полностью или только смягчает ответственность за преступление. Осуществляться данные полномочия должны в строгом соответствии с требованиями законности,

⁷ Калинин С.В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 1 (133). С. 70.

⁸ Барканов А.Н. Обратная сила уголовного закона : автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 8–9.

обоснованности, справедливости, которые действующее законодательство во главе с Основным законом предъявляет к актам правосудия.

«Положения статьи 10 УК Российской Федерации означают, что при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом — независимо от того, в какой процессуальной стадии решается данный вопрос, — подлежат применению все установленные Уголовным кодексом Российской Федерации в редакции этого закона правила, как общие, так и специальные, в соответствии с которыми вопрос о наказании разрешается при постановлении приговора, включая правила назначения наказания ниже низшего предела, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при рецидиве преступлений. Тем самым в уголовно-правовых отношениях обеспечивается реализация принципов справедливости (преамбула Конституции Российской Федерации, статья 6 УК Российской Федерации) и равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации, статья 4 УК Российской Федерации)»⁹.

При применении положений ст. 10 УК РФ на практике у судов возникают проблемные вопросы.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» разъяснил судам, что при разрешении вопросов освобождения от наказания или о его смягчении в порядке ст. 10 УК РФ суды должны применять общие начала назначения наказания (п. 16).

При рассмотрении указанных вопросов суд ограничен тем, что свое постановление он должен основывать только на обстоятельствах, которые были установлены при назначении наказания вступившим в законную силу приговором суда, и не должен оценивать правильность применения этим судом уголовного закона (п. 17).

Учитывая, что в порядке исполнения приговора суд, в частности, рассматривает, вопросы замены, назначения или смягчения наказания, освобождения от отбывания наказания, судебный акт должен быть не только законным, обоснованным и мотивированным, но отвечать и требованию справедливости (п. 35)¹⁰.

⁹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других : постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П // Российская газета. 2006. 3 мая.

¹⁰ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Су-

да РФ, Конституционного Суда РФ, сформулированным ими по тем или иным правоотношениям в ином невыгодном для подозреваемых (обвиняемых, подсудимых, осужденных) свете¹¹.

Придание новому уголовному закону обратной силы может повлечь как улучшение положения осужденного в части смягчения наказания, так и полностью освобождение от него.

Интересным представляется случай, когда впервые был освобожден осужденный к пожизненному лишению свободы.

Масалимов был осужден приговором Томского областного суда 29 октября 1992 г. по ст. 102 п. «и» УК РСФСР к исключительной мере наказания — смертной казни за то, что он, будучи ранее судимым за умышленное убийство и отбыв наказание в феврале 1991 г., вновь совершил убийство.

Однако данный приговор не был приведен в исполнение, так как Масалимов Указом Президента РФ от 22 октября 1998 г. № 1289 Б.Н. Ельцина был помилован, и смертная казнь ему была заменена на пожизненное лишение свободы.

В дальнейшие годы в уголовном законодательстве происходили изменения. Так, в 2003 г. в ст. 105 УК РФ были внесены изменения и исключен квалифицирующий признак убийства лицом, ранее совершившим убийство. И санкция за содеянное Масалимовым перестала предусматривать наказание как в виде пожизненного лишения свободы, так и смертную казнь.

При таких обстоятельствах Президиум Вологодского областного суда 14 июня 2016 г. удовлетворил кассационную жалобу Масалимова, освободив его на основании ст. 10 УК РФ от дальнейшего отбывания наказания в связи с принятием закона, улучшающего положение осужденного¹².

Таким образом, на основании изучения действующего законодательства, мнений ученых, позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ мы приходим к следующим выводам.

Институт обратной силы уголовного закона обусловлен основополагающими началами уголовного права, в частности принципом справедливости.

Принцип справедливости в полном объеме реализуется в нормативных положениях о невозможно-

да РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // Российская газета. 2011. 30 декабря.

¹¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // Российская газета. 2014. 24 декабря.

¹² Пресс-служба Вологодского областного суда // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep (дата обращения: 25.11.2019).

сти применения мер уголовно-правовой ответственности за прошлые события и действия, которые актуальное на тот момент законодательство не признавало преступными. Соответственно, также можно признать справедливым придание обратной силы новому уголовному закону, если он устраняет или смягчает ответственность за совершенное преступление.

Согласно действующему законодательству, включая Конституцию РФ, УПК РФ, УК РФ, а также позициям Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, можно рекомендовать судам при рассмотрении материалов, касающихся приведения приговоров в соответствие с новым уголовным законом,

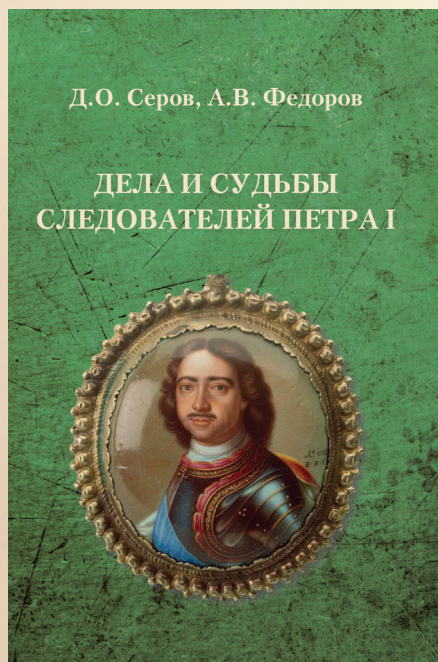
имеющим обратную силу, руководствоваться общими правилами назначения наказания с учетом реализации принципа справедливости.

Придание обратной силы более строгому уголовному закону нарушало бы не только принцип справедливости, но и противоречило бы другим принципам уголовного права: вины, законности и гуманизма. Принцип справедливости вместе с принципом гуманизма являются не только социальными ориентирами для проводимой государством уголовно-правовой политики и судебной практики, но и сдерживающими факторами для того, чтобы законодательные меры не стали чрезвычайно строгими, а цель наказания не была карательной.

Литература

1. Барканов А.Н. Обратная сила уголовного закона : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Н. Барканов. Саратов, 2000. 22 с.
2. Калинин С.В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности / С.В. Калинин // Журнал российского права. 2008. № 1 (133). С. 70–75.
3. Карпец И.И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. Москва : Юридическая литература, 1985. 256 с.
4. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект) / Н.А. Неклюдов. Санкт-Петербург : Русская книжная торговля, 1875. 200 с.

Вышла в свет книга авторов А.В. Федорова и Д.О. Серова «Дела и судьбы следователей Петра I»

В монографии представлены очерки о лицах, занимавшихся предварительным следствием в России первой четверти XVIII в. На основе преимущественно архивных документов впервые системно освещены обстоятельства служебных карьер следователей Петра I и подробности расследовавшихся ими резонансных уголовных дел. Особое внимание уделено обзору биографий следователей «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.

С полным текстом книги можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист»: <http://lawinfo.ru/book/2019/>

Для приобретения печатной версии просим обращаться в отдел по работе с авторами по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по адресу электронной почты: ab@lawinfo.ru

Гражданско-правовая ответственность за нарушения сделок в электронной форме в Германии

Кусаева Альвина Рамазан кызы,
аспирант Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
(Финуниверситет), Financial University
akusayeva@mail.ru

Kusaeva Alvina R. kyzy
Postgraduate Student of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
(Financial University)

Германское гражданское право является образцом для развития отечественного гражданского права. Современные реформы гражданского права в России во многом опираются на опыт германского права. Кроме того, Германия была одним из первых государств в Европе и вторым в мире, где был принят Закон об электронной подписи.

Сделки с использованием электронных технологий в Германии по-прежнему на подъеме. Более 50 млн немцев предпочитают приобрести товары и услуги в режиме онлайн¹. По последним данным Ассоциации немецкой интернет-индустрии ЕСО², годовой оборот Е-бизнеса в Германии составляет около 21,4 млрд евро. При ожидаемом годовом росте оборота более чем на 10% прогнозы продаж путем электронной коммерции в течение следующих двух лет оцениваются в 28,4 млрд евро в год.

Под понятием «электронная коммерция» уже давно понимается не только простая продажа товаров через Интернет (классическая реализация товаров через торговые площадки), но и многие другие области деятельности, такие как предоставление услуг, электронное здравоохранение (*e-health*), возможность связи автомобилей с Интернетом (*car connectivity*), разработка и предоставление программного обеспечения и мобильных приложений. Эти сферы услуг также подпадают под действие существующих законов об электронной коммерции.

¹ Ивонн Бахман. Е-коммерция. Как продать в этой стране. URL: <https://blog.prisync.com/ru/selling-in-german-ecommerce/> (дата обращения: 10.12.2019).

² Verband der Internetwirtschaft. URL: www.eco.de (дата обращения: 10.12.2019).

Немецкие правила электронных сделок, которые находятся не только в Гражданском уложении (*Bürgerliches Gesetzbuch, BGB*³, § 312b и след. BGB), но и в ряде других законов (например, в Законе о борьбе с недобросовестной конкуренцией (*Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb, UWG*⁴), в Законе о технических средствах коммуникации (*Telemediengesetz, TMG*⁵) и в Вводном законе к Гражданскому уложению (*Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuch, EGBGB*⁶)), основаны в значительной степени на европейских нормах. По этой причине гармонизация правил на уровне ЕС имеет первостепенное значение для немецких правил электронной коммерции. К европейским нормам относятся, в частности, следующие директивы ЕС, которые были реализованы в немецком праве: Директива 97/7/ЕС от 20 мая 1997 г. о защите прав потребителей в отношении договоров, заключаемых дистанционным путем, и Директива 2002/65/ЕС от 23 сентября 2002 г. о дистанционных финансовых услугах для потребителей⁷.

В то время как в прошлом многие директивы ЕС предписывали лишь минимальное согласование (*Mindestharmonisierung*) положений государств-чле-

³ Bürgerliches Gesetzbuch. URL: www.gesetzeim-internet.de/bgb/index.html (дата обращения: 10.12.2019); Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/

⁴ Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG).

⁵ Gesetz über das Technische Hilfswerk (THW-Gesetz — THWG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/thw-helfrg/BjNR001180990.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁶ Текст на немецком и английском языках: URL: www.gesetze-im-internet.de/bgbeg/index.html (дата обращения: 10.12.2019).
⁷ Директива 2002/65/ЕС от 23 сентября 2002 г. о дистанционных финансовых услугах для потребителей. URL: <http://base.garant.ru/2568233/> (дата обращения: 10.12.2019).

нов, некоторые новые директивы ЕС предписывают полное согласование (*Vollharmonisierung*). По этой причине 13 июня 2014 г.⁸ вступили в силу новые немецкие правила электронной коммерции, которые реализуют Европейскую директиву прав потребителей (Директива 2011/83/ЕС⁹). Целью Директивы является достижение полной гармонизации законодательства в государствах — членах ЕС и повышение уровня защиты прав потребителей. Правила, входящие в эту директиву, теперь одинаковы во всех государствах — членах ЕС. В прошлом возможные различия (например, в отношении периода права отмены договора *Widerrufsfrist*) теперь не существуют. Новые правила электронной коммерции, основанные на Директиве 2011/83/ЕС, включают в себя, в частности, следующие положения:

- область применения правил о дистанционной продаже теперь ограничена договорами о платных услугах или продажах товара (*entgeltliche Leistungen*);
- введены новые специальные правила для цифрового контента (*digitale Inhalte*);
- расширена защита потребителей от скрытых затрат (*versteckte Kosten*);
- теперь потребитель может заявить об отмене договора и по телефону;
- введены новые правила, касающиеся обязанности предоставлять определенную информацию.

Многие другие вопросы и проблемные области, такие как обязанности о предоставлении информации, которые следуют из других директив (например, Директива об электронной коммерции (Директива 2000/31/ЕС¹⁰) или Директива об услугах на внутреннем рынке (Директива 2006/123/ЕС)), не согласованы в полной мере. Данные правила электронной коммерции, следовательно, в различных странах ЕС не являются идентичными, хотя они — из-за принципа минимальной гармонизации — очень похожи.

Правила дистанционных продаж и оказания услуг (*Fernsatzvorschriften*) теперь применяются только для таких договоров с потребителями, которые регулируют платные услуги или продажу товаров. В предыдущей версии закона это не было прописано в такой отчетливой форме и, следовательно, приводило к несправедливым результатам в офертах по электронной коммерции, которые не предусматривают оплаты услуг или товаров потребителем.

Правила дистанционных продаж и оказания услуг применяются при следующих условиях:

- платные услуги или продажа товара (некоторые обязанности о предоставлении информации существуют даже при безвозмездных услугах);
- деловые отношения между предпринимателем и потребителем (*B2C*);
- исключительное использование дистанционного средства связи при заключении договора;
- заключение договора в рамках схемы по организованной дистанционной продаже;
- отсутствие исключений (например, договоры о поставке продуктов питания).

Что касается цифрового контента, введены совершенно новые особые требования к обязанностям о предоставлении информации о цифровом контенте (например, для программного обеспечения, мобильных приложений и электронных книг). Предприниматель должен теперь предоставить сведения о принципе действия цифрового контента, в том числе о соответствующих мерах технической защиты. Кроме того, потребитель должен быть проинформирован о том, каким образом использование предоставленного контента может быть отслежено (*tracking*) и есть ли ограничения в совместимости цифрового контента.

Некоторым изменениям подверглась обязанность по предоставлению информации. По новым правилам предприниматель должен предоставить потребителю информацию об обязательном сроке поставки (*verbindlicher Liefertermin*). На данный момент остается неясным, должна ли быть на самом деле указана точная дата или достаточно указать промежуток времени.

Также введены некоторые новые правила для защиты потребителей от скрытых затрат (*versteckte Kosten*)¹¹. При подписке или абонементе предприниматель обязан указать полную стоимость услуг по договору или, если полная стоимость не может быть подсчитана на момент заключения договора, по крайней мере способ расчета цены. Кроме того, без специального недвусмысленного соглашения предприниматель не имеет права потребовать оплаты дополнительных услуг, которые выходят за пределы оплаты основных услуг (например, дополнительные сборы за обработку заказа, пошлины за отмену заказа или дополнительное страхование товара). В этом контексте потребителю должен быть предложен по крайней мере один способ оплаты без дополнительных затрат. Помимо этого, потребителю должна быть предоставлена возможность бесплатной сервисной службы по вопросам о договоре (т.е. без сборов, выходящих за рамки оплаты обычного телефонного звонка). Но «горячая линия», через которую предоставляется только общая информация о товарах или услугах, не подпадает под это правило.

⁸ Gesetz zur Umsetzung der Verbraucherrechtlichlinie und zur Änderung des Gesetzes zur Regelung der Wohnungsvermittlung. URL: <http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP17/500/50037.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁹ Директива 2011/83/ЕС от 25 октября 2011 г. о правах потребителей // СПС «Гарант».

¹⁰ Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, о электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)» // СПС «Гарант».

¹¹ Bürgerliches Gesetzbuch § 312a BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_312a.html

Новым правилом является то, что определенная информация должна быть указана непосредственно перед нажатием кнопки заказа. Такой информацией является: основные свойства товара или услуг; общая цена со всеми налогами, пошлинами и затратами на доставку или указанием, что некоторые расходы могут быть добавлены; при договорах на основе подписки общие ежемесячные расходы, срок действия договора и условия прекращения постоянных и автоматически продлевающихся договоров; минимальный срок контракта. Между требуемой информацией и кнопкой заказа не должны находиться никакие другие элементы оформления.

В соответствии с бывшей правовой ситуацией, чтобы реализовать право на отмену договора, в принципе было достаточно, если потребитель не принял заказанный товар или отсылал его обратно без каких-либо комментариев. Но по новым правилам необходимо недвусмысленное заявление потребителя об отмене договора. Для этого потребитель может использовать новый официальный формуляр отмены, содержащийся в приложении к ст. 246а Вводного закона к Гражданскому уложению (EGBGB), но также имеет возможность отменить договор по телефону. Это новое правило значительно усложняет работу предпринимателя, так как предусматривает документационную деятельность с его стороны. Кроме того, опять изменен официальный образец информации, которая должна быть предоставлена потребителю в связи с его правом на отмену контракта (Widerrufsbelehrung).

Новинкой является возможность наложения стоимости возврата товара на потребителя (независимо от стоимости данного товара) и об отмене «вечного права на отмену» при неправильном предоставлении информации об отмене. Право отмены теперь истекает после 12 месяцев и 14 дней после получения товаров или услуг по договору.

В случае отзыва договора предприниматель теперь имеет право удержания по отношению к покупной цене (Zurückbehaltungsrecht). Это означает, что до тех пор, пока потребитель не может доказать возвращение товара (например, почтовой квитанцией), предприниматель может отказать в возмещении покупной цены.

Правонарушения. Остаются вопросы: должны ли вышеназванные положения быть выполнены на все 100%? Кто является адресатом этого законодательства? И каковы возможные правовые последствия нарушений?

Если предприниматели базируются в Германии, то немецкий закон полностью применим. Предложение товаров и услуг посредством электронной коммерции должно соответствовать всем правилам (в частности, но не только, положениям Гражданского уложения (BGB), Вводного закона к Гражданскому уложению (EGBGB), Закона о борьбе с не-

добросовестной конкуренцией (UWG) и Закона о технических средствах коммуникации (TMG)).

В случае предпринимателей из других стран ЕС возникает вопрос о применимости принципа страны происхождения (*Herkunftslandprinzip*), т.е. вопрос, достаточно ли, если деятельность предпринимателя соответствует законам об электронной коммерции своей страны, а не немецким нормативным актам.

В целом общего принципа страны происхождения, который применяется ко всем отраслям права (т.е. в рамках Гражданского уложения, Закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией и Закона о технических средствах коммуникации), не существует. Тем не менее есть отдельно идентифицируемые сферы права, которые предоставляют некоторые привилегии в связи с этим принципом. Они включают в себя, например:

Е-бизнес, при условии, что он подпадает под действие Директивы об электронной коммерции (2000/31/ЕС)¹²; § 3 пункт 2 TMG.

Рекламу в аудиовизуальных средствах коммуникации, которые подпадают под действие Директивы 2010/13/ЕС (Директива о аудиовизуальных СМИ)¹³.

Что касается других правовых условий: тот, кто предоставляет услуги путем электронной коммерции, которые направлены на немецкий рынок, также подпадает под действие положений немецкого права (так называемый принцип места (*Marktortprinzip*) и требования второго Римского регламента (*Rom-II-Verordnung*)). Определение факта целевого направления на немецкий рынок признается в случае затрагивания конкурентных отношений или коллективных интересов потребителей на территории Германии.

Поэтому вполне возможно, что предприниматели из других стран ЕС должны также соблюдать немецкие правовые нормы электронной коммерции. Благодаря прогрессирующей полной, или по крайней мере минимальной, гармонизации правового пространства ЕС на практике актуальность этой проблемы продолжает уменьшаться.

Для предпринимателей, которые находятся вне ЕС, принцип страны происхождения не работает. Это значит, что такие предприниматели подпадают под все положения немецкого права, если они направляют свою деятельность на немецкий рынок.

При принятии своих решений предпринимателю в первую очередь необходимо взвесить риски суще-

¹² Amtsblatt der Europäischen Gemeinschaften. URL: eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:178:0001:0016:DE:PDF (дата обращения: 08.12.2019).

¹³ Köhler in Köhler/Bornkamm, UWG, 33. Aufl. 2015, Einleitung, Rn. 5.5. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Fbauhefkowettbewr_37%2Fuwg%2Fcont%2Fbauhefkowettbewr.uwg.p5.htm

ственных правовых последствий в случае нарушения немецких правил электронной коммерции.

Преследование возможных нарушений в принципе может последовать с разных сторон.

Со стороны потребителя: риск, что отдельные потребители будут преследовать возможные нарушения, что приведет к неприятным правовым последствиям, является относительно небольшим. На практике потребители довольно редко сами борются с нарушениями правил электронной коммерции. Это имеет две причины.

Во-первых, немецкие законы предоставляют отдельным потребителям относительно мало прав. Например, один из самых важных законов, Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией (*UWG*) не предоставляет права подачи прямого иска для потребителей¹⁴.

Во-вторых, для рядового потребителя психологический и материальный порог для собственного преследования нарушений (особенно в судебном порядке) довольно высок из-за высоких расходов и возможности бесплатного подключения организаций по защите прав потребителей. В большинстве случаев типичный потребитель обратится в местную организацию по защите прав потребителей для решения вопроса с помощью ее сотрудников. Поэтому прямые действия и иски потребителей к предпринимателям по поводу нарушения правил электронной коммерции встречаются довольно редко.

В отличие от индивидуального потребителя организации по защите прав потребителей и прочие индивидуальные ассоциации защиты коммерческих или профессиональных интересов в Германии оснащены прямыми правами для преследования нарушений (например, в § 8 *UWG*). Такие организации и ассоциации очень активны в Германии. Так, например, Центральный офис по борьбе с недобросовестной конкуренцией (*Zentrale zur Bekämpfung unlauteren Wettbewerbs e.V.*) обработал в 2013 г. около 13 000 прецедентов и подал более 700 судебных исков¹⁵.

В отличие от организаций по защите прав потребителей и других ассоциаций, которые, как правило, могут востребовать у предпринимателя только возмещение собственных расходов на преследование нарушений (например, для Центра защиты от недобросовестной конкуренции в настоящее время это составляет 230 евро без НДС¹⁶), конкурент может

в случае законного преследования востребовать и расходы на специализированных юристов, которым он поручил вести преследование нарушения. То есть предприниматель, нарушающий правила электронной коммерции, будет обязан не только возместить ущерб конкуренту, но и оплатить его адвокатов.

Для того, чтобы подвести итог этой немецкой особенности: немецкие предприниматели, которые уже находятся на рынке электронной коммерции, очень бдительны. В случае прихода нового участника рынка способ предоставления его услуг, как правило, очень тщательно изучается уже имеющимися предпринимателями на предмет возможного нарушения правил электронной коммерции. В случае установления нарушений немецкие предприниматели не медлят с их преследованием. Поэтому в Германии существует в некотором роде саморегулирующийся рынок, на котором предприниматели сами проверяют конкурентов на предмет нарушения законов.

В заключение можно сказать, что электронная коммерция в Германии находится на подъеме. Существует очень много правовых норм, на которые предпринимателям необходимо обратить внимание. При этом эти положения становятся все более понятными и простыми.

В частности, прогрессивная гармонизация законодательства ЕС приносит долгожданную синхронизацию между различными юрисдикциями. Международные операции по электронной коммерции становятся все проще и эффективнее (по крайней мере, в пределах ЕС). Для достижения этой цели ЕС хочет в будущем внести дополнительные изменения в правовой режим и добиться еще более широкой стандартизации национального права стран — членов ЕС.

Следует отметить, что немецкой особенностью, о которой мало известно во многих других странах, является тот факт, что конкуренты имеют право преследовать нарушения правил электронной коммерции предпринимателем. В частности, у конкурентов есть право потребовать предоставления информации о нарушении, право на возмещение ущерба и право требования прекратить действия, приводящие к нарушению правил электронной коммерции. Эти права конкурентов подразумевают/предполагают нарушение какого-либо положения закона, которое предназначено для регулирования поведения на рынке в интересах участников рынка. Речь идет о таких правилах, которые, по крайней мере, обеспечивают защиту других участников рынка (например, конкурентов или потребителей).

FBauHefKoWettbewerR_38%2Fcont%2FBauHefKoWettbewerR.Inhaltsverzeichnis.htm

¹⁴ Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). § 8 UWG. URL www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/_8.html (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁵ Wettbewerbszentrale. URL: www.wettbewerbszentrale.de/media/getlivedoc.aspx?id=33610 (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁶ Köhler in Köhler/Bornkamm, UWG, 33. Aufl. 2015, § 12 Rn. 1.98. URL: <https://beck-online.beck.de/?vpath=bibdata%2Fkomm%2>

Литература

1. Бахман И. Е-коммерция. Как продать в этой стране / И. Бахман. URL: <https://blog.prisync.com/ru/selling-in-german-ecommerce/> (дата обращения: 10.12.2019).

Принцип добросовестности в практике английских судов

Чесни Гэвин,
международный советник
международной юридической фирмы
Debevoise & Plimpton LLP
avtor@lawinfo.ru

Chesney Gavin
International Counsellor of the International
Law Company Debevoise & Plimpton LLP

Мовшович Михаил Григорьевич,
старший юрист международной юридической фирмы
Debevoise & Plimpton LLP
mgmovshovich@debevoise.com

Movshovich Mikhail G.
Senior Lawyer of the International Law Company
Debevoise & Plimpton LLP

Лоу Чарлз,
юрист международной юридической фирмы
Debevoise & Plimpton LLP
avtor@lawinfo.ru

Low Charles
Lawyer of the International Law Company Debevoise & Plimpton LLP

1. Введение

В своем решении по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* Высокий суд Англии отметил, что «нет ничего нового или чужеродного английскому праву в признании подразумеваемой

обязанности вести себя добросовестно при исполнении договоров»¹.

¹ Решение по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), пар. 146. URL: https://www.trans-lex.org/382600/_/yam-seng-pte-limited-v-international-trade-corporation-limited-01st-february-2013-%5B2013%5D-ewhc-111/

Тем не менее в английском праве по-прежнему отсутствует общий принцип добросовестности². Обязанность действовать добросовестно предполагается только в рамках некоторых правоотношений, таких как:

— трудовые, партнерские или фидуциарные отношения³;

— отношения между сторонами «отношенческих договоров» (*relational contracts*), т.е. договоров, предполагающих высокую степень сотрудничества и ожидание предсказуемого поведения сторон, основанного на взаимном доверии⁴;

— отношения, связанные с реализацией дискреционных полномочий по договору⁵ («принцип *Braganza*»);

— в тех случаях, когда это предусмотрено законом, например Законом о защите прав потребителей 2015 г.⁶

Сдержанный подход английских судов к восприятию общей идеи добросовестности исторически объясняется основополагающим принципом свободы договора, который предполагает право сторон отстаивать свои собственные интересы, а также опасением того, что содержание принципа добросовестности будет размытым и субъективным, что, в свою очередь, может привести к различному толкованию одних и тех же положений договора и, как следствие, к правовой неопределенности. Такой подход английских судов противоположен подходу, принятому во многих странах континентальной системы права⁷.

Тем не менее после дела *Yam Seng* в практике английских судов произошли существенные измене-

ния, повлекшие за собой расширение принципа подразумеваемой добросовестности (*implied duty of good faith*).

Среди различных видов договоров, к которым может применяться принцип подразумеваемой добросовестности, в настоящей статье особое внимание уделено принципу добросовестности в рамках отношенческих договоров и принципу *Braganza*, поскольку они имеют наибольшее значение для коммерческих договоров. В статье рассмотрены некоторые проблемы, возникающие в связи с последними изменениями в судебной практике, а также содержатся рекомендации, которых следует придерживаться при заключении и исполнении договоров.

2. Отношенческие договоры

Многие договоры, такие как франчайзинговые, дистрибьюторские соглашения и договоры о создании совместного предприятия, заключаются на длительный срок и часто требуют от сторон тесного взаимодействия. Как и в деле *Kent*, которое рассмотрено ниже, высокая степень взаимодействия и сотрудничества, а также ожидание предсказуемого поведения сторон по договору на основе взаимного доверия, которые предполагаются в рамках данных договоров, привели к тому, что английские суды с большей готовностью стали применять принцип подразумеваемой добросовестности. Подобные коммерческие договоры относятся к отношенческим договорам (*relational contracts*)⁸.

*Дело Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nehayan v Ionnis Kent*⁹

Шейх (истец) и г-н Кент (ответчик) заключили договор о совместном предприятии с целью создания и развития сети отелей класса «люкс». Деятельность СП не привела к желаемым результатам, и отношения между участниками СП быстро испортились. В итоге стороны договорились о разделе бизнеса и выдаче векселя. Когда истец попытался привести в исполнение согласованные условия о разделе бизнеса, ответчик стал возражать. Суд согласился с доводом ответчика, что исходный договор о создании совместного предприятия представлял собой отношенческий договор, который предполагал принцип добросовестности. Суд также установил, что данный принцип был нарушен в результате действий представителей истца в ходе переговоров о разделе бизнеса, поскольку они тайно вступили в параллельные переговоры с третьим лицом о продаже доли истца в совместном предприятии и оказывали неправомерное давление на ответчика (включая

² Решение по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), пар. 122.

³ Фидуциарные отношения представляют собой правоотношения, основанные на доверии и возникающие на основании английского общего права (*common law*), при которых одна сторона (фидуциар) должна действовать в интересах другой стороны (бенефициара), например, при предоставлении консультаций бенефициару или совершении действий от его имени. Такие отношения, в частности, возникают между доверительным управляющим и бенефициаром, принципалом и агентом или адвокатом и клиентом.

⁴ Решение по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), пар. 142.

⁵ Под дискреционными полномочиями понимаются полномочия или права, которые осуществляются стороной по собственному усмотрению.

⁶ В ст. 62(4) Закона о защите прав потребителей указано, что условие является «несправедливым», если «в нарушение требования о добросовестности оно ведет к существенному дисбалансу прав и обязанностей сторон по контракту в ущерб интересам потребителя».

⁷ Так, например, в ст. 1 Гражданского кодекса РФ в качестве основополагающего принципа прямо предусмотрено, что при установлении, осуществлении и защите своих прав стороны должны действовать добросовестно и никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, добросовестное поведение стороны означает поведение, ожидаемое от любого участника гражданских правоотношений, учитывающее права и законные интересы другой стороны, содействующее ей, в том числе в получении необходимой информации.

⁸ Решение по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), пар. 142.

⁹ Дело *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nehayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2018/333.html>

шантаж)¹⁰, чтобы заставить его заключить сделку. В силу этого суд отказал в удовлетворении требований истца об оплате векселя и принудительном исполнении соглашения о разделе бизнеса.

Помимо стандартного требования о том, что в договоре не должно быть положений, которые бы препятствовали применению принципа подразумеваемой добросовестности, суд в деле *Kent* пришел к выводу, что следующие обстоятельства имеют также существенное значение для отнесения того или иного договора к отношенческому¹¹:

— стороны принимают на себя обязательства по сотрудничеству друг с другом, как правило, в рамках долгосрочных отношений;¹²

— отношения требуют высокой степени взаимодействия и сотрудничества, а также предсказуемого поведения сторон на основе взаимного доверия и лояльности, что не может быть исчерпывающим образом закреплено сторонами в письменной форме, но тем не менее подразумевается исходя из понимания сторонами сути своей совместной деятельности;

— отношения предполагали большую степень взаимного доверия и открытости, чем в случае обычной коммерческой сделки, заключаемой на рыночных условиях между независимыми субъектами.

По мнению суда, указанные выше обстоятельства имелись в рамках совместного предприятия шейха и г-на Кента, которое было основано на личной дружбе, и обе стороны были готовы вести дела друг с другом на неформальной основе, исходя из «взаимной уверенности в том, что они будут добросовестно реализовывать свой общий проект»¹³.

Из решения по делу *Kent* следует, что квалификация договора в качестве отношенческого всегда будет зависеть от конкретных обстоятельств. При этом существует большая доля вероятности отнесения к числу таких договоров, например, соглашений о создании совместного предприятия, акционерных соглашений, договоров купли-продажи акций с длительным периодом подготовки к закрытию сделки и установлением обширных обязательств сторон на этот период, франчайзинговых договоров и долгосрочных дистрибьюторских договоров. Представляется, что суды склонны придавать особый вес отношениям, основанным на взаимном доверии сторон. Доверие может проявляться в том

числе в решении сторон об отсутствии необходимости закрепления в письменной форме всех условий своих правоотношений.

Концепция отношенческих договоров также была недавно рассмотрена Высоким судом Англии в деле *Bates*.

Дело *Bates v Post Office Ltd*¹⁴

Руководители почтовых отделений (**руководители ПО**), управляющие почтовыми отделениями по всей Великобритании, обратились в суд с иском к Почте Великобритании. Руководители ПО представляли отчеты о своей деятельности и полученных доходах Почте Великобритании и несли ответственность за любые убытки, причиненные по неосторожности ими и их работниками. В 2000 г. Почта Великобритании внедрила новую систему бухгалтерского учета «Горизонт», которая в том числе выявляла несоответствия в сведениях о доходах, подаваемых Почте Великобритании. На основании данных, полученных из системы «Горизонт», Почта Великобритании автоматически без дополнительной проверки налагала штрафы и инициировала возбуждение уголовных дел в отношении руководителей ПО, предположительно виновных в допущенных нарушениях. Руководители ПО утверждали, что в системе «Горизонт» происходили сбои, и в любом случае они были вправе рассчитывать на добросовестность со стороны Почты Великобритании при рассмотрении и предъявлении требований к руководителям ПО в связи с возможными нарушениями.

Суд в деле *Bates* установил, что договоры между руководителями ПО и Почтой Великобритании являлись отношенческими, но данный вывод был сделан исходя из совершенно иных обстоятельств, чем в деле *Kent*. Среди таких обстоятельств суд, в частности, отметил¹⁵:

— оказание государственных услуг через почтовые отделения, что предполагало элемент доверия между руководителями ПО, Почтой Великобритании и гражданами;

— право руководителей ПО на получение ряда трудовых (социальных) льгот и привилегий;

— требование закона о наличии отделений Почты Великобритании по всей Великобритании даже в тех местах, где в обычных условиях это могло быть признано коммерчески нецелесообразным;

— значительные вложения руководителей ПО в том числе в приобретение или аренду помещений для размещения отделений Почты Великобритании.

Некоторые ученые и практикующие юристы выражают определенное беспокойство в связи с тем, что главным общим условием для признания догово-

¹⁰ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nehayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 227.

¹¹ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nehayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 167.

¹² Как отмечено в решении по делу *Alan Bates and Others v Post Office Limited* [2019] EWHC 606 (QB) (пар. 732), предусмотренное договором право стороны расторгнуть договор, уведомив об этом другую сторону, в целом не противоречит выводу о намерении сторон установить долгосрочные отношения.

¹³ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nehayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 173.

¹⁴ Дело *Alan Bates and Others v Post Office Limited* [2019] EWHC 606 (QB). URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2019/12/bates-v-post-office-judgment.pdf>

¹⁵ Решение по делу *Alan Bates and Others v Post Office Limited* [2019] EWHC 606 (QB), пар. 728.

ров отношенческими как в деле *Bates*, так и в деле *Kent* являлись долгосрочные отношения сторон. В отличие от *Kent* в деле *Bates* не было отношений, основанных на дружбе, или иных аналогичных отношений, которые бы могли обосновать вывод о наличии отношенческого договора. Сотрудничество сторон осуществлялось на рыночных условиях, и их отношения были подробно урегулированы договором¹⁶. Эти обстоятельства привели к возникновению опасений, что одного лишь ожидания долгосрочных отношений по договору достаточно для обоснования наличия отношенческого договора.

Тем не менее такой подход представляется спорным. Во-первых, дело *Bates* является исключением, поскольку оно касается оказания государственно значимой услуги населению. Во-вторых, в отношениях между руководителями ПО и Почтой Великобритании имеются обстоятельства, характерные для трудовых отношений между работником и работодателем. Это определяет исключительность дела *Bates* ввиду особых фактических обстоятельств. Кроме того, принцип подразумеваемой добросовестности в данном случае может быть интерпретирован как принцип, основанный на трудовых отношениях или на иных отношениях, более близких, чем отношения, возникающие в рамках обычной хозяйственной деятельности. Таким образом, представляется, что дело *Bates* не следует рассматривать в качестве существенного расширения концепции отношенческих договоров по сравнению с тем, как это было установлено в деле *Kent*.

Принцип подразумеваемой добросовестности в отношенческих договорах

В случае выявления отношенческого договора определяется содержание принципа подразумеваемой добросовестности. В данном вопросе нет полной определенности, и на практике все зависит от конкретных обстоятельств. Данный принцип, как правило, применяется взаимно ко всем сторонам отношенческого договора.

По общему правилу принцип подразумеваемой добросовестности представляет собой обязанность воздерживаться от поведения, которое могло бы считаться «*коммерчески неприемлемым для разумных и честных людей*»¹⁷. Это означает, что в рамках отношенческих договоров от сторон ожидается больше, чем просто воздерживаться от откровенно бесчестного поведения или обмана¹⁸. При этом не требуется, чтобы поведение стороны соответствовало высоким стандартам, ожидаемым в рамках фидуциарных отношений, т.е. интересы другой стороны не должны

иметь приоритет перед собственными интересами¹⁹. С практической точки зрения это предполагает, что стороны должны осуществлять свои полномочия добросовестно и открыто в тех целях, в которых они были им предоставлены. В то же время они не должны совершать каких-либо действий, подрывающих доверие между сторонами, и в частности не должны злоупотреблять своим положением в ущерб интересам других сторон²⁰.

В качестве примера в деле *Kent* принцип подразумеваемой добросовестности был нарушен, когда шейх преднамеренно сокрыл факт проведения параллельных переговоров с третьим лицом, что противоречило интересам г-на Кента²¹. При этом сторонам отношенческого договора не запрещается отстаивать свои собственные интересы при условии, что они делают это открыто и честно. Так, в деле *Kent* вопрос был не в том, что шейх вступил в переговоры с третьими лицами в своих собственных интересах, а в том, что он преднамеренно сокрыл данный факт от своего партнера по бизнесу.

В этой связи при заключении и исполнении договора необходимо учитывать следующие рекомендации:

— применение принципа подразумеваемой добросовестности менее вероятно к тем договорам, которые заключаются на рыночных условиях между независимыми субъектами и подробно регулируют их взаимоотношения;

— хотя в договоре возможно прямо исключить применение данного принципа, вряд ли это будет коммерчески приемлемо для сторон на практике; как вариант можно исключить любые «подразумеваемые обязанности» (*implied duties*) в разделе «Исчерпывающий характер договора» (*Entire Agreement*);

— обязанность действовать добросовестно может быть прямо предусмотрена договором, даже если она не следует из закона, но ее содержание должно быть максимально четко определено; слишком широкие и расплывчатые формулировки разрушают правовую определенность достигнутых договоренностей, особенно если договор предусматривает просто общую обязанность сторон «*действовать добросовестно*» или «*действовать коммерчески разумно*»;

— учитывая основополагающий принцип свободы договора, английские суды крайне неохотно выносят решения об отмене или ограничении прав и обязанностей сторон лишь на основании принципа подразумеваемой добросовестности даже при наличии очевидного дисбаланса интересов сторон, если такие права и обязанности четко прописаны в договоре.

¹⁶ Решение по делу *Alan Bates and Others v Post Office Limited* [2019] EWHC 606 (QB), пар. 66.

¹⁷ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nahayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 175.

¹⁸ Решение по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB), пар. 139.

¹⁹ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nahayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 167.

²⁰ Решение по делу *Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Sakhboot Al Nahayan v Ionnis Kent* [2018] EWHC 333 (Comm), пар. 176.

²¹ Там же.

4. Принцип *Braganza*

В 2015 г. Верховный суд Англии в деле *Braganza v BP Shipping*²² установил недопустимость осуществления дискреционных полномочий по договору произвольным, непредсказуемым или нерациональным образом²³ (принцип *Braganza*).

Применение данного принципа ограничивается не только отношенческими договорами. Как правило, он применяется в тех случаях, когда у стороны имеются дискреционные полномочия, затрагивающие права и интересы обеих сторон, т.е., иными словами, при наличии «*явного конфликта интересов*»²⁴. Данный принцип с большей вероятностью будет подлежать применению в случаях, когда характер договорных отношений предполагает неравенство переговорных позиций²⁵ или когда отношения между сторонами основаны не на рыночных условиях или договор является отношенческим²⁶. Тем не менее стороны вправе исключить применение принципа *Braganza* при осуществлении дискреционных полномочий, либо прямо определив пределы (если таковые имеются) осуществления данных полномочий, либо четко указав, что никаких пределов вообще не должно применяться²⁷. Принцип *Braganza* не затрагивает права сторон, условия осуществления которых четко сформулированы в договоре.

К принципу *Braganza* применяется такой же подход, что и при осуществлении дискреционных полномочий по закону в рамках публичного права Англии. В данном случае в центре внимания находится как сам процесс принятия решения, так и принятое решение. С точки зрения процесса сторона, которой предоставлены дискреционные полномочия, должна убедиться, что надлежащим образом были учтены все соответствующие обстоятельства и исключены обстоятельства, не имеющие отношения к делу. С точки зрения принятого решения сторона не обязательно должна прийти к какому-либо определенному решению, поскольку заведомо «правильного ответа» не существует в принципе, однако такое решение должно быть одним из тех, которые мог бы принять разумный человек, а все иные решения будут считаться неправомерными.

²² Дело *Braganza v BP Shipping Ltd and another* [2015] UKSC 17. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2015/17.html>

²³ Решение по делу *Braganza v BP Shipping Ltd and another* [2015] UKSC 17, пар. 27, 29 и 30.

²⁴ Решение по делу *Braganza v BP Shipping Ltd and another* [2015] UKSC 17, пар. 18.

²⁵ Решение по делу *Braganza v BP Shipping Ltd and another* [2015] UKSC 17, пар. 18. См. также Дело *UBS AG v Rose Capital Ventures Limited, Dr Vijay Mallya, Mrs Lalitha Mallya, Mr Sidartha Vijay Mallya* [2018] EWHC 3137 (Ch), пар. 49. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5bfb7ab52c94e075098c5bf5>

²⁶ Решение по делу *UBS AG v Rose Capital Ventures Limited and others* [2018] EWHC 3137 (Ch) (n 25), пар. 49(2)-(3) и 52.

²⁷ Решение по делу *UBS AG v Rose Capital Ventures Limited and others* [2018] EWHC 3137 (Ch) (n 25), пар. 55.

Дело *Watson and others v Watchfinder.co.uk Ltd*²⁸

Ватсон и иные истцы являлись директорами и акционерами консалтинговой фирмы, к которой обратилась компания *Watchfinder* (ответчик) с целью привлечения инвесторов. До начала оказания услуг истцы и ответчик заключили опционный договор, по которому истцам было предоставлено право на приобретение акций ответчика. В опционном договоре имелось требование о получении согласия, в соответствии с которым опцион мог быть реализован только с согласия большинства членов совета директоров ответчика²⁹. В ходе оказания услуг истцы представили ответчика нескольким потенциальным инвесторам, один из которых осуществил значительные финансовые вложения в капитал ответчика. Истцы затем попытались реализовать опцион, но ответчик им отказал на том основании, что необходимое согласие совета директоров не было получено.

На первый взгляд требование о получении согласия в деле *Watson* может показаться безусловным правом вето ответчика. Однако подобное толкование было отвергнуто судом как «*абсурдное с коммерческой точки зрения*», поскольку из фактических обстоятельств дела ясно следовало, что стороны намеревались придать опциону обязательную силу³⁰. При этом суд установил, что стороны не предполагали свободную реализацию опциона, и наличие требования о получении согласия свидетельствует о том, что стороны желали установить определенные ограничения для реализации опциона. В отсутствие прямо предусмотренных в договоре пределов или критериев для реализации дискреционных полномочий суд пришел к выводу, что такие ограничения вытекали из принципа *Braganza*.

Далее суд рассмотрел вопрос о том, каким образом должен применяться принцип *Braganza*. Суд начал с выявления цели предоставления дискреционных полномочий: зачем данное право вообще было предоставлено соответствующей стороне? В ходе толкования договора суд пришел к выводу, что дискреционные полномочия были направлены на то, чтобы истцы надлежащим образом исполнили свои обязанности по поиску новых инвесторов и тем самым «*способствовали росту, увеличению стоимости или расширению перспектив бизнеса ответчика каким-либо существенным образом*». Таким образом, дискреционное право позволяло ответчику отказать истцам в согласии на реализацию опциона в том случае, если бы истцы не смогли привлечь

²⁸ Дело *Watson and others v Watchfinder.co.uk Ltd* [2017] EWHC 1725 (Comm) // URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2017/1275.html>

²⁹ Решение по делу *Watson and others v Watchfinder.co.uk Ltd* [2017] EWHC 1725 (Comm), пар. 2.

³⁰ Суд обратил внимание на тот факт, что истцы настояли на заключении договора до оказания услуг ответчику.

инвесторов или привлекли только незначительных инвесторов.

Однако суд установил, что при принятии решения директора ответчика действовали ненадлежащим образом, поскольку совет директоров не принял обоснованного решения об осуществлении дискреционного права, вопрос о предоставлении согласия на реализацию опциона был лишь вскользь упомянут на заседании совета директоров, и совет директоров не принял во внимание факт привлечения истцами крупного инвестора. Вследствие этого суд не признал факт осуществления ответчиком своего дискреционного права отказать истцам в согласии на опцион и вместо этого вынес решение о передаче истцам акций на основании опциона.

Учитывая выводы суда по делу *Watson* и делу *Rose*, при заключении и исполнении договора, предоставляющего одной или нескольким сторонам дискреционные полномочия, необходимо учитывать следующие рекомендации:

- в случае предоставления дискреционных полномочий по договору необходимо максимально четко обозначить в договоре пределы реализации данных полномочий;

- чем конкретнее и яснее сформулированы в договоре данные пределы, тем меньше вероятность применения принципа *Braganza*;

- сторона, которая осуществляет свои дискреционные полномочия, должна принять обоснованное решение и надлежащим образом его задокументировать (например, в виде подробного протокола заседания совета директоров) с тем, чтобы показать, что были учтены все соответствующие обстоятельства и осуществлены необходимые действия;

- в договорах можно прямо исключить применение принципа *Braganza*.

5. Заключение

Получивший наибольшее распространение в странах континентального права общий принцип добросовестности в рамках договорных отношений имеет как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, принцип добросовестности направлен на ре-

ализацию предполагаемого намерения договаривающихся сторон, устранение возможных пробелов в договоре, недопущение злоупотребления правами или их своевольной реализации, восстановление баланса интересов сторон и в целом на защиту интересов более слабой стороны. С другой стороны, принцип добросовестности подрывает правовую определенность, привнося в отношения сторон некоторую степень субъективности.

В английском праве по-прежнему нет общего принципа добросовестности. Тем не менее при согласовании и исполнении договоров сторонам все же следует предельно внимательно относиться к тому, что они делают или говорят, поскольку в некоторых случаях принцип добросовестности может подразумеваться — прежде всего в рамках рассмотренных выше отношенческих договоров или при осуществлении дискреционных полномочий. Кроме того, обязанность действовать добросовестно может следовать из требований закона других стран, даже если договор регулируется английским правом, поскольку в ряде стран обязанность действовать добросовестно может применяться в качестве императивного принципа независимо от применимого права, выбранного сторонами. Стороны также могут прямо предусмотреть в своем договоре обязанность действовать добросовестно, однако на практике юридические последствия подобных положений (особенно с точки зрения фактической возможности исполнить их в принудительном порядке) представляются неоднозначными и имеют ограниченный эффект.

В целом стороны должны стремиться максимально четко отразить в договоре свои обязательства, ясно очертить границы дискреционных полномочий, а также уточнить или, наоборот, исключить подразумеваемые обязанности (*implied duties*). Как часто бывает на практике при заключении английских договоров, осторожность и внимательность на этапе подготовки договора помогает сторонам обеспечить определенность условий договора, что, в свою очередь, способствует четкому пониманию сторонами своих прав и обязанностей в течение всего срока действия договора.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram! Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства. Подписывайтесь!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Юридический язык публичных оферт, размещенных в сети Интернет *

Козлова Марина Юрьевна,
ведущий научный сотрудник Института права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
kozlova@volsu.ru

Kozlova Marina Yu.
Institute's of Law
Leading Researcher of the Volgograd State University
Associate Professor, PhD (Law)

Доступность коммуникаций в сети Интернет приводит к тому, что гражданско-правовые договоры все реже и реже заключаются посредством составления единого документа в бумажной форме, собственноручно подписанного сторонами. Договоры заключаются путем обмена электронными документами, а также с использованием специфических средств, предоставляемых сетью Интернет (например, присоединением к формуляру договора путем клика). Однако замена традиционных форм общения обменом сообщениями в электронной форме порождает ряд юридических проблем, связанных, например, со сложностью установления личности контрагента, предлагающего заключение договора, со связанностью условиями договора лица, присоединившегося к договору, в связи с фактическим незнанием его условий и рядом других.

Согласно российскому гражданскому законодательству, договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной. При этом в большинстве случаев предложение заключить договор адресовано одному или нескольким конкретным лицам. Предложение, содержащее все существенные условия договора, адресованное неопределенному кругу лиц, из содержания которого следует воля к заключению договора с любым, кто отзовется, является публичной офертой. Традиционно в качестве примера называется предложение к продаже товара, выставленного в витрине магазина¹, хотя, например, в немецком

¹ Гражданское право : учебник : в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др. ; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. Т. 2. 560 с

и английском праве такие действия не рассматриваются как публичная оферта².

Норма, устанавливающая правило относительно публичной оферты, изначально не предусматривала практически безграничные возможности сети Интернет обеспечить доступность информации неопределенному числу лиц. Как отмечает В.А. Белов, оферта, размещенная в сети Интернет, — это оферта, которая обращена ко всякому и каждому и оттого юридически связывает оферента в отношении всякого и каждого³. В то же время нельзя говорить о принципиальном изменении механизма заключения договора и несоответствии правового регулирования в связи с появлением новых технических средств доведения своей воли до неопределенного круга лиц.

Сайты организаций, предлагающих товары или услуги, часто содержат информацию, достаточную для заключения договора. Однако статус такой информации различается в зависимости от позиции и целей организации. Может иметься пометка о том, что «информация не является публичной офертой», что позволяет избежать возможных споров о цене товара (услуги), которая может измениться к момен-

² Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование : монография. М. : Проспект, 2017. 208 с. ; Шевченко Е.Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 312 с.

³ Белов В.А. Digital private law & rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере Интернета : сб. ст. / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др. ; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2018. 528 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

ту заключения договора с конкретным клиентом. Довольно часто практикуется иной подход — размещается документ, прямо именуемый как «публичная оферта», который не оставляет сомнений в том, что субъект, опубликовавший оферту, выражает волю на заключение договора на предложенных в оферте условиях, с лицом, принявшим предложение.

В этом случае лицо, которое намеревается заключить договор, казалось бы, находится в преимущественном положении по сравнению с тем, которое заключает договор путем «одного клика» и чаще всего не знаком с текстом соглашения, ведь оно имеет возможность не только прочитать текст оферты, но и предварительно изучить предполагаемого контрагента, сравнить предложения на рынке. Однако не во всех случаях такой вывод оказывается верным. Рассмотрим особенности юридического языка и возникающие правовые проблемы на примере публичных оферт, размещенных в сети Интернет и предлагающих заключение договора возмездного оказания юридических услуг.

Публичная оферта составляется субъектом, который действует в определенной сфере длительное время, постоянно заключает и исполняет однотипные договоры, поэтому ему известны те сложности, которые могут возникнуть в отношениях с клиентом (заказчиком, покупателем). В оферте, соответственно, содержатся условия, позволяющие избежать конфликтов и противоречий, в таких формулировках, которые исключают различное толкование. В то же время оференты, как правило, используют возможности включать в договор условия, изначально обеспечивающие их интересы. Структура публичной оферты повторяет структуру договора, поскольку фактически становится договором после акцепта контрагента.

Чтобы считаться офертой, предложение заключить договор должно быть достаточно определенным и содержать существенные условия договора, как минимум предмет договора. Наибольшую сложность представляет собой формулировка именно условия о предмете договора, поскольку изначально неизвестно конкретное содержание обязательства сторон. Например, если речь идет о возмездном оказании юридических услуг, то конкретную услугу необходимую для заказчика, вряд ли изначально можно описать в публичной оферте. Для преодоления этой проблемы могут применяться различные средства, в том числе языковые.

В разделе «предмет договора» обычно в самом общем виде определяется, какого рода услуга будет оказываться — например, консультационная услуга или юридическая услуга. Далее предлагается определенный механизм согласования конкретного обязательства — в оферте, как правило, используются

ссылки на интернет-сайт, а также отсылки к иным документам, которые в совокупности с офертой позволяют исчерпывающим образом определить предмет договора. Например, это перечень услуг и цена на них, тарифы и правила оказания услуг. Также вопрос определения предмета договора может решаться путем ссылок на приложения к оферте, в которых определяются различные варианты предоставления услуг. Соответственно, заказчик выбирает интересующую его услугу тем способом, который также определен в оферте, например путем направления запроса в адрес исполнителя.

Анализ оферт на заключение договоров возмездного оказания услуг показывает, что в большинстве случаев договоры заключаются по поводу устных консультаций, в том числе и по телефону, а также письменных заключений, т.е. тех услуг, которые не предполагают дальнейшего личного общения исполнителя и заказчика. Хотя есть и примеры предложения услуг судебного представительства и иных услуг, которые не исчерпываются дистанционными отношениями.

Ряд публичных оферт, предлагающих заключение договора возмездного оказания юридических услуг, содержат условия о возможности изменить условия предлагаемой оферты и приложений к ней, например преysкуранта цен и услуг⁴. Такое право, безусловно, принадлежит оференту, но следует учитывать, что при изменении условий появится и новое предложение о заключении договора. Но более того, в оферты включаются условия такого рода: «Клиент соглашается и признает, что внесение изменений в Оферту влечет за собой внесение этих изменений в заключенный и действующий Договор, и эти изменения в Договор вступают в силу одновременно с такими изменениями в Оферту»⁵. Полагаем, что такой подход не соответствует правовому регулированию договорных отношений, поскольку речь ведь идет об уже заключенном на условиях первоначальной оферты договоре и об изменениях в уже действующий договор в одностороннем порядке, что по общему правилу недопустимо.

Для публичных оферт характерны условия, составленные в интересах оферента, это условия об ограничении ответственности, подсудности споров и применимом праве.

Оференты включают условия об ограничении только своей ответственности, наиболее часто встречающимся вариантом является ограничение ответственности пределами полученного воз-

⁴ Публичная оферта (договор оферты). Утверждена Приказом Директора АНО ЦПП «Профзащита» (Приказ № 2 от 12 мая 2015 г.). URL: <https://ano-profzaschita.ru/cons-oferta> (дата обращения: 15.05.2019).

⁵ Договор об оказании юридических услуг в форме публичной оферты. URL: <https://niemands.ru/oferta> (дата обращения: 05.05.2019).

награждения. Встречаются условия об исключении обязанности возратить денежные средства, если услуга не была оказана в силу отсутствия указаний заказчика, по истечении одного года с момента поступления платежа.

В большинстве публичных оферт подсудность определяется по месту нахождения исполнителя. Если договор будет заключен с потребителем, то такое условие будет нарушать его право самостоятельно выбирать суд, в который он может обратиться в силу нарушения его прав.

В публичных офертах может определяться и применимое право, причем это может быть не только законодательство Российской Федерации, но и законодательство иностранных государств⁶.

Для текстов публичных оферт, размещенных в сети Интернет, характерно наличие условий, направленных на обеспечение понимания положений оферты акцептантом. Обычно условия формулируются таким образом, чтобы их возможно было исполнить в том случае, если будет произведен акцепт, и условие оферты станет условием договора. Для языка договоров характерен официальный стиль и использование глаголов в неопределенной форме (оплатить, соблюдать, обеспечить и т.д.). Однако часто в публичных офертах используются нетипичные фразы, в которых используются личные обращения и которые были бы более уместны в документе иного рода. Например: «Внимательно прочитайте текст данной публичной оферты», «Если Вы не согласны с каким-либо положением оферты, Исполнитель предлагает Вам отказаться от ее акцепта и пользования услугами»⁷.

В публичных офертах часто определяются термины, используемые в документе в дальнейшем, что также направлено на исключение разногласий в дальнейшем. Чаще всего определяются такие термины, как публичная оферта, акцепт, исполнитель, клиент, услуги, сайт, заказ, договор, электронная почта клиента, электронная почта исполнителя.

Доступность информации, размещенной в сети Интернет в качестве публичной оферты, тем не менее не означает, что исключается возможность введения акцептанта в заблуждение относительно содержания договора. Действует презумпция, что если лицо совершает активные действия, направленные на исполнение договора, то оно соглашается со всеми условиями договора. Однако не всегда само по себе размещение текста публичной оферты в сети Интернет означает, что акцептант знаком с ее условиями и понимает ее смысл.

Приведем пример. В судебной практике имеется ряд однотипных дел⁸, связанных, как представляется,

ся, со злоупотреблением со стороны оферента, разместившего свое предложение в сети Интернет.

Так, одновременно с получением кредитов в различных банках (например, ПАО «Почта-банк», ПАО «Восточный экспресс банк») заемщики давали согласие на оплату и получение сертификатов на абонентское юридическое обслуживание с ООО «Европейская юридическая служба». Стоимость сертификатов варьировалась от 1500 до 9500 руб. на срок один год. Заемщики, ссылаясь на то, что юридические услуги были не востребованы, и они не нуждались в их получении, требовали расторжения договоров и возврата денежных средств.

В системе ГАС «Правосудие» размещена информация о делах по искам заемщиков к банкам и ООО «Европейская юридическая служба», в которых заявлены требования о расторжении договоров о юридическом обслуживании, взыскании уплаченных денежных средств. Из 187 судебных актов удовлетворены требования потребителей в 20 делах, удовлетворены частично — в 82, отказано в удовлетворении требований — в 77 случаях, и 8 дел окончено с иным результатом (например, оставлено без рассмотрения, принят отказ от иска и т.п.). Таким образом, количество отказов в иске составляет 41,1% от общего числа дел. При этом следует учитывать, что в ряде дел и при частичном удовлетворении исков суд удовлетворял требования потребителя к банку, но отказывал в удовлетворении требований к юридической компании. Основной причиной отказов служило то обстоятельство, что оферта размещена на официальном сайте в открытом доступе, со всеми условиями потребитель мог ознакомиться, присоединение к абонентскому договору происходило независимо от заключения кредитного договора путем оплаты сертификата, а абонентский договор не предусматривает возврата абонентской платы, даже если услуги не были востребованы.

Таким образом, суд исходил из презумпции известности содержания публичной оферты потребителю, учитывая, что ее текст размещен в сети Интернет и общедоступен, несмотря на обстоятельства заключения договора. Однако публичная доступность текста оферты не исключает возможность злоупотребления правом лица, составившего текст оферты.

Язык служит средством коммуникации, публичная оферта с помощью языка и обращения к неопределенному кругу лиц направлена на установление юридической связи с контрагентом. Однако, для того чтобы оферта стала договором, размещения текста публичной оферты в сети Интернет не-

районе г. Омска от 6 июля 2017 г. по делу № 2-5399/2012; Решение Псковского городского суда от 30 октября 2017 г. по делу № 2-1919/2017; Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 24 сентября 2018 г. по делу № 2-9236/2018; Решение Заводского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 28 января 2019 г. по делу № 2-104/2019. URL: <https://sudact.ru/>

⁶ Там же.

⁷ Публичная оферта компании «ПЕТРОЛЕКС». URL: <https://retroleks.ru/offer.php> (дата обращения: 06.06.2019).

⁸ См., например: Решение Заводского районного суда г. Саратова от 17 января 2017 г. по делу № 2-137/2017; Решение мирового суда судебного участка № 58 в Ленинском судебном

достаточно, необходим акцепт оферты, и в публичных офертах определяется механизм такого акцепта.

Публичные оферты в большинстве своем содержат фразу о том, что оплата услуг означает акцепт и принятие условий оферты, соответственно, договор заключается на условиях оферты. Например: «лицо, заинтересованное в заключении договора, принимает условия, отраженные в оферте», «оплата услуг Заказчиком является акцептом оферты, что считается равносильным заключению Договора на условиях, изложенных в оферте». Такие словесные конструкции не предполагают возможности согласовывать какие-либо условия и означают безоговорочное принятие предложенного варианта. Конечно, допускается возможность направления оференту собственного предложения, которое будет рассматриваться как новая оферта.

В подавляющем большинстве оферт в качестве акцепта рассматривается 100%-ная оплата цены договора. Следует обратить внимание, что акцепт оферты необходим, и размещение публичной оферты в сети Интернет, и даже совершение другим лицом действий, формально похожих на принятие оферты, не всегда означает заключение договора. Хотя в судебной практике имеются примеры, когда требования оферента основываются на предположении о заключении договора, хотя другое лицо не совершило акцепта⁹. Суды отказывают в подобных исках, обращая внимание на то, что наличие лишь одних действий, перечисленных в публичной

оферте со стороны ответчика, не может рассматриваться как полный и безоговорочный акцепт со стороны ответчика¹⁰.

Таким образом, суть договора от того, что он заключается в электронной форме, не меняется, однако использование средств, предоставленных сетью Интернет, придает особенности договорным отношениям, и в частности юридической технике договоров. Публичные оферты, размещенные в сети Интернет, содержат ссылки на другие документы или приложения к оферте, которые позволяют точно определить предмет договора, имеют структуру договора, составленного в виде единого документа, содержат языковые конструкции, исключающие возможность согласования условий договора. Используемый язык в целом доступен для понимания, однако это не всегда означает полное осознание смысла текста акцептантом. Как правило, это договор присоединения, и поэтому его текст составляется одной стороной, которая может включать в договор любые условия, в том числе и нарушающие баланс интересов сторон. Условия, которые устанавливаются в интересах только одной стороны, доступны для ознакомления — иной проблемой является нежелание присоединяющейся стороны уяснить содержание заключаемого соглашения. Поэтому договоры, заключаемые через Интернет, могут служить средством злоупотребления, при этом возможно признание контрагента связанным договором именно в силу того, что оферта размещена публично.

⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 4 апреля 2016 г. по делу № А40-194221/15. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/762437a4-1cb2-4cbb-b881-49754fae14ca> (дата обращения: 13.05.2019).

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы № А40-84918-2012 от 10 сентября 2012 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6d6472c5-6d88-41d9-b99c-3403d1cfe0a8> (дата обращения: 13.07.2019).

Литература

1. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование : монография / В.С. Белых. Москва : Проспект, 2017. 208 с.
2. Гражданское право : учебник. В 2 томах / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо [и др.] ; под редакцией Б.М. Гонгалло. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2018. Т. 2. 560 с.
3. Рожкова М.А. Право в сфере Интернета : сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др. ; руководитель авторского коллектива и ответственный редактор М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2018. 528 с.
4. Шевченко Е.Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. Москва : Инфотропик Медиа, 2012. 312 с.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Авакьян С.А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции

Законодательные реформы в области местного самоуправления, осуществленные в 2017–2019 гг., практически ликвидируют местное самоуправление на уровне поселений — в селах, поселках, небольших городах. Эти меры критически оцениваются автором. Он высказывает свои предложения по реформированию местного самоуправления на громадных просторах России.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформирование, муниципальные сообщества.

Avakyan S.A. Local Self-Government as a Form of Public Authority: Constitutional Expectations and Real Structures

Legislative reforms in local self-government of 2017–2019 almost liquidate local self-government at the level of settlements — in villages, rural settlements, towns. These measures are critically assessed by the author. The author makes proposals for reformation of local self-government in the great spaces of Russia.

Keywords: local self-government, reformation, municipal communities.

Братцева Е.А. Необходимость правового регулирования осуществления территориального общественного самоуправления на уровне субъектов Федерации

Статья посвящена рассмотрению правового регулирования института территориально-общественного самоуправления в контексте принципа федерализма Российской Федерации, а также вопросов совместного ведения Федерации и ее субъектов. В частности, автором делается вывод и о необходимости урегулирования осуществления территориального общественного самоуправления на региональном уровне со ссылками на конституционные нормы.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, федерализм, вопросы совместного ведения.

Brattseva E.A. Need for Legal Regulation of Territorial Public Self-Government at the Level of Federal Constituent Entities

The article is devoted to the consideration of legal regulation of the institute of territorial public self-government in the context of the federalism principle of the Russian Federation, as well as issues of joint management of the federation and its subjects. In particular, the author makes a conclusion and the need to regulate the implementation of territorial public self-government at the regional level with references to constitutional norms.

Keywords: local government, territorial public self-government, federalism, issues of joint jurisdiction.

Гончаренко О.К. Законодательство Российской Федерации о защите прав женщин нуждается в совершенствовании

В настоящей статье проведен анализ законодательного регулирования ситуации в сфере защиты прав женщин в Российской Федерации. Освещены основные положения исследования, проведенного Всемирным банком, а также международных документов, регулирующих данный вопрос. Приведены рекомендации Договорных органов ООН по правам человека в адрес Российской Федерации по улучшению ситуации по защите прав женщин с акцентом на необходимость координации и разработки стратегии актуализации гендерной проблематики и принятия закона о

профилактике семейного насилия ввиду последних законодательных изменений в этой области. Отражены имеющаяся статистика органов государственной власти Российской Федерации и наличествующие проблемы, подтверждающие потребность в принятии подобной нормативной правовой базы. Поднят вопрос о целесообразности присоединения и ратификации Стамбульской конвенции Совета Европы, а также о разработке и становлении «женского права» на национальном уровне.

Ключевые слова: права женщин, защита прав женщин, домашнее насилие, закон о профилактике насилия, женское право, кризисные центры, декриминализация побоев, охранные приказы.

Goncharenko O.K. Legislation of the Russian Federation on Protection of Rights of Women Needs Improvement

The article provides analyses of the legislation of the Russian Federation on protection of the rights of women. There are main provisions of the research, made by the World Bank, as well as references to the international documents, regulating this issue. The recommendations of the UN treaty bodies addressed to the Russian Federation to improve the situation with women's rights, including the necessity of coordination and drafting the mainstreaming strategy of gender equality, as well as adoption of the law on preventing domestic violence due to recent legislative amendments in this sphere have been presented. The statistics of the government bodies of the Russian Federation together with current difficulties, proving the need to adopt a special legal framework have been reflected. The question of feasibility of accession and ratification to Istanbul Convention of the Council of Europe, as well as the idea of drafting and establishment of the "law of women" on national level have been raised.

Keywords: rights of women, protection of women's rights, domestic violence, law on prevention of violence, law of women, women's shelter, decriminalization of battery, protection order.

Жильцов Н.А., Чердаков О.И. О правовых и неправовых регуляторах киберпространства

В статье рассматривается эффективность использования правового инструментария в киберпространстве. Виртуальная среда — это часть реального мира, созданная человеком для реализации информационно-коммуникационных потребностей, следовательно, должна контролироваться обществом и государством. В противном случае проблемы виртуального мира перерастут в проблемы мира реального. Складывающаяся мировая практика административно-правового регулирования Интернета показала, что не все государства обеспечивают полную свободу действий в киберпространстве, на это влияют несколько факторов, таких как национальный менталитет, политическая культура населения, правовые традиции, уровень цифровизации общества и экономики. В исследовании предлагается ответ на вопрос, насколько эффективен сложившийся правовой механизм регулирования киберпространства.

Ключевые слова: цифровизация, право, мировоззрение, цифровая экономика, интернет-технология, виртуальный мир, киберпространство, виртуальное пространство, информационный контент, интернет-право, виртуальное сетевое сообщество.

Zhiltsov N.A., Cherdakov O.I. On Legal and Non-Legal Regulators of Cyberspace

The article examines the effectiveness of the use of legal tools in cyberspace. The virtual environment is a part of the real world created by man to realize information and communication needs, therefore, must

be controlled by society and the state. Otherwise, the problems of the virtual world will turn into the problems of the real world. The emerging global practice of internet regulation has shown that not all states provide complete freedom of action in cyberspace, and this is influenced by several factors, such as: the national mentality, political culture, legal traditions, the level of digitalization of society and the economy. The study asks an answer to the question of how effective the existing legal mechanism for regulating cyberspace is.

Keywords: digitalization, law, worldview, digital economy, Internet technology, virtual world, cyberspace, virtual space, information content, Internet law, virtual network community.

Латынин О.А. Гражданский оборот как цивилистический концепт

В статье гражданский оборот представлен как цивилистический концепт, что соответствует постклассической юридической методологии, особо востребованной для выработки алгоритмов принятия правоприменительных решений по сложным делам, когда на смену силлогистике приходят аксиологические суждения. Автором показано, что концепт «гражданский оборот» имеет сложную многоуровневую структуру, состоит из целостно организованной совокупности смысловых компонентов, каждый из которых несет информацию о гражданском обороте как объекте восприятия на основе осознанного профессионального юридического опыта.

Ключевые слова: цивилистическая методология, концепт, гражданский оборот.

Latynin O.A. Civil Law Transactions as a Civilized Concept

In accordance with the postclassical legal methodology, this article presents a civil circulation as a concept necessary in complex cases, when axiological judgments replace the syllogistics ones. It is shown that the «civil circulation» concept has a complex multi-level structure, consists of a holistically organized semantic components set, each of which carries information about the civil circulation as a perception object based on conscious professional legal experience.

Keywords: civil methodology, concept, civil circulation.

Павлов А.А. Фидуциарные обязанности как неотъемлемая часть предмета договора управления чужими делами

В представленной статье рассматриваются фидуциарные обязанности через призму предлагаемой автором новой договорной конструкции — договора управления чужими делами. Исследуется понятие фидуциарных обязанностей, их перечень, правоприменительное значение и место в договоре управления чужими делами.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности, добросовестность, разумность, действие в интересах бенефициара, дискреционные полномочиям, договор управления чужими делами.

Pavlov A.A. Fiduciary Duty as an Integral Part of the Subject of an Agreement of Management of Other People's Business

The article deals with fiduciary duties through the prism of the new contractual construction proposed by the author—the contract of management of other people's Affairs. The article examines the concept of fiduciary duties, their list, law enforcement significance and place in the contract of management of other people's Affairs.

Keywords: fiduciary duties, good faith, reasonableness, action in the interests of the beneficiary, discretionary powers, contract of management of other people's affairs.

Грохотова Е.А. Социальное предназначение примирения по уголовным делам

В данной статье автором характеризуется социальное значение института примирения по уголовным делам. Отношения потерпевшего и обвиняемого регулируются не только нормами права. Как и любые другие общественные отношения, они складываются в социальной сфере и имеют значение для всего общества, поскольку права и свободы человека и гражданина независимо от его правового статуса должны обеспечиваться и гарантироваться государством.

Подчеркивается, что наиболее социально значимым является мирное разрешение конфликта, возникшего между потерпевшим и обвиняемым.

Отмечается, что социальное предназначение данного института зависит от правовой и нравственной деятельности участников уголовного процесса. В силу особого социального значения института примирения по уголовным делам следует выделять среди его задач предупреждение и пресечение совершения новых преступлений сторонами уголовно-правового конфликта. Успешная реализация норм о примирении по уголовным делам зависит в том числе и от государственных органов, на которых возлагаются функции по примирению сторон. Развитие института примирения по уголовным делам является перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: примирение, уголовное дело, социальное значение, государство.

Grokhotova E.A. Social purpose of reconciliation on criminal cases

In this article the author characterizes social value of institute of reconciliation on criminal cases. The relations of the victim and the defendant are regulated not only rules of law. As well as any other public relations they develop in the social sphere and have values for all society as the rights and freedoms of the person and the citizen, irrespective of his legal status have to be provided and guaranteed by the state.

It is emphasized that the most socially important is peaceful resolution of the conflict which arose between the victim and the defendant. It is noted that the social purpose of this institute depends on legal and moral activity of participants of criminal proceedings. Owing to special social value of institute of reconciliation on criminal cases, it is necessary to distinguish prevention and suppression of commission of new crimes by the parties of criminally legal conflict from its tasks. Successful realization of norms on reconciliation on criminal cases depends including on public authorities on which functions on reconciliation of the parties are assigned. Development of institute of reconciliation in criminal cases is the perspective direction of improvement of the criminal procedure legislation.

Keywords: reconciliation, criminal case, social value, state.

Мутасова М.А., Осокин Р.Б. Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона

В настоящей статье рассматривается норма, регламентирующая применение обратной силы уголовного закона (ст. 10 УК РФ), во взаимосвязи с принципом справедливости.

Анализируются нормы международных актов и Конституции Российской Федерации, закрепляющие положения об обратной силе закона. Исследуются научные мнения по поводу природы института обратной силы уголовного закона. Анализируются позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно проблемных вопросов применения обратной силы уголовного закона и реализации принципа справедливости при приведении приговоров в соответствие с новым уголовным законом. Исследуются последствия придания новому уголовному закону обратной силы. Рассмотрен пример из судебной

практики, когда в связи с изменением уголовного закона был пересмотрен приговор, и осужденный к пожизненному лишению свободы был освобожден от наказания.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, принцип справедливости, уголовное законодательство, пересмотр приговора, смягчение наказания, освобождение от наказания.

Mutasova M.A., Osokin R.B. Implementation of the Principle of Justice Taking into Account the Rule on Criminal Law Retroactivity

The article deals with Art. 10 of the Criminal Code, regulating the use of retroactive criminal force, in conjunction with the principle of justice.

The norms of international acts and the Constitution of the Russian Federation are analyzed, fixing the provisions on the retroactive force of the law. Scientific opinions on the nature of the institution of retroactivity of criminal law are examined. The positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the problematic issues of the application of retroactive criminal law and the implementation of the principle of justice when bringing sentences into line with the new criminal law are analyzed. The implications of giving retroactive criminal law are being investigated. An example from judicial practice was considered, when the sentence was revised due to a change in the criminal law, and the person sentenced to life imprisonment was released from punishment.

Keywords: retroactive criminal law, the principle of justice, criminal law, review of the sentence, mitigation of punishment, exemption from punishment.

Кусаева А.Р. кызы. Гражданско-правовая ответственность за нарушения сделок в электронной форме в Германии

В данной статье представлена правовая ситуация Федеративной Республики Германия относительно электронных сделок. Статья является кратким обзором ситуации, так как юридические положения об электронных сделках, так же как и сам электронный бизнес, очень разнообразны и должны быть индивидуально рассмотрены и проверены для каждого отдельного вида услуг. Статья сосредоточена на правовых нововведениях Германии.

Ключевые слова: немецкое гражданское право, электронная коммерция, правонарушения в сфере электронной торговли, торговая площадка, электронное здравоохранение, Директива ЕС, закон об электронной подписи, предприниматель, потребитель.

Kusaeva A.R. kyzy. Civil Law Liability for Transaction Violation in Electronic Form in Germany

This article presents the legal situation of the Federal Republic of Germany regarding electronic transactions and liability for violations in the field of these transactions. The article is a brief overview of the situation, since the legal provisions on electronic transactions, as well as the electronic business itself, are very diverse and must be individually reviewed and verified for each individual type of service. The article focuses on the legal innovations of Germany.

Keywords: german civil law, e-commerce, e-commerce offenses, marketplace, e-health, EU Directive, electronic signature law, entrepreneur, consumer.

Чесни Г., Мовшович М.Г., Лоу Ч. Принцип добросовестности в практике английских судов

В настоящей статье проанализированы последние изменения в практике английских судов по вопросу применения принципа добросовестности в коммерческих договорах. В статье также

рассмотрены некоторые проблемы, возникающие на практике, и содержатся рекомендации, которых следует придерживаться при заключении и исполнении договоров.

Ключевые слова: добросовестность, отношенческие договоры, подразумеваемое обязательство, английское право, Браганза, Кент, Беитс, Ватсон, Вотчфаиндер, договоры.

Chesney G., Movshovich M.G., Low Ch. The Principle of Good Faith in the Practice of English Courts

This article discusses recent significant developments in English law regarding the implication of a duty of good faith in commercial contracts. It also addresses certain concerns that may arise in practice and outlines recommendations that should be considered when negotiating and performing a deal.

Keywords: good faith, relational contracts, implied duty, English law, Braganza, Kent, Bates, Watson, Watchfinder, contract.

Козлова М.Ю. Юридический язык публичных оферт, размещенных в сети Интернет

Информатизация общества приводит к тому, что все чаще гражданско-правовые договоры заключаются между контрагентами, которые удалены друг от друга и общаются исключительно посредством сети Интернет. В статье исследуется специфика юридического языка публичных оферт на заключение договоров оказания юридических услуг, размещенных в сети Интернет. Для таких оферт характерны интертекстуальность, а также наличие условий, обеспечивающих интересы лица, составившего оферту. Устанавливается, что договоры, заключаемые посредством сети Интернет, не имеют единого текста, подписанного сторонами, содержат ссылки на иные тексты и источники, содержат языковые конструкции, исключающие возможность согласования условий договора. Контрагент, предлагающий заключение договора, обычно включает в договор условия, выгодные для него, — об ограничении ответственности, о применимом праве, о подсудности споров. Подобные договоры всегда предполагают, что присоединяющаяся сторона ознакомится с условиями соглашения, хотя в подавляющем большинстве случаев этого не происходит, и присоединяющаяся сторона может быть введена в заблуждение относительно содержания соглашения и личности контрагента.

Ключевые слова: публичная оферта, текст договора, Интернет, юридический язык.

Kozlova M.Yu. Legal language of the public offer, published on the Internet

Informatization of the society leads to the fact that more and more often civil contracts are concluded between contractors who are far from each other and they communicate only via the Internet.

The article studies the specifics of the legal language of public offers for concluding contracts for the provision of legal services published on the Internet. Such offers are characterized by intertextuality, the presence of conditions that ensure the interests of the person who made the offer. It is established that contracts concluded via the Internet do not have a unified text signed by the parties, contain links to other texts and sources, contain linguistic structures that exclude the possibility of adjusting the terms of the contract. The contractor proposing the conclusion of an agreement usually includes conditions favorable to them — regarding limitation of liability, applicable law, jurisdiction over disputes. Such contracts always imply that the affiliate learns the terms of the agreement, although in most cases this does not happen, and the affiliate may be misled about the contents of the agreement and the identity of the counterparty.

Keywords: public offer, contract text, the Internet, legal language.

Редакционный совет:

Плигин Владимир Николаевич – председатель АЮР, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН;

Блажеев Виктор Владимирович – сопредседатель АЮР, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Степашин Сергей Вадимович – сопредседатель АЮР, председатель наблюдательного совета госкорпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»;

Крашенинников Павел Владимирович – сопредседатель АЮР, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству

Главный редактор журнала:

Гриб Владислав Валерьевич – член Президиума АЮР, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

Заместитель главного редактора журнала:

Редькин Игорь Владимирович

Члены Совета:

Александров Алексей Иванович – член Президиума АЮР, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству;

Бородин Павел Андреевич – вице-президент по работе с органами государственной власти ОАО «Вымпелком»;

Голышев Александр Константинович – член Президиума АЮР, декан Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Московского регионального отделения АЮР;

Дубик Сергей Николаевич – статс-секретарь – заместитель генерального директора по осуществлению государственных полномочий Госкорпорации «Роскосмос»;

Иванов Антон Александрович – заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке;

Кропачев Николай Михайлович – член Президиума АЮР, ректор Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области;

Лебедев Вячеслав Михайлович – член Президиума АЮР, Председатель Верховного Суда Российской Федерации;

Перевалов Виктор Дмитриевич – член Президиума АЮР, президент Уральского государственного юридического университета;

Пилипенко Юрий Сергеевич – член Президиума АЮР, президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

Ренов Эдуард Николаевич – заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке;

Семеняко Евгений Васильевич – первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

Сурков Константин Викторович – член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;

Торшин Александр Порфирьевич;

Требков Андрей Адамович – председатель Международного союза юристов;

Чайка Юрий Яковлевич – член Президиума АЮР;

Шарандин Юрий Афанасьевич – заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – начальник управления

№ 1 (277) / 2020

Учредители:

Издательская группа «Юрист», Ассоциация юристов России

Главный редактор журнала «Юридический мир»:

Гриб В.В.

Заместитель главного редактора журнала

«Юридический мир»:

Редькин И.В.

Редакционная коллегия журнала

«Юридический мир»:

Егорова М.А., Манылов И.Е., Пискунов Я.Б., Ситдикова Л.Б.

Редакция:

Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

Верстка:

Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Фото обложки и интервью: личный архив Д.В. Пристанскова
Фото в новостные материалы номера предоставлены пресс-службой АЮР.

Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru <http://www.lawinfo.ru>

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Подписной индекс по каталогам:

Объединенный каталог. Пресса России – 91915.

Свидетельство о регистрации в качестве СМИ:

ПИ № ФС77-56628 от 26 декабря 2013 г.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору

в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону. К опубликованию принимаются материалы, прошедшие проверку в системе «Антиплагиат» и содержащие не менее 75% авторского текста.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Внимание наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются

в электронной правовой системе «КонсультантПлюс».

ISSN 1811-1475. Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л. – 9,0. Усл. печ. л. – 9,0. Тираж 5000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 19.02.2020.

Дата выхода в свет: 26.02.2020.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней

Editorial Board:

Pligin Vladimir N., Chairman of the Association of Russian Lawyers, Leading Researcher of the Sector of Theory of Law and State of the Institute of State and Law RAS

Blazheev Viktor V., Co-Chairman of the Association of Russian Lawyers, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepashin Sergei V., Co-Chairman of the Association of Russian Lawyers, Chairman of the Supervisory Board of the Fund for Assistance to the Reform of Housing and Communal Services State Corporation;

Krashennikov Pavel V., Co-Chairman of the Association of Russian Lawyers, Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on State-Building and Legislation;

Editor in Chief of the journal:

Grib Vladislav V., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Vice President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief of the journal:

Red'kin Igor V.

Members of the Board:

Alexandrov Alexey I., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, First Deputy of the Chairman of the of the Federation Council Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation under Constitutional Law and State Building;

Borodin Pavel A., Vice President of Work with Public Authorities of Vimpelcom OJSC;

Golichenkov Alexander K., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Dean of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Chairman of the Moscow Regional Office of the Association of Russian Lawyers;

Dubik Sergey N., Deputy Director General for Interaction with Public Authorities of the State Space Corporation Roscosmos;

Ivanov Anton A., Head of the Department of Civil and Business Law National Research University High School of Economics; Retired Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation;

Kropachev Nikolai M., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Rector of the Saint Petersburg State University, Head of the Interregional Office of the Association of Russian Lawyers in St.Petersburg and the Leningrad Region;

Lebedev Vyacheslav M., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation;

Perevalov Victor D., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, President of the Ural State Law University;

Pilipenko Yuri S., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation;

Renov Eduard N., Retired Deputy Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation;

Semenyako Evgeny V., First Vice-President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation;

Surkov Konstantin V., Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation;

Torshin Alexander P.,

Trebkov Andrey A., Chairman of the International Union of Lawyers;

Chaika Yuri Ya., Member of Presidium of Association of lawyers of Russia, Prosecutor General of the Russian Federation;

Sharandin Yuri A., Deputy Head of the Office of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation – Head of Department

№ 1 (277) / 2020

Publisher:

Jurist Publishing Group, Association of Lawyers of Russia

Chief Editor of Juridical World journal:

Grib V.V.

Deputy Editor in Chief of Juridical World journal:

Red'kin I.V.

Editorial Stuff of Juridical World journal:

Egorova M.A., Manylov I.E., Piskunov Ya.B., Sitdikova L.B.

Editions:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

Tel. (495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Photoes of the cover and interview: Archive of D.V. Pristanskov

Photoes of the news are provided with Press-Service of the Association of Lawyers of Russia

Editorial Office's Address / Publishing house:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

<http://www.lawinfo.ru>

The journal is included in the database Russian science citation index

eLIBRARY.RU

Subscription:

Unified Catalogue. Russian Press – 91915.

Certificate of Registration as the Mass Media:

PI No. FS77-56628 of 26.12.2013.

Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors of articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law.

For publication are accepted materials, authenticated in the system of the same name, and containing not less than 75% of the author's text.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Tel.: (4842) 70-03-37.

248031, Kaluga, street Svetlaya, 2.

To the attention of our authors!

Some materials of the journal shall be put on ConsultantPlus reference legal system.

ISSN 1811-1475. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet – 9,0.

Conventional printed sheet – 9,0.

Circulation 5000 copies.

Free market price.

Passed for printing: 19.02.2020.

Date of publication: 26.02.2020.

юрист*

Читайте в номере:

Интервью с членом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации доктором юридических наук, профессором **Б.С. Эбзеевым**

Главная тема номера:

«Актуальные проблемы в области права в России и в зарубежных странах»

Статьи номера

Топоров Д.А.

Особенности управления многоквартирными домами и предоставления коммунальных услуг в странах Европы, Америки и Азии

Крушевская М.В.

Синергетический подход к определению сущности гражданского оборота

Юдина Е.В.

Негосударственный пенсионный фонд как юридическое лицо

Косякин И.А.

Временная субституция единоличного исполнительного органа акционерного общества

Козлов В.Д., Гирина Т.С.

Правовое регулирование информации на конституционном уровне в России

Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Куликов С.Б.

Право в рамках киберпространства

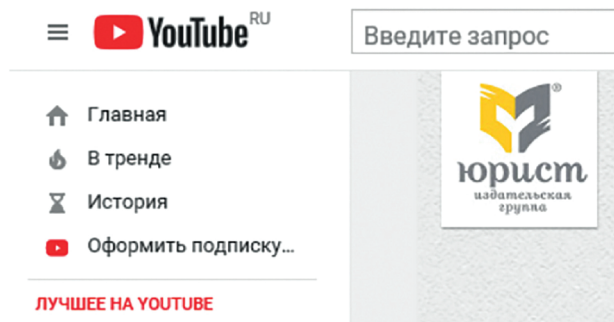
* В соответствии с Распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р федеральный научно-практический и информационный журнал «Юрист» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки);

12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки);

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Подписка на журнал

Для авторов

Уважаемые авторы!

Только с 1 по 31 марта 2020 года скидка на годовую подписку на журнал «Адвокатская практика» составит 30 %! Спешите оформить подписку!

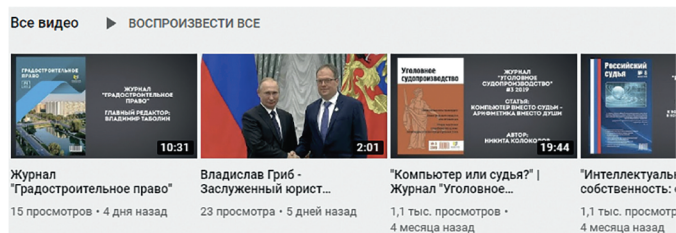
По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел. (495) 617-18-88 — многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно) или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Видео-обзоры, интервью с авторами статей, знакомство с актуальными публикациями, репортажи – всё это на нашем официальном канале YouTube / Издательская группа «Юрист»

ЗАХОДИТЕ, СМОТРИТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Если Вы хотите выступить по Вашей статье на канале ИГ «Юрист», пишите на адрес: ispolkom@lawinfo.ru

